

Сакс Ромер

Спящий детектив

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**

II

Salamandra P.V.V.

Сакс Ромер

СПЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

Перевод и предисловие А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Ромер С.

Спящий детектив. Пер. с англ. и предисл. А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 248 с., илл. – PDF. – (Новая шерлокиана, Вып. II).

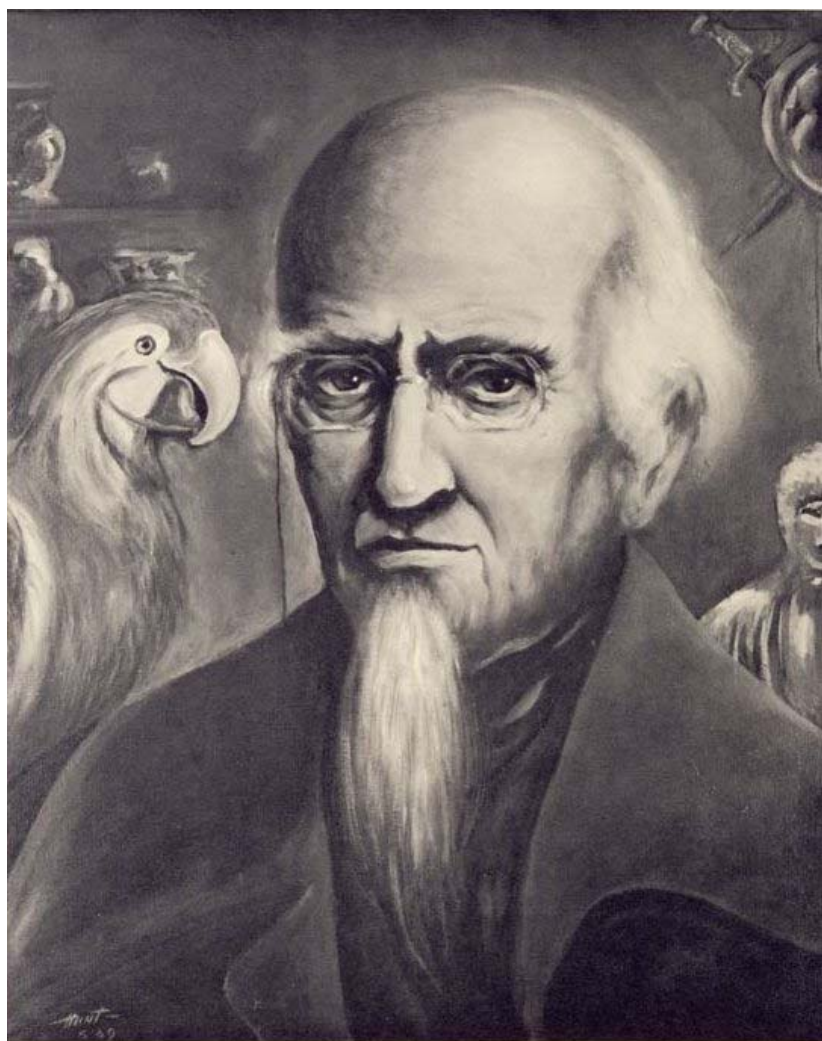
Один из самых странных детективов на свете, Морис Клау не бродит по лондонским подземельям с револьвером и не рассуждает у камина о тонкостях дедуктивного метода. Он... спит и разгадывает криминальные загадки во сне.

Убийство портретиста в уединенной мастерской и похищение драгоценного алмаза «Голубой раджа», привидение в Грейндже и загадочная история с обезглавленными мумиями: Клау способен одержать верх над самым изощренным преступником...

Расследования Мориса Клау и его прекрасной дочери Изиды – в классической книге Сакса Ромера «Спящий детектив». Эта книга Ромера, создателя зловещего доктора Фу Манчу, впервые переводится на русский язык.

© А. Sherman, перевод, предисловие, 2012

© Salamandra P.V.V., оформление, 2012

СПЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ

Мориса Клау, созданного воображением Сакса Ромера, по праву можно назвать одним из самых странных детективов в мировой галерее литературных сыщиков. Сегодня нас не удивит ни сыщиком-заключенным, ни сыщиком-убийцей, ни детективом-экстра-сенсом, некромантом или вампиром. Но тогда, в начале XX века, когда Ромер писал рассказы о Клау* – что могло быть необычайней детектива, который не бродил по мрачным лондонским подземельям с револьвером наготове и не рассуждал в кресле у камина о тонкостях дедуктивного метода, окутанный клубами табачного дыма, а преспокойно укладывался спать на месте преступления? И не просто так, а на красной, шелковой, одически стерильной подушке?

Будем справедливы к Морису Клау – он и в далекий Рим готов отправиться, если того требуют интересы дела, и с лупой ползает по полу, изучая мельчайшие пылинки, и злодея может при случае застрелить. Но все же главное происходит во сне: первый импульс к разгадке Клау дают психические послания, следы «эфирной бури», порожденной кровавой драмой. Сыщик называет эти эфирные следы «ментальными негативами» и утверждает, что способен «проявлять» их с помощью своей дочери, воссоздавая тем самым картину преступления.

Дочь детектива, загадочная и прельстительная экзотическая красавица, носит умопомрачительные парижские наряды и говорит с французским акцентом. Она наделена многозначительным именем Изида, которое намекает на мистерии древности, сокровенную мудрость и вечно модные таинства Египта (в «Спящем детективе» египетские тайны, в духе эпохи, сервированы под теософско-археологическим соусом, при-

* Рассказы о Морисе Клау были впервые опубликованы в №№ 49-58 «The New Magazine» (апрель 1913-январь 1914 г.).

чем Древний Египет так или иначе фигурирует в половине историй о Морисе Клау). Да и с фамилией Клау все не так просто: звучит она совсем как английское слово «claw» – это и «коготь», и полицейские оковы – а на письме отличается от него лишь одной буквой. Ни единому злоумышленнику не выскользнуть из когтей Клау: «Разве хоть однажды он потерпел поражение?» – спрашивает Изиды.

Захламленная антикварная лавка Мориса Клау, где детектив исследует древние артефакты, находится у Старой лестницы в Уоппинге, что спускается от Уоппинг Хай-стрит к Темзе в лондонском Ист-Энде. Место выбрано далеко не случайно. Здесь, в Уоппинге, совершались кровавые преступления, здесь веками селились матросы и мореплаватели (в числе их Джеймс Кук и капитан «Баунти» Уильям Блай). Рядом располагались грязные пабы и воспетые Диккенсом рабочие дома. И тут же, неподалеку от Старой лестницы, палачи в давние времена вешали пиратов и контрабандистов, а в мае 1701 года вздернули на виселицу Уильяма Кидда. Понятно, что в лавке у Клау просто обязан жить пиратский попутай, который при виде посетителя начинает хрипло вопить: «Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол!»

Но одним попугаем Стивенсона дело не обошлось. Мелькает в историях Ромера и своеобразный двойник конан-дойлевского инспектора Лестрейда, деятельный инспектор уголовной полиции Гримсби с неизменной сигарой во рту. Читатель ждет уж рифмы к доктору Уотсону – и правильно делает. В рассказах о Клау аналогом его выступает сам рассказчик, некий мистер Сирльз, личность довольно плоская и серая: «Считайте меня всего-навсего хронистом, и ни в коем случае не главным или даже второстепенным героем рассказа» – на первой же странице заявляет он. В остальном Сирльз отлично исполняет свои служебные обязанности: терпится в догадках, в нужные минуты изумляется или ужасается, восторгается красотой Изиды и превозносит необычайные способности ее отца.

Подстать этим необыкновенным дарованиям – поразительному слиянию логики, наблюдательности и медиумических талантов – и диковинный облик Мориса Клау. Человек

без возраста, чья одежда сочетает признаки элегантности и вопиющей бедности, «то ли глубокий старик, который легко нес бремя своих лет, то ли человек молодой, но преждевременно постаревший. Что было правдой, сказать не смог бы никто. Его кожа отливала серостью грязного пергамента, а волосы, косматые брови и реденькая бородка казались блеклыми и начисто лишенными цвета. На голове у него красовался давно вышедший из моды коричневый котелок, на носу сидело изящное пенсне в золотой оправе, с шеи свисал черный шелковый шарф. Длинный черный плащ с пелериной закрывал эту сутулую фигуру с головы до пят, а из-под заляпанного грязью края плаща выглядывали остроносые парижские туфли».

Но самая странная черта Мориса Клау – не одежда и не внешность, а манера изъясняться. Речь Клау, гибкая и выразительная, отличается своеобразным черным юмором, изысканностью и пафосом, но в то же время пестрит забавными ошибками и синтаксическими дикостями, особо подчеркнутыми в некоторых рассказах. За подкладкой котелка Клау носит пузырек с вербеной, которой отгоняет «запах мертвецов», именует себя «скромным исследователем эфирных рубежей» и незамедлительно сообщает читателю, что всю жизнь шел по следам преступлений и объехал весь земной шар от ледяной Лапландии до тропической Африки, «где черная лихорадка плясала в воздухе над мертвыми, словно неотлетевшая душа».

Человек неопределимого возраста и неопределенного происхождения, овеванный мистической аурой, чужак такой же несомненный, как французский прононс Изида... Очередная инкарнация Сен-Жермена или Калиостро? Иностраннный консультант с мифистофельским копытом? Или же, как заключает в своем эссе о Клау библиофил и поклонник Ромера Дж. Норрис, «своего рода путешественник во времени, который пришел к нам из дали веков, чтобы раскрыть невежественному человеку современности тайны культуры прошлого»?

Сверхъестественный ореол Клау распространяется и на его расследования – многие злодеяния в «Спящем детективе» словно указывают на потусторонние силы, хотя разгадки их

чаще всего рациональны. Не слишком рационален, в отличие от дедукции Шерлока Холмса, сам метод: Клау верит в цикличность преступлений и связывает «циклы» кровопролития с теми или иными древними артефактами, к тому же убежден в вещественности мыслей («мысль есть вещь», провозглашает он). А раз мысль есть вещь, то момент высшего напряжения мысли, что предшествует насильственной смерти или злодеянию, оставляет в мире материальный отпечаток, «одический негатив, фотографию греха, мыслительный предмет». Эти-то негативы и воспринимает чувствительное сознание Клау, когда он спит на месте преступления, положив голову на «одически стерильную» подушку.

Методы Клау основаны на теории так называемой «одической силы» – жизненной силы или витальной энергии – выдвинутой в середине XIX в. немецким естествоиспытателем Карлом фон Рейхенбахом в работе «Исследования магнетизма, электричества, тепла, света, кристаллизации и химического притяжения в их связи с витальной силой». По мнению Рейхенбаха, сила «од» (от Одина) пронизывает мир и родственна электричеству и животному магнетизму, но заметить ее проявления могут только люди, обладающие особым даром. Опыты фон Рейхенбаха с подобными «сенситивами» непосредственно предшествовали широкому распространению спиритизма и медиумизма – в свою очередь, отразившихся в оккультных по сути теориях Клау. Методы сыщика, как справедливо указывает в своей работе А. Лемберт*, тесно связаны также с опытами «мыслительной фотографии» французов Луи Дарже и Ипполита Барадюка и, наконец, с концепцией «мыслительных форм», выдвинутой в одноименной книге 1901 г. виднейшими теософами Анни Безант и Чарльзом У. Ледбитером.

Здесь уместно вспомнить, что Ромер считается одним из родоначальников жанра «оккультного детектива», к которому до него обращались Джозеф Шеридан Ле Фаню, Брэм

* Lemberg Alexandra. «Thoughts Are Things». // *Magical Objects: Things And Beyond*. Leipzig, 2007 (Leipzig Explorations in Literature and Culture, Vol. 12). С. 135-140.

Стокер, Алджернон Блэквуд, Уильям Х. Ходжсон и другие авторы. Был ли Ромер оккультистом или просто использовал популярные эзотерические мотивы? Если верить единственной биографии писателя, составленной его женой (к тому времени вдовой) Элизабет в соавторстве с бывшим учеником и секретарем Ромера, Кеем Ван Ашем, Ромер состоял в ряде оккультных обществ, включая «Герметический орден Золотой зари», где он познакомился с Алистером Кроули:

«Некоторые вещи, которые Сакс узнал в этих обществах, вероятно, были использованы в его произведениях... Что именно он узнал, остается загадкой. Вне сомнения, он прилежно изучал эту темную область знаний и занимался некоторыми практическими экспериментами, и никогда не переставал этим заниматься, но был не в силах вести строго аскетическую жизнь, подобающую 'адепту'. В конце концов он покинул упомянутые общества и тем не менее верно хранил их секреты, никогда не говорил о своем членстве [в оккультных обществах] даже Элизабет, а о его контактах с ними стало известно только после его смерти»*.

Многие считают, однако, что Ромер намеренно преувеличивал степень своей оккультной «посвященности» и распространял соответствующие слухи, раздувая собственную литературную репутацию. Как бы то ни было, он сочинил целый ряд «сверхъестественных» романов ужасов и выпустил труд «Романтика колдовства» (1914) – исторический очерк эзотерики от Аполлония Тианского до Нострадамуса, Джона Ди, Калиостро и мадам Блаватской.

Вероятно, мы больше поймем в Морисе Клау, если ближе познакомимся с Ромером. Сакс Ромер (Артур Генри Уорд) родился в Бирмингеме в 1883 году, выбился из рабочей семьи в чиновники, но не сумел избежать литературной отравы: сочинял стихи, песенки и комедийные скетчи, писал для газет и журналов, а в 1903 году опубликовал свой первый рассказ с характерным названием «Таинственная мумия».

* Van Ash, Cay & Rohmer, Elizabeth Sax. *Master of Villainy: A Biography of Sax Rohmer*. London, 1972. С. 29-30.

Псевдоним «Сакс Ромер» появился несколькими годами позднее; с тех пор это имя неразрывно связано с образом доктора Фу Манчу, азиатского гения преступности и олицетворения вселенского зла. Блистательно одаренный и блестяще образованный герой Ромера «владеет всеми цивилизованными языками и большинством варварских», познал «все науки и искусства, которые можно изучить в лучших университетах», он – адепт тайных знаний и изощренный мастер интриги, в его арсенале преступных средств – наемные убийцы и прекрасные шпионки, питоны и кобры, ядовитые грибы и смертоносные бактерии. Этот «духовный гигант», по определению одного из персонажей Ромера, разумеется, может стремиться лишь к мировому господству.

Сакс Ромер

Знаменитое описание из романа «Зловещий доктор Фу Манчу» не оставляет ни малейших сомнений в том, о чем идет речь: «Представь себе человека высокого, сутулого, тощего и гибкого, точно кошка, со лбом Шекспира и лицом Сатаны, выбритым черепом и продолговатыми, магнетическими, поистине кошачьими зелеными глазами. Надели его

всем жестоким коварством восточной расы, собранным воедино в громадном интеллекте, владеющем всеми научными знаниями прошлого и настоящего, всеми ресурсами, какими располагает, скажем, правительство богатой страны... Представь себе это ужасное существо — и перед тобой предстанет мысленный портрет доктора Фу Манчу, желтая опасность, воплощенная в одном человеке».

Вполне понятно, что Ромер широко использовал расистские клише, да и сам не отличался расовой терпимостью. Его ксенофобия доходила до настоящей паранойи: индусы, русские, евреи, итальянцы, китайцы — все они, как увидит читатель «Спящего детектива», несут страшную угрозу. В цикле романов о Фу Манчу параноидальная ксенофобия Ромера достигла неслыханных высот. Много позже, уже оправдываясь, он писал: «Временами мне казалось, что Восток обладает большей мудростью, более глубоким пониманием основ жизни... Надеюсь, вы воспримете доктора Фу Манчу так, как воспринимал его я. Возможно, в один прекрасный день он завоюет мир. Странный это будет мир, и я не знаю, будет ли он хуже или лучше того, в котором живем мы сегодня. Биг-Бен? Лондон? Будут ли существовать Биг-Бен и Лондон в империи доктора Фу Манчу?»

Впрочем, Ромер был истинным сыном своей эпохи — времени, проникнутого «бременем белого человека» и духом колониальной экспансии, заигрывавшего с восточной мудростью и оккультизмом и тянувшегося к «египетским тайнам»; времени, когда расистские стереотипы витали в воздухе, закат Европы был у всех на устах, а публицисты и ученые, императоры и банкиры взахлеб обсуждали достоинства арийской расы и «желтую опасность», грядущую из Японии и Китая. Так в десятые годы века начинался Ромер, таковы все его увлечения, такова его болезненная страсть к Востоку и страх перед ним. Сто лет спустя многое повторяется, хотя Ромер, безусловно, избежал забвения не благодаря, а вопреки воплощенному им *zeitgeist* — в своих книгах он остается, прежде всего, первоклассным мастером «криминального чтения».

Ромер неоднократно утверждал, что образ Фу Манчу пришел к нему в Лаймхаузе, лондонском Чайнатауне, где он собирал материал для статьи о таинственном «мистере Кинге», контролировавшем все игорные дома и опиумные притоны квартала. Однажды ночью писатель увидел, как из роскошного лимузина «вышел высокий, с благородной внешностью» китаец в сопровождении «арабской или египетской» красавицы. Ромер так и не узнал, был ли это таинственный Кинг. Пара зашла в подозрительного вида дом, шофер захлопнул дверцу, огни автомобиля исчезли в тумане и – «родился доктор Фу Манчу!»*.

Ромер не упоминает о своих литературных предшественниках, но они были: многие авторы криминальных романов конца XIX и начала XX века писали о зловещих ориентальных головорезах и творцах подпольных империй. Среди них не последнее место занимает созданный Артуром Конан-Дойлем «Наполеон преступления», профессор Мориарти, гений математики и зла. Нетрудно заметить, что ромеровский Фу Манчу сохраняет не только духовную и интеллектуальную близость, но и внешнее сходство с главным врагом Шерлока Холмса: «Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое... Плечи сутулые – должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно, по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону» («Последнее дело Холмса»)**.

Погодите-ка! Высокий, бледный, сутулый человек со странными повадками, химерической речью и невообразимыми познаниями. Лысеющая голова, реденькая бородка, «цвет кожи лишь на полтона светлее, чем у китайца». А рядом с ним соблазнительная темноглазая брюнетка, экзотическая восточная красавица. Да, это все та же загадочная пара из Лаймхауза, однажды и навсегда поразившая воображение Роме-

* Rohmer, Sax. «How Fu Manchu Was Born». *This Week*, 1957, Sept. 29.

** Любопытно отметить, что упоминавшийся выше Кей Ван Аш выступил автором романов «Десять лет без Бейкер-стрит» (1984) и «Огни Фу Манчу» (1987), в которых Холмс встречается с персонажами Ромера.

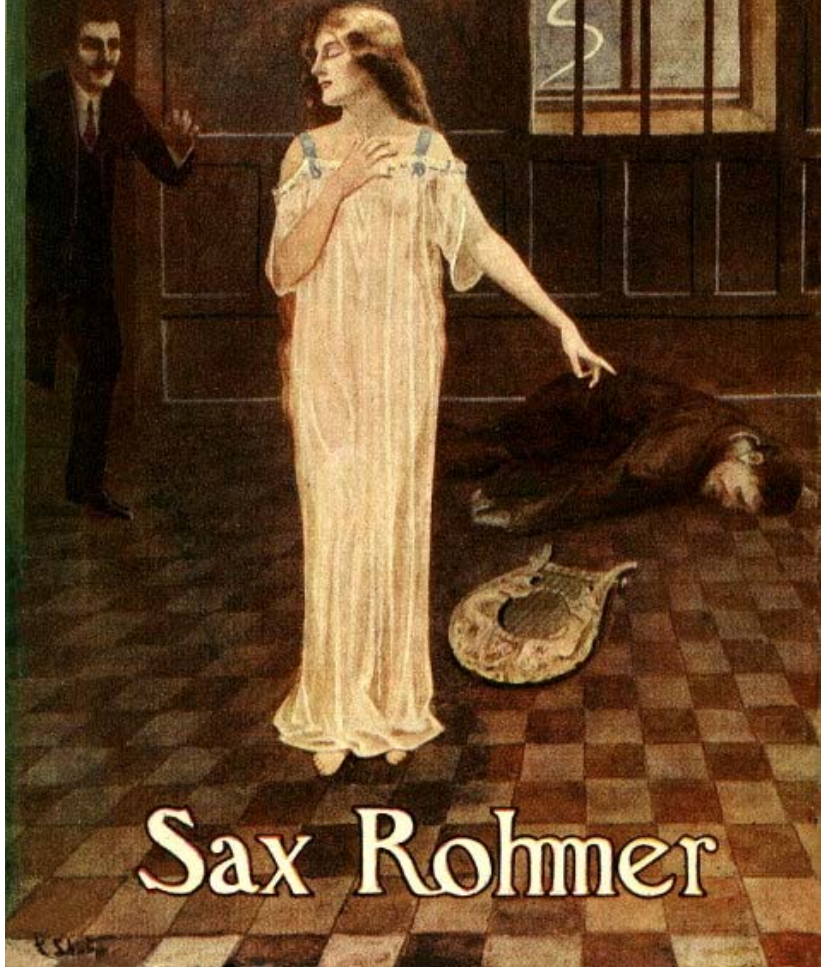
ра. Мориарти, Фу Манчу и Морис Клау – несомненные родственники. В Морисе Клау писатель, недолго думая, изобразил положительного двойника Фу Манчу: жаль только, что «духовный гигант» преступности и непобедимый «исследователь эфирных рубежей» не успели померяться силами.

Первый роман о Фу Манчу вышел в свет в 1913 году, все же Ромер посвятил этому уголовному титану более десятка романов и повестей, включая посмертно изданные. В промежутках он бойко сочинял детективные и приключенческие романы и рассказы, создал целую толпу сыщиков – Гастона Макса, Пола Харли, майора Бернарда де Тревиля (Морису Клау посвящены лишь десять рассказов, которые и составили цикл «Спящий детектив», впервые выпущенный отдельным изданием в 1920 г.). Если прибавить к этому многочисленные радиопостановки и экранизации романов о Фу Манчу, можно понять, почему в 1920-1930-х гг. Ромер стал одним из самых успешных и высокооплачиваемых авторов англоязычного мира. Вместе с женой он побывал на Ямайке, в любимом Египте, путешествовал по Ближнему Востоку, но через некоторое время потерял большую часть состояния по причине неосмотрительных финансовых вложений и неодолимой тяги к зеленым столам Монте-Карло.

После Второй Мировой войны Ромер с женой перебрался из Англии в США. В пятидесятые годы его ждал новый успех: удачно продав права на экранизации своих произведений, Ромер написал вдобавок серию романов о Сумуру, женской вариации Фу Манчу.

Умер Сакс Ромер от инфлюэнцы в 1959 году; Фу Манчу продолжает жить – в популярной культуре, в музыке, кинофильмах и романах продолжателей, написанных уже в нашем, XXI веке. Живы и многочисленные потомки Мориса Клау: с легкой руки Сакса Ромера и его соратников детективы, наделенные необычными психическими способностями, давно стали общим местом книг и телевизионных сериалов.

THE DREAM DETECTIVE

Эпизод первый

ТРАГЕДИИ В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ

I

Когда же Морис Клау появился в Лондоне? Время от времени мне задают этот вопрос, на что я неизменно отвечаю:

– Насколько мне известно, незадолго до начала странных событий в музее Мензье.

То, что я знаю о нем, я почерпнул из различных источников. В этих записках я попытаюсь истолковать методы Мориса Клау, которого часто обвиняют в пристрастии к безумным теориям, и я намерен строго изложить все факты, ставшие мне известными. В ряде расследований я сам играл некоторую, хотя и не слишком значительную роль; но считайте меня всего-навсего хронистом, и ни в коем случае не главным или даже второстепенным героем рассказа.

Итак, благодаря дружбе с Мартином Корамом я впервые встретился с Морисом Клау – и после этой встречи стал его биографом, пусть мои сведения, к сожалению, и остаются неполными.

Спустя месяца три после назначения Корамом куратором музея Мензье там произошло первое из череды необычайных событий.

Это происшествие случилось августовской ночью; рассказал мне о нем сам Корам на следующее утро. Помню, я как раз сел за стол и собирался позавтракать, когда он вошел и рухнул в кресло. Его смутное, чисто выбритое лицо выглядело изможденным. Я протянул ему сигарету, он закурил и я заметил, что руки его нервно дрожат.

– В музее беда! – резко сказал он. – Вы нужны мне, пойдете!

– Что-либо пропало? – спросил я.

– Нет; хуже! – был ответ.

– О чем вы, Корам?

Он швырнул недокуренную сигарету в камин.

– Помните Конвея? – спросил он. – Конвея, ночного сторожа? Он – он мертв!

Я поднялся из-за стола, забыв о завтраке, и непонимающе уставился на него.

– Вы хотите сказать, что ночью он внезапно скончался?

– Да. С беднягой расправились.

– Как! убит?

– Вне всякого сомнения, Сирльз! У него сломана шея!

Не дожидаясь дальнейших объяснений, я поспешно оделся и отправился с Корамом в музей. Стоит упомянуть, что музей состоит из четырех длинных прямоугольных комнат. Окна двух из них выходят на Саут Графтон-сквер, окна третьей смотрят на внутренний двор, откуда можно пройти в личные помещения куратора, а четвертая примыкает к огороженному саду рядом со зданием. Эта последняя, четвертая комната находится на первом этаже, войти в нее можно через вестибюль, имеющий выход на площадь, тогда как первые три зала с основной и наиболее ценной частью коллекции расположены на втором этаже, куда из вестибюля ведет лестница. Оставшаяся часть здания отведена под служебный кабинет и квартиру куратора и полностью отделена от залов, открытых для публики, причем единственная дверь между этими комнатами – железная и тяжелая – всегда заперта.

Сценой трагедии оказалась комната, названная в музейном каталоге «Греческим залом». Это одна из комнат, чьи окна выходят на площадь, и здесь выставлены едва ли не лучшие экспонаты из музейного собрания. Музей открывается для посетителей в десять утра; в Греческом зале я нашел только дежурного охранника, двух констеблей, полицейского сыщика в штатском и инспектора – не считая, конечно, тела бедного Конвея.

К телу не прикасались, Конвей лежал там же, где увидел его Бейль, охранник, заступавший на работу в верхних комнатах в дневные часы. С первого взгляда было ясно, что медицинская помощь Конвею уже не понадобится. По правде

говоря, положение тела было таким странным, что казалось совершенно необъяснимым.

В Греческом зале три окна, между ними стенные витрины для экспонатов, а в нише напротив восточного окна, рядом с дверью в соседний зал, стоит стул охранника. Конвей лежал лицом вниз на натертом до блеска полу – ноги частично скрыты под стулом, сжатые в кулаки руки выброшены вперед. Его голова была свернута набок и придавлена туловищем, что несомненно указывало на сломанную шею, фуражка лежала поодаль, под столом, служившим основанием тяжелого стенда с греческими вазами.

Окинув глазами эту картину, я растерянно обернулся к Конвею.

– Что вы обо всем этом думаете? – спросил он.

Я молча покачал головой. Мне не верилось, что такое могло случиться на самом деле, и я все стоял и глядел на скорченное тело, пока не прибыл врач. По его просьбе мы перевернули тело и положили его на пол плашмя, чтобы дать доктору возможность осмотреть жертву; при этом мы заметили множество порезов и царапин на голове и лице Конвея. Лицо несчастного искажала судорожная гримаса, словно перед смертью он напрасно пытался вдохнуть.

Доктор не преминул отметить эту гримасу.

– Отчаянно боролся за свою жизнь! – сказал он. – Должно быть, совсем ослабел к тому моменту, как ему сломали шею.

– Но послушайте! – раздраженно вскричал Корам, – почему вы говорите, что он боролся? И с кем? Минувшей ночью, кроме него, здесь никого не было.

– Простите, сэр! – вмешался инспектор, – тут явно что-то нечисто. Вы успели заметить стеклянную витрину в соседнем зале?

– Стеклянную витрину? – пробормотал Корам, в смущении взъерошивая свои густые черные волосы. – Нет; а что с нею?

– Сюда, сэр, – сказал инспектор, направляясь впереди нас в соседнюю комнату.

Мы последовали за инспектором. Речь шла о стенной витрине, где располагались статуэтки и изображения древнеегипетских божеств. Передняя стеклянная дверца была разбита вдребезги, осколки стекла усеивали полки витрины и пол вокруг.

– Похоже, здесь была схватка, не так ли, сэр? – спросил инспектор.

– Господи помилуй! Что это все означает? – застонал бедный Корам. – Кто мог забраться в здание ночью, а после выбраться из него, в то время как все двери оставались закрытыми?

– Это мы и должны установить, – сказал инспектор. – Между прочим, найдены ключи убитого. Лежали на полу в углу Греческого зала.

Корам машинально взял у инспектора ключи.

– Бейль, – велел он охраннику, – проверьте, все ли стелды закрыты.

Охранник начал обход комнат, но продвинулся не дальше Греческого зала.

– Смотрите, верхняя крышка снята, сэр! – вдруг в волнении закричал он.

Мы поспешили в Греческий зал и увидели, что охранник застыл перед мраморным постаментом, увенчанным витриной с толстыми стеклами, где была выставлена, как нередко уверял меня Корам, жемчужина коллекции – так называемая арфа Афины.

Арфу, сделанную из чистого золота и инкрустированную самоцветами, считали образчиком весьма древней греческой работы. Корпус ее был выполнен в форме двух лежащих женских фигур с воздетыми руками, которые сходились над головами женщин; сохранилось несколько струн, изготовленных из тончайшей золотой проволоки.

В незапамятные времена этот золотой инструмент, предположительно, украшал храм Паллады. Когда арфу выставили в музее, разгорелись жаркие споры о ее подлинности, и некоторые знатоки объявили арфу искусной подделкой, созданной одним знаменитым ювелиром в средневековой Флоренции. Но будь она греческой или флорентийской, невообра-

зимо древней или сравнительно современной, то было превосходное и само по себе чрезвычайно ценное произведение, не говоря уж о его художественных достоинствах и уникальности.

– Так я и думал! – воскликнул сыщик в штатском. – Ловкий музейный грабитель!

Корам тяжело вздохнул.

– Любезный, – возразил он, – можете ли вы предложить хоть одно разумное объяснение того, каким образом человек ночью пробрался в эти помещения и затем их благополучно покинул?

– По этому поводу, сэр, – заметил детектив, – я как раз хотел задать вам несколько вопросов. Прежде всего, в каком часу закрывается музей?

– Летом – в шесть.

– И что происходит после ухода последнего посетителя?

– Заперев внешнюю дверь, Бейль – вон тот охранник – тщательно осматривает все залы и проверяет, не вздумал ли кто-нибудь спрятаться за стендами. После этого он запирает двери между залами и спускается в вестибюль. Там он, как у нас заведено, передает ключи мне. В половине седьмого, когда бедный Конвей заступал на вахту, я лично вручал ему ключи. Каждый час он совершал обход музея, открывая и вновь запирая за собой все двери.

– Насколько я понимаю, в каждой комнате имеются контрольные часы?

– Да, верно. Судя по часам в Греческом зале, он встретил свою смерть около четырех утра. Видимо, он открыл дверь в соседний зал – тот, с разбитой витриной – но отметить не успел, а дверь утром была найдена открытой.

– Полагаю, кто-то прятался в зале и набросился на него, когда он вошел.

– Невозможно! В зале нет никакого другого входа или выхода. На всех трех окнах железные решетки. Нет никаких следов взлома. Более того, последняя отметка показывает, что он осматривал зал в три часа ночи, да и спрятаться там могла разве что мышь – человеку затаиться негде.

– В таком случае, убийца последовал за ним в Греческий зал.

– Осмелюсь указать, что в таком случае убийца бы там и оставался, и Бейль наткнулся бы на него утром. Дверь в Греческий зал была заперта, ключи лежали внутри, на полу!

– Но у вора могли быть дубликаты.

– Поскольку мы с Бейлем вчера вечером, прежде чем отдать ключи Конвею, вместе осмотрели залы, предположение ваше не выдерживает критики. Хорошо, я готов допустить самое невероятное. В таком случае, как именно убийца выбрался из музея?

Человек из Скотланд-Ярда снял шляпу и вытер лоб платком.

– Должен сказать, сэр, все это очень и очень странно, – заявил он, – но как насчет вот этой железной двери?

– Она ведет ко мне в квартиру. Ключ есть только у меня. Дверь была заперта.

Быстрый осмотр убедил нас в том, что сквозь оконные решетки не протиснулся бы никакой грабитель.

– Ну что ж, сэр, – сказал детектив, – если у него имелись ключи, он мог спуститься в вестибюль и выйти наружу через нижнюю комнату.

– Спуститесь и посмотрите сами, – предложил Корам.

Окна нижнего зала также были защищены решетками, и их явно никто не пытался взломать.

– Клянусь честью, – воскликнул инспектор, – все это абсолютно необъяснимо! Получается, что и через дверь вестибюля убийца пройти не мог: ведь вы говорите, что она была заперта на замок и изнутри закрыта на засов.

– Да, это так, – ответил Корам.

– Погодите, сэр, – прервал его сыщик в штатском. – Если так, как же вы сами вошли сюда утром?

– Бейль, – сказал Корам, – обыкновенно приходил ко мне в квартиру. Затем мы вместе входили в музей через железную дверь, ведущую в Греческий зал, и принимали у Конвея ключи. По утрам, до появления посетителей, требуется привести залы в порядок, и другая дверь до десяти часов никогда не отпирается.

– Сегодня утром, войдя в музей, вы заперли за собой дверь?

– Сразу же, как только нашел тело бедняги Конвея.

– Мог ли кто-либо, располагая дубликатом ключа, пройти через эту дверь ночью?

– Нет. С внутренней стороны она запирается на засов.

– И всю минувшую ночь вы оставались у себя?

– Да, с двенадцати часов.

Полицейские молча переглянулись; затем инспектор в замешательстве рассмеялся.

– Честно говоря, сэр, вы меня совсем озадачили.

Мы снова поднялись на второй этаж и Корам обратился к доктору:

– Можете сообщить что-нибудь еще о бедном Конвее?

– Все лицо его изрезано битым стеклом и он, похоже, отчаянно сопротивлялся, но вот что интересно: на теле нет никаких других признаков насилия. Непосредственной причиной смерти стал, разумеется, перелом шеи.

– И как это, по-вашему, случилось?

– Я бы сказал, что его швырнул на пол противник, обладающий чудовищной силой!

Доктор собрался было уходить, как вдруг из-за железной двери послышался стук.

– Это Хильда, – сказал Корам, вставляя ключ в замок. – Моя дочь, – добавил он, обращаясь к детективу.

II

Тяжелая железная дверь отворилась, в зал вошла Хильда Корам, стройная, классического сложения красавица. От отца девушка унаследовала правильные черты лица, от покойной матери – золотистые кудри. Мне показалось, что Хильде нездоровится; она опасливо оглядывалась вокруг.

– Доброе утро, мистер Сирльз, – приветствовала она меня. – Какое несчастье произошло с бедным Конвеем!

Она взглянула на Корама. Я заметил, что в руке Хильда держит визитную карточку.

– Отец, вас спрашивает какой-то непонятный пожилой человек.

Хильда передала визитную карточку Корама, а тот, в свою очередь, протянул ее мне. Карточка принадлежала Дугласу Глейду из «Дейли-кейбл»; на ней почерком журналиста было выведено: «Представляю мистера Мориса Клау».

– Полагаю, следует его принять, раз уж Глейд за него ручается, – сказал Корам. – Кто-нибудь здесь знаком с Морисом Клау?

– Я, – ответил, усмехнувшись, человек из Скотланд-Ярда. – Он антиквар или что-то вроде того; держит ветхий магазинчик близ Старой лестницы в Уоппинге*, нечто среднее между «Ямрахом»** и лавкой старьевщика. Если не ошибаюсь, пробует свои силы в качестве сыщика-любителя. Несомненно, умен, – нехотя добавил он, – но полнейший сумасброд.

– Хильда, попроси мистера Клау войти, – сказал Корам.

Вскоре в дверях появилась занятная фигура. Это был высокий мужчина, сильно сутулившийся, так что рост его казался меньше – то ли глубокий старик, который легко нес бремя своих лет, то ли человек молодой, но преждевременно постаревший. Что было правдой, сказать не смог бы никто. Его кожа отливала серостью грязного пергамента, а волосы, косматые брови и реденькая бородка казались блеклыми и начисто лишенными цвета. На голове у него красовался давно вышедший из моды коричневый котелок, на носу сидело изящное пенсне в золотой оправе, с шеи свисал черный шелковый шарф. Длинный черный плащ с пелериной закрывал эту сутулую фигуру с головы до пят, а из-под

* См. предисловие.

** Речь идет о знаменитой фирме, созданной в первой половине XIX в. и импортировавшей в Англию диких животных, которой долгие годы владел выходец из Германии Чарльз Ямрах; фирма Ямраха прекратила свое существование в 1919 г. (Здесь и далее прим. перев.).

заляпанного грязью края плаща выглядывали остроносые парижские туфли.

Вошедший снял котелок.

– Доброе утро, мистер Корам, – сказал он.

Его голос напоминал отдаленное гроыхание пустых бочек; акцент был неуловим.

– Доброе утро, – (детективу), мистер Гримсби. Доброе утро, мистер Сирльз. Ваш друг, мистер Глейд, сообщил мне, что я найду вас здесь. Доброе утро, инспектор. С мисс Корам я уже поздоровался.

Он достал из-под подкладки своего котелка крошечный цилиндрический пузырек для благовоний и увлажнил несколькими каплями свой высокий, бледный лоб. Воздух наполнился запахом вербены. Затем странный гость вернул пузырек в котелок, а котелок снова водрузил на покрытую редкой порослью макушку.

– Слышен здесь запах мертвецов! – сообщил он.

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку – столь нелепым показался мне на первый взгляд тот поразительный человек, что известен под именем Мориса Клау.

– Мистер Корам, – продолжал он, – я старый глупец, которому снятся иногда мудрые сны. Изучение преступности – хобби занятого человека. Я видел убийства на Золотом берегу*, где черная лихорадка плясала в воздухе над мертвыми, словно неотлетевшая душа, я видел кровь в арктической Лапландии, где от холода она превращалась в красный лед, не успев вытечь из вен. Разрешите ли мне попытаться вам помочь?

Все мы, включая полицейских, были впечатлены его словами.

– Безусловно, – ответил Корам, – не соизволите ли?

Морис Клау склонился над мертвым телом.

– Вы сдвинули его с места! – резко произнес он.

* Золотой берег – британская колония в Африке, ныне независимое государство Гана.

Ему разъяснили, что сделано это было исключительно в целях медицинского осмотра. Морис Клау рассеянно кивнул. Вооружившись большой лупой, он стал осматривать тело бедняги Конвея. Он исследовал волосы, глаза, руки и ногти убитого, после провел длинными, гибкими пальцами по полу рядом с телом – и вдохнул запах пыли.

– Будьте добры поведать мне, что произошло, – сказал он, выворачивая карманы убитого.

Корам стал рассказывать о случившемся; тем временем Клау задавал ему странные вопросы и успел внимательно исследовать чуть ли не каждый дюйм Греческого зала. У стенда с арфой он замер и вперил взгляд в инструмент.

– Вот здесь несчастья средоточье, – пробормотал он. – Что известно мне о подобных греческих инструментах? Дайте поразмыслить.

Он закинул голову назад, зажмурил глаза.

– Столь редкие предметы старины, – снова загромыхал голос Клау, – имеют свою историю, и преступления, ими порожденные, носят циклический характер.

Рукой он медленно изобразил в воздухе окружность.

– Будь только мне известна история этой арфы! Мистер Корам!

Он бросил взгляд на моего друга.

– Мысли вещественны, мистер Корам. Если мне будет позволено провести ночь здесь – на том самом месте, где пал бедный Конвей – я сумею из окружающей атмосферы (а она подобна чувствительной фотографической пластине) извлечь картину, которую сознание его, – и он указал на Конвея, – запечатлело последней!

Человек из Скотланд-Ярда засопел.

– Вы что-то похрапываете, друг мой, – сказал Морис Клау, поворачиваясь к нему. – Вы сопели бы куда меньше, пробудившись с воплем ужаса в пустыне; да, крича от страха при виде сочащихся кровью клювов стервятников – последнего страха, что познает сознание того, кто умер от жажды на этом проклятом месте!

Это было сказано так, что все мы почувствовали, как мурашки забегали у нас по спинам.

– Что же иное, – продолжал таинственный старик, – как не одическая сила, эфир – называйте его, как хотите – переносит беспроводное сообщение, молнию? Это громадная, невидимая, чувствительная пластина. Вдохновение и то, что вы именуете удачей или невезением – лишь ее отражения. Высшая мысль, предшествующая смерти, отпечатывается на окружающей атмосфере, подобно фотографии. Я научил сознание, – он прикоснулся ко лбу, – воспроизводить эти фотографии! Могу я провести нынешнюю ночь здесь, мистер Корам?

Где-то там, под неприятельской внешностью Клау, на миг показался образ истинного величия. За толстыми стеклами пенсне на мгновение блеснул луч могучего и самобытного разума.

– Буду благодарен вам за помощь, – отвечал мой друг.

– Ночью полиции быть здесь не должно, – прогрохотал Морис Клау. – Неуклюжие констебли, мечтающие о стауте с жареной рыбой, могут затуманить мой негатив!

– Можно это организовать? – спросил Корам у инспектора.

– Дежурные полицейские останутся в вестибюле, если пожелаете, сэр.

– Прекрасно! – громыхнул Морис Клау.

Он увлажнил лоб вербеной, неуклюже поклонился и вышел из Греческого зала.

III

Вечером Морис Клау появился вновь в сопровождении удивительно красивой брюнетки. Выражение восторга на лице мистера Гримсби из Нового Скотланд-Ярда* достойно отдельного упоминания!

* В 1890 г. штаб-квартира лондонской полиции была переведена в новый комплекс зданий на набережной Виктории, который получил название Нового Скотланд-Ярда.

– Дочь моя – Изидыда, – представил ее Морис Клау. – Она помогает проявлять мои негативы.

Гримсби всем своим видом выразил почтительное внимание. Два полисмена остались дежурить в вестибюле, тогда как Морис Клау, его дочь, Гримсби, Корам и я поднялись в Греческий зал. Свет единственной лампы едва рассеивал темноту зала.

– Я распорядился, чтобы камни на арфе Афины осмотрел ювелир, – сказал Корам. – Подумал, что их могли вынуть и заменить поддельными самоцветами. Однако же, все камни оказались на месте.

– Нет-нет, – загрохотал Клау. – Мне это также приходило на ум. Днем никаких посетителей не было?

– Греческий зал был закрыт.

– Это хорошо, мистер Корам. Пусть никто меня не беспокоит, пока дочь моя не возвратится утром.

Изидыда Клау положила красную шелковую подушку на то место, где раньше лежало тело убитого.

– Еще подушек и одеяло, мистер Клау? – предложил внезапно ставший услужливым Гримсби.

– Благодарю вас, не стоит, – был ответ. – Ибо они будут пропитаны чужеродными впечатлениями. Моя подушка одически стерильна! Волны эфирной бури, что рождены последним всплеском ментальной энергии мистера Конвея, достигнут меня в чистоте! Спокойной ночи, джентльмены. Спокойной ночи, Изидыда!

Мы вышли, оставив Мориса Клау сторожить призраков.

– Я полагаю, мистер Клау достоин доверия? – шепнул Корам детективу.

– О, без сомнения! – ответил тот. – Во всяком случае, вреда он не принесет. Мои люди внизу всю ночь будут оставаться на посту.

– Вы говорите о моем отце, мистер Гримсби? – послышался нежный, завораживающий голос.

Гримсби обернулся и встретился взглядом с горящими черными глазами Изидыды Клау.

– Я лишь хотел заверить мистера Корама, – поспешно начал оправдываться Гримсби, – что методы мистера Клау в

нескольких случаях принесли успех.

– В нескольких случаях! – презрительно повторила она.
– Что! разве хоть однажды он потерпел поражение?

Акцент у нее, как я определил, несомненно был французский; голос, да и все в ней было очаровательно, о чем красноречиво свидетельствовала подобострастность детектива.

– Боюсь, я не знаком со всеми его расследованиями, – сказал Гримсби. – Могу я вызвать вам кэб?

– Благодарю вас, не нужно, – и она наградила его ослепительной улыбкой. – Доброй ночи.

Корам открыл дверь, и она исчезла. Попрощавшись с дежурившими в вестибюле полисменами, мы с Корамом вскоре и сами покинули музей; вышли мы через главный вход, не воспользовавшись дверью квартиры куратора, так как не хотели потревожить мистера Клау.

Хильда Корам подала нам кофе в кабинет. Она была неестественно бледна, глаза лихорадочно горели. Я решил, что виной тому произошедшая трагедия.

– В некоторой степени, не исключаю, – согласился Корам, – но Хильда также занимается музыкой и, боюсь, слишком много упражняется, готовясь к сложному экзамену.

Мы с Корамом принялись обсуждать загадку Греческого зала, но ни одна из наших версий так и не смогла объяснить, как вор ухитрился пробраться в музей, каким образом покинул зал и почему не прихватил свою добычу.

– Должен признаться, – сказал Корам, – что я сильно обеспокоен. Мы не имеем понятия, как убийца прокрался в Греческий зал и как бежал оттуда. Очевидно, засовы и решетки ему не помеха, так что в любую минуту можно ожидать повторения этого ужаса!

– Вы подумали о мерах предосторожности?

– Всю следующую неделю или около того в музее будут дежурить два полисмена, но затем нам придется полагаться на ночного сторожа. Состояние наших фондов позволяет нанять только четырех охранников: троих на дневную смену и одного на ночную.

– Как думаете, трудно будет найти сторожа?

– Ничуть, – ответил Корам, – я знаю одного добропоряд-

дочного человека, готового выйти на работу по первому требованию.

Той ночью я почти не спал, встал рано и поспешил в музей. Изида Клау опередила меня: она стояла в зале, держа красную подушку, а ее отец был погружен в беседу с Корамом.

Ко мне подошел Гримсби, инспектор уголовной полиции.

– Вижу, вы рассматриваете подушку, сэр! – улыбаясь, сказал он. – Уверю вас, Клау вовсе не подсадная утка или хитроумный грабитель. В музее все в полной сохранности!

– В этом меня уверять не требуется, – ответил я. – Я и не сомневался в чистоте намерений мистера Клау.

– Погодите, вот услышите его безумную теорию! – сказал Гримсби, искоса поглядывая на девушку.

– Мистер Корам, – говорил между тем Морис Клау своим необычайным, громыхающим голосом, – на моей психической фотографии запечатлелась женщина! Женщина, одетая во все белое!

Гримсби многозначительно кашлянул – и покраснел, встретив взгляд Изиды.

– В сознании бедного Конвея, – продолжал Клау, – встает эта картина в момент последнего вздоха – он поражен видом женщины в белом и до дрожи боится арфы Афины, которую та держит в руке!

– Держит в руке! – вскричал Корам.

– Некая женщина вытащила арфу из витрины за считанные минуты до смерти Конвея, – подтвердил Морис Клау. – Много предстоит мне работы, и с помощью Изиды я проявлю негатив! Вчера поведал мне констебль, дежуривший ночью на площади, что около четырех утра видел тяжелый автомобильный фургон для перевозки мебели. Вскоре после четырех произошла трагедия. Шофер не знал, что площадь представляет собой тупик. Важно ли это? Не знаю. Зачастую подобные мелочи имеют большое значение. Но не должны мы терять время даром. Покуда не дам я о себе знать, посыпайте пол вокруг постамента с арфой Афины сухим гипсом каждую ночь. Доброго вам утра, джентльмены!

С этими словами Морис Клау взял дочь под руку и покинул музей.

IV

На протяжении нескольких недель музей Мензье жил обычной жизнью. Новый ночной сторож, огромный шотландец по имени Джон Макалистер, судя по всему, хорошо усвоил свои обязанности, и вскоре обстановка в музее перестала напоминать о недавней трагедии. Ключ к решению так и не был найден, полиция терялась в догадках. Морис Клау хранил молчание. Но Макалистер, похоже, нисколько не нервничал и только повторял, что в случае чего сумеет постоять за себя.

Бедный Макалистер! Громадный рост и мускулы не спасли его от ужасной судьбы. Однажды утром его обнаружили лежащим навзничь в Греческом зале – он был мертв!

Как и в случае с Конвеем, все вокруг говорило о яростной борьбе. Стол охранника с такой силой швырнули на пол, что три ножки сломались; бюст Паллады, который стоял на углу мраморного постамента, был сброшен вниз, а верхняя панель витрины, где находилась арфа Афины, была снята, и бесценное произведение искусства валялось рядом, на полу!

Причиной же смерти, в случае Макалистера, стал сердечный приступ, – болезнь сердца, которую никто не заподозрил бы у здоровяка-шотландца, выявилась во время медицинского осмотра; в то же время, по заключению доктора, сам приступ был вызван невероятным напряжением всех сил покойного. В остальном оба случая практически повторяли друг друга. Дверь в Греческий зал была заперта изнутри, ключи были найдены на полу. Судя по контрольным часам в других залах, смерть Макалистера наступила около трех часов ночи. Из музея ничего не пропало, и все драгоценные камни, украшавшие арфу Афины, были на месте.

Но самое поразительное обстоятельство заключалось в том, что на сухом гипсе, который, по указанию таинственно отсутствующего Мориса Клау, каждую ночь рассыпали вокруг постамента, четко отпечатались следы маленьких босых ног!

Послание, отправленное с любезной помощью инспектора Гримсби в уопшингское пристанище Мориса Клау, вернулось с ответом, что последний находится за границей. Его дочь, однако же, сообщила, что получила от отца письмо, где содержался следующий наказ:

«Пусть мистер Корам ночью держит ключ от витрины с арфой Афины у себя под подушкой».

– Что он имеет в виду? – спросил Корам. – Следует ли мне снять этот ключ с кольца или положить все ключи под подушку?

Гримсби пожал плечами.

– Я только передаю вам то, что она сказала, сэр.

– Этого человека впору было бы заподозрить в шарлатанстве, – заметил Корам, – если бы его теория не получила такое невероятное подтверждение в виде следов. Они определенно показались мне женскими!

Вспомнив, как действовал Морис Клау, я разыскал констебля, дежурившего в ночь второй трагедии на углу Саут Графтон-сквер. Он сообщил мне об одном факте – самом по себе вполне невинном, но в сочетании с другими событиями приобретавшем, безусловно, исключительную важность.

В три часа ночи площадь объехал по кругу пикфордский тягач* с двумя тяжелыми грузовыми тележками на прицепе: шофер решил, что сможет выехать с другой стороны площади.

Ничего существенного я больше у констебля не выяснил, но и эти сведения заставили меня задуматься. В момент трагедии, как и в случае первого убийства, мимо музея проехал тяжелый автомобильный фургон. Следовало ли считать это простым совпадением?

– Бывает, раз в полгода заедет сюда автомобиль или торговец с конной повозкой, – заверил меня полицейский. – Понимаете, выезда-то с площади нет, только вот не успел я это сказать, как тот парень из «Пикфордс» уже трясся мимо,

* «Пикфордс» – британская фирма перевозок, основанная в XVII в. и существующая до сих пор.

я его остановить не сумел, крикнул ему было, да он не слышал, так мотор трещал, я и решил, пусть поедит по кругу и сам все увидит.

Перехожу теперь к событию, завершившему это необычайное дело; чтобы мой рассказ был понятней, читатель должен знать, где мы находились в ночные часы следующей недели. Дело в том, что Корам попросил меня разделить с ним обязанности ночного охранника; вместе с нами в музее дежурили инспектор Гримсби и Бейль.

Бейль охранял вестибюль и нижнюю комнату, означенную в музейном каталоге как «Бронзовый зал», Корам патрулировал зал, что находился непосредственно у верхней площадки лестницы, Гримсби охранял соседний зал, Греческий, а я – Египетский зал. Ни одну из дверей мы не запирали, в то время как ключи от всех витрин и стендов, по особой просьбе Гримсби, были вручены ему и хранились в Греческом зале.

Наше всенощное бдение началось в субботу и показалось мне довольно мрачным занятием. Ночью в каждой из комнат обычно оставляли гореть лишь одну электрическую лампочку. Заступив на свой пост в Египетском зале, я постарался устроиться как можно ближе к свету, отвлекаясь от навязчивых мыслей посредством кипы рабочих бумаг, которые захватил с собой.

Я слышал, как Гримсби непрерывно расхаживает взад и вперед в соседней комнате; через регулярные промежутки времени слышалось чирканье спички – он закуривал сигару. Инспектор, надо сказать, был неисправимым любителем манильских сигар.

Первая ночь не дала никаких результатов, и следующие пять ночей прошли так же монотонно.

По предложению Гримсби, мы соблюдали большую секретность в отношении нашей охранной деятельности. Даже узкий круг домашних Корама ничего не знал об этих полуночных бдениях. Через несколько дней Гримсби, придумавший какую-то собственную теорию, решил и вовсе выключать по ночам свет в Греческом зале. Пятничная ночь выдалась на редкость жаркой; порывы ветра несли громады чер-

ных грозových облаков, не спешивших разразиться дождем; к тому времени, как мы заняли наши посты в музее, ни единая капля еще не упала на землю. Около полуночи я поглядел в окно на Саут Графтон-сквер и увидел, что небо полностью застилает тяжкая масса чернильно-черных туч, предвещие близкой бури.

Я снова уселся на стул, стоявший под лампой, и раскрыл книгу Марка Твена, всегда служившего мне лекарством от меланхолии или нервозности. Я начал в двадцатый раз перечитывать «Скачущую лягушку»* и услышал, как в соседнем зале Гримсби чиркнул спичкой, закуривая свою пятую за ночь сигару.

Приблизительно в час ночи начался дождь. Я слышал, как тяжелые капли барабанят по стеклянной крыше, слышал ровный шум водных струй. Дождь шел минут пять и прекратился так же внезапно, как и начался. Сквозь громкое журчание воды, стекавшей в железные люки, мне ясно послышалось чирканье спички Гримсби. В это мгновение грянул оглушительный раскат грома.

Ослепительно ярко блеснула молния. Я вскочил со стула; все мои чувства были напряжены до предела – странно сплетаясь с шумом капель вновь начавшегося дождя, до меня донеслись негромкие стонущие звуки, похожие на причитания больного, одурманенного лекарствами. Было нечто необъяснимо нежное и неопишимо жуткое в этой тихой, таинственной музыке.

Не понимая, откуда она исходит, я застыл на месте; и с новым раскатом грома до меня донесся дикий вопль – без сомнения, кричали в Греческом зале! Я бросился к двери и отворил ее.

Все было погружено во тьму, однако вспышка молнии осветила зал, когда я вошел.

Никогда не забуду это зрелище! Гримсби лежал ничком на полу, у дальней двери. Но я едва обратил внимание на эту

* Рассказ М. Твена, в русском переводе – «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса».

ледящую кровь картину и даже не задержал взгляд на арфе Афины, которая лежала на полу рядом с пустой витриной.

Ибо по Греческому залу плыла женская фигура, облаченная в легкие белые одежды!

Жестокий страх сжал мое горло – я не сомневался, что вижу перед собой проявление сверхъестественного. И вновь темнота. Я услышал низкий воющий крик и грохот, напоминающий звук падения тяжелого тела.

И тогда в Греческий зал вбежал Корам.

Я присоединился к нему, весь дрожа; и мы вместе склонились над Гримсби.

– О Боже! – прошептал Корам, – это ужасно. Это не мог сотворить смертный! Бедняга Гримсби мертв!

– Вы – видели – женщину? – пробормотал я. Буду откровенен: мужество окончательно мне изменило.

Он покачал головой; но, когда прибежал Бейль, стал испуганно вглядываться в тени Греческого зала. Буря утихла, а мы, трое охваченных страхом мужчин, стояли над неподвижным телом Гримсби и, казалось, слышали громкое биение наших сердец.

Внезапно Корам дернулся и схватил меня за руку.

– Слушайте! – воскликнул он. – Что это?

Я задержал дыхание и прислушался.

– Где-то вдалеке грохочет гром, – сказал Бейль.

– Вы ошибаетесь, – ответил я. – Кто-то стучится в дверь вестибюля! А вот и звонок!

Корам издал вздох облегчения.

– Святые небеса! У меня уже не осталось никаких сил. Давайте спустимся и посмотрим, кто там.

Втроем, стараясь держаться вместе, мы быстро пересекли Греческий зал и спустились в вестибюль. Корам отпер дверь – за нею, на ступенях, стоял Морис Клау!

Туманная мысль о цели его прихода мелькнула у меня в сознании.

– Вы опоздали! – вскричал я. – Гримсби убит!

Мгновенная тень ярости пробежала по его бледным чертам. Он бросился вверх по лестнице и исчез.

Мы заперли дверь и присоединились к Морису Клау в Греческом зале. В полутьме мы увидели, что он стоит на коленях рядом с Гримсби – а Гримсби, с мертвенно-бледным лицом, привстал и пьет из фляги!

– Я успел вовремя! – воскликнул Морис Клау. – Он лишился чувств, только и всего!

– То был призрак! – прошептал сыщик из Скотланд-Ярда. – Боже мой! Я был готов ко всему – готов был встретить любого грабителя, но когда увидел в свете молнии, как это белое создание... играет на арфе...

Корам повернулся и хотел было поднять арфу, лежавшую на полу неподалеку от нас, и в тот же миг –

– Ах! – вскричал Морис Клау. – Не прикасайтесь к ней! Это смерть!

Корам подался назад, словно его ужалила змея. Гримсби, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Зажгите свет, – велел Морис Клау, – и я покажу вам!

Куратор щелкнул выключателем и Греческий зал залил яркий свет. Нелепая фигура Клау показалась нам исполненной триумфального величия. Глаза за толстыми линзами сверкали.

– Глядите, – сказал он, – я поднимаю арфу с пола. И я жив. Но почему? Потому что не прикасаюсь я к ней самым удобным и естественным образом – сверху! Я беру ее сбоку! Конвей и Макалистер держали арфу за верхнюю часть; и где они теперь – Конвей и Макалистер?

– Мистер Клау, – сказал Корам, – вижу, это темное дело не представляет загадки для вашего необыкновенного ума, но для меня оно остается глубочайшей тайной. Раньше я не раз прикасался к арфе в точности так, как вы описываете, и ни малейшего вреда она мне не причинила...

– Но не тотчас после того, как на ней играли! – прервал его Морис Клау.

– Играли! Никогда не пробовал на ней играть!

– Если бы и попытались, еще не все было бы потеряно – при условии, что вы не коснулись бы верхушки инструмента! Наблюдайте, прошу вас!

Длинные белые пальцы Клау пробежали по золотым струнам. Я услышал ту странную, стонущую музыку, что предшествовала загадочным событиям этой ночи.

– А теперь, – продолжал наш наставник, – покуда я, преисполненный хитрости, буду держаться рукой за место, где сходятся золотые ножки женщин, глядите внимательно на верхушку – вот здесь человек взялся бы за арфу.

Мы столпились вокруг него.

– Острые иглы, – провозгласил он рокочущим голосом, – выдается вперед! Музыкант к нему не прикасается! Но тот, кто пытается отнять у музыканта арфу, умирает! Поставим теперь арфу, надавив на основание – острие снова втягивается внутрь! Скажу ли я, чем смазано это острие, что составляет жертву безумствовать, как бешеного пса, и веками хранит свою силу? Увы, не могу. Этот секрет был похоронен навсегда вместе с презренным телом Чезаре Борджиа!

– Чезаре Борджиа! – хором воскликнули мы.

– О, – загромыхал Морис Клау, – вашу арфу Афины на самом деле изготовил Падуано Зеллони, флорентиец. Это умелая подделка! До вчерашнего дня я находился в Риме. Вы удивлены? Сожалею, что бедный Макалистер умер. Доведя до совершенства, с помощью Изиды, мыслительную фо-

тографию дамы, игравшей на арфе, я отправился в Рим, дабы узнать историю арфы. Но почему же? Дома у меня есть записи, но неполные, бесполезные. В Риме имеется друг, из столь древнего и некогда столь порочного семейства, что я не осмелюсь его назвать! У друга моего есть доступ к великой библиотеке Ватикана – к анналам его семейства. Там он находит для меня рассказ о подобной арфе. В этих бесценных пергаментях ее именуют «греческой золотой лирой». Арфа описана. Я убежден. Я уверен!

В давние времена играла на этой арфе прекрасная Лукреция Борджиа. Тому, кто был ей противен, она говорила: «Возьми мою арфу». Он так и поступает. Он мертв. Господи! какая коварная выдумка!

Где хранилась арфа веками, прежде чем нашел ее ваш сэр Мензье? Никто не знает. Но сохранила арфа свои достоинства! Как умер бедный Мензье? Выбросился он из окна своей комнаты, как недавно стало мне известно. Не иначе, держал он инструмент в той комнате. Конвей бегаёт в безумии по залу – и бросается головой вниз со стула. Макалистер умирает в бессилии и конвульсиях!

Молчание; и потом –

– Что заставило арфу играть? – спросил Корам.

Морис Клау пристально посмотрел на него. И в этот миг по моим жилам вновь пробежал холодок ужаса. Где-то поблизости раздался тихий стон! Конвей мгновенно обернулся!

– Как! Дверь моей квартиры открыта! – прошептал он.

– Где вы держите свои ключи? – громыхнул Клау.

– В кабинете, – Корам уставился на дверь, боясь подойти ближе. – Ночью мы пользуемся ключами охранника. Мои лежат сейчас в кабинете на каминной доске.

– Думаю, ключей там нет, – продолжал низкий голос Клау. – Они у вашей дочери.

– Моей дочери! – воскликнул Корам и бросился к двери. – Бог мой! Хильда! Хильда!

– Она – сомнамбула! – шепнул мне на ухо Морис Клау. – Когда во сне мисс Хильда слышит необычные звуки, наподобие шума грузовиков (ах! сколь мало знаем мы о феномене сна!), она встает с постели и, подобно многим другим лу-

натикам, свершает одни и те же действия. В нашем случае, нечто влечет сомнамбулу к золотой арфе...

– Она занимается музыкой!

– Ей следует отдохнуть от занятий. Ее мозг перетруился! Она отпирает витрину и перебирает струны арфы, затем запирает дверь, кладет ключи на место – о, мне известны такие истории – и ложится обратно в постель. Тот, кто забирал у нее арфу, или поднимает ее, если мисс Хильда уронила инструмент на пол, умирает! Охранники были храбры: прибежали на звуки музыки, увидели, как обстоит дело, и не стали пробуждать спящую арфистку. Конвей был отравлен, когда возвращал арфу в витрину; Макалистер – когда поднял арфу с пола. Нынче ночью мисс Хильду что-то разбудило, иначе она заперла бы дверь. Но страх, что связан с пробуждением, погрузил ее в беспамятство.

До нас донесся тихий голос Корама и плач испуганной девушки.

– То был мой крик ужаса, мистер Клау! – смущенно признался Гримсби. – Она выглядела в точности как привидение!

– Я понимаю, – утешая его, загромыхал Морис Клау. – Во сне она показалась мне устрашающей! Я покажу вам рисунок, что сделала Изида по моей эфирной фотографии. Рисунок тот подтвердил мне, что последняя мысль бедняги Конвея была о мисс Хильде, держащей в руках арфу!

– Мистер Клау, – виновато сказал Гримсби, – вы самый удивительный человек на свете!

– Да? – прогрохотал тот и осторожно установил на постамент греческую золотую лиру, изготовленную Падуано Зеллони для Цезаре Борджиа.

Затем Морис Клау вытащил из коричневого котелка пузырек и увлажнил вербеной свой разгоряченный лоб.

– Эта арфа, – сообщил он, – пахнет мертвецами!

Эпизод второй

ЧЕРЕПОК АНУБИСА

I

Когда я просматриваю собранные мною документы и материалы, касающиеся Мориса Клау, некоторые факты буквально бросаются в глаза и требуют, мне кажется, особого упоминания.

К примеру, многие расследования Клау были связаны со всевозможными предметами старины и древними реликвиями. Личные пристрастия (главным его занятием, насколько могу судить, была антикварная торговля), вполне возможно, заставляли его отдавать подобным делам предпочтение перед другими. В то же время, все люди, так или иначе знавшие Мориса Клау, никогда не могли сойтись во мнениях относительно его истинного имени, происхождения и характера. Он был мастером перевоплощений и ревностно охранял от всех величайший секрет своей жизни.

Был ли Морис Клау, державший лавку древностей в Уопинге, подлинным Морисом Клау? Верил ли он сам в психические феномены, на которых, как утверждал, основывались его методы? Поскольку любопытное дело о черепке Анубиса имеет самое тесное отношение к этому вопросу, я решил изложить его здесь.

В историях такого рода Босуэлл, мне кажется, частенько затмевает Джонсона*; поэтому данный эпизод я изложу словами мистера Дж. Э. Уилсона Клифффорда, инженера-элект-

* Сэмюэл Джонсон (1709-1784) – видный английский поэт, эссеист, литературный критик, составитель «Словаря английского языка»; книга «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791), написанная его другом, шотландским юристом, литератором и мемуаристом Джеймсом Босуэллом (1740-1795), считается образцовым биографическим трудом.

рика, проживающего в Коптхолл-хаус на Коптхолл-авеню, в центральной части Лондона. Я остаюсь в долгу перед ним за столь подробный и точный отчет. Не думаю, что могу хоть в чем-либо улучшить его повествование. Мои замечания только исказили бы рассказ; и потому, с вашего позволения, я предоставляю трибуну мистеру Клиффорду и призываю читателя уделить ему должное внимание.

*Рассказ мистера Клиффорда
о египетском черепке*

Осенью 19.. года я делил приятную квартирку с Марком Лести, который только что получил должность в Лондонском госпитале*. Помнится, в середине того месяца мы и узнали о странном происшествии с Гейлсвенем и его египетским черепком.

Из окон нашей квартирки (она находилась в юго-западном пригороде) открывался прекрасный вид на город. Гейлсвен снимал квартиру с таким же видом из окон; он только что вернулся из длительной поездки по Египту.

Гейлсвен был высок, светловолос, всегда чисто выбрит, мог похвастаться на диво свежим цветом лица и носил короткую стрижку. Он много путешествовал и прекрасно разбирался в антикварном деле. Жил он совершенно один; мы с Лести нередко проводили вечера у него. Дом его представлял собой настоящую кунсткамеру; хорошо помню, как он впервые показал нам свои последние приобретения.

Оба окна были широко распахнуты, ветерок слегка колыхал занавески. Вечерело. Мы сидели на балконе, молча дымя трубками и глядя на город. Гейлсвен демонстрировал нам древности, привезенные из страны фараонов; в археологии я был полным профаном, и больше всего меня впечатлила му-

* Лондонский госпиталь был основан в 1740 г., в 1990 г. переименован в Королевский лондонский госпиталь.

мия священной кошки из Бубастиса*.

– Достойны интереса, пожалуй, только покровы, – заметил Гейлсвен. – А вот этот предмет и в самом деле уникален.

Это был фрагмент разбитой чаши или вазы; Гейлсвен указал на несколько иероглифов и фигуру человека с шакальей головой.

– Черепок с изображением Анубиса, – разъяснил он. – Очень ценный.

– Почему? – в своей обычной ленивой манере спросил Лести.

– Видите ли, – ответил Гейлсвен, – такие иероглифы мне никогда раньше не встречались. Думаю, что это тайнопись и что она имеет отношение к какому-либо секретному братству. Я рискнул даже обратиться к экспертам, хоть и украл черепок – украл во всех смыслах этого слова!

– Как это получилось? – спросил я.

– Понимаете, черепок раскопал профессор Шератон – его имя вы увидите на многих стендах в Британском музее. Более чем вероятно, что сообщать властям о находке он не собирался. Нет, профессор намерен был контрабандой вывезти черепок из Египта и украсить им свою личную коллекцию. Я узнал, где он нашел черепок, и стал наводить справки. Но эта бессовестная старая ящерица...

Лести рассмеялся.

– Согласен, мои мотивы оставляли место для подозрений! Во всяком случае, профессор предвидел все мои действия. Соответственно, я нанял некоего Али, почтенного представителя старинной воровской династии, и попросил его нанести визит в палатку ученого джентльмена. Короче говоря, черепок теперь у меня!

– Ого! ну надо же! – протянул Лести. – Старина, вы плохо кончите!

– Возникла забавная ситуация, – улыбаясь, продолжал Гейлсвен. – Никто из нас, находясь на египетской террито-

* Также Баст, Пер-Бастет, древнеегипетский город в дельте Нила, был известен храмом богини радости и любви Баст, изображавшейся в виде кошки или женщины с кошачьей головой.

рии, не имел законных прав на черепок. Поэтому, даже если бы профессор узнал, что находка у меня – а он, кажется, что-то пронюхал – он не смог бы обратиться к властям!

– Дьявольская наглость! – заметил Лести.

– Не спорю. Но вспомните, мы находились в пустыне, за много миль от маршрутов Кука*. Стоит заполучить этот черепок – и он составит славу любого, кто хоть немного разбирается в предмете. Любопытней другое: за местом, где была сделана эта редкостная находка, следил и третий человек. Каким-то таинственным образом он сумел разузнать, что черепок оказался у меня. Через посредников он предложил мне сто фунтов. Я отказался, но примерно неделю спустя снова наткнулся на него в Каире. Теперь он готов был выложить двести фунтов.

– Странно, – сказал я. – Кто же он?

– Он называет себя Зеда – доктор Луис Зеда. Страшно разозлился, когда я отказался продать черепок, и с тех пор я его не видел.

Гейлсвен вернул черепок в шкафчик для коллекций и запер шкафчик на замок. Мы замолчали, глядя на живописные очертания домов в туманных осенних сумерках.

– Между прочим, Гейлсвен, – сказал я, – вижу, что соседняя квартира на вашем этаже сдается.

– Верно, – отвечал он. – А почему бы вам, друзья, ее не снять?

– Мы подумаем, – зевая, сказал Лести и потянулся всем своим длинным телом. – Может, утром ее посмотрим.

На следующий день мы осмотрели свободную квартиру, однако, связавшись с агентом, узнали, что она уже сдана. Так как собственная квартира вполне нас устраивала, мы не стали долго расстраиваться. Ближе к вечеру (мы как раз покончили с обедом) к нам заявился Гейлсвен и без лишних предисловий начал путаный рассказ о невероятных событиях, которые произошли с ним минувшей ночью.

* Речь идет о туристическом агентстве и бюро путешествий Томаса Кука, основанном в 1841 г.

– Помедленней, – сказал Лести. – Вы говорите, это было сразу после нашего ухода?

– Около часа спустя, – ответил Гейлсвен. – Я разместил черепок на деревянной подставке у себя на столе и копировал иероглифы. Они и впрямь крайне необычны. Горела только настольная лампа, остальная часть комнаты тонула в темноте. Сидел я спиной к окнам и лицом к двери, так что никто не смог бы войти в комнату незамеченным. Я склонился над черепком, пытаясь рассмотреть сильно поврежденный иероглиф – и в эту минуту меня охватило странное чувство, как если бы кто-то стоял позади моего кресла и наблюдал за мной!

– Такое часто бывает, – сказал Лести. – Нервы пошаливают.

– Да, я знаю; но слушайте дальше. Чувство это сделалось таким нестерпимым, что я вскочил с кресла. Комната была пуста. Я решил прогуляться, подумав, что на свежем воздухе у меня из головы выветрится вся эта сверхъестественная чепуха. Отлично – я выключил свет и вышел. И уже надевал шляпу, когда что-то заставило меня вернуться, чтобы положить черепок на место.

Он недоумевающе уставился на нас.

– В комнате был кто-то – или что-то!

– Что вы имеете в виду? – недоверчиво спросил Лести.

– Я отчетливо увидел, как над столом промелькнула ладонь, потом голая белая рука – и исчезла! Как вы помните, в комнате было темно, но я достаточно хорошо разглядел руку. Я зажег настольную лампу. Вокруг никого. Комната пуста, в квартире я один – все углы осмотрел!

Когда Гейлсвен закончил свой удивительный рассказ, наступило молчание. Я сидел, глядя на Лести, а тот, в свою очередь, смотрел на Гейлсвена тем бесстрастным, отсутствующим взглядом, что зачастую скрывал работу его пронизательного ума.

– Жаль, что вы не сообщили нам раньше, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Это интересно.

II

Было очевидно, что Гейлсвен никак не может оправиться от потрясения, вызванного необъяснимым происшествием. По дороге он рассказал, что в соседнюю квартиру въехал новый жилец.

– Меня весь день не было, – сказал он, – но мне сказали, что после обеда привезли вещи.

Мы поднялись наверх, в уютную комнату, где произошел знаменательный случай с черепком. Уже темнело; Гейлсвен включил электричество и указал на кресло у стола, где он сидел прошлым вечером.

– Окна были открыты? – спросил Лести.

– Да, – последовал ответ. – Я даже не стал задергивать занавески и оставил стулья на балконе, погода-то стояла теплая. Видите, стулья там же, где были вчера.

– Когда вы вернулись и увидели – или подумали, что увидели – ладонь и руку, вы попытались дотянуться до лампы, и вам пришлось обогнуть стол?

– Да.

Лести, видимо, хотел поделиться с нами каким-то наблюдением, но его прервали: раздался звонок в дверь, за ним осторожное фанданго стука.

– Кого там черти принесли? – пробормотал Гейлсвен. – В дом, кажется, никто не входил...

Наш хозяин пересек освещенную комнату и вышел в холл. Мы с Лести подались вперед на стульях и напрягли слух. Наше ожидание длилось недолго – дверь в квартиру отворилась, послышался странный, гроыхающий голос с незнакомым акцентом:

– Ах, дорогой мой мистер Гейлсвен, я совершаю вторжение! Узнав, что мы с вами соседи, я обязан был нанести визит и возобновить столь приятное знакомство!

Мы услышали, как Гейлсвен неприязненно произнес:

– Доктор Зеда!

– Вечно ваш покорный слуга! – отвечал обходительный иностранец.

Мы с Лести переглянулись, вскочили и шагнули через раскрытое балконное окно в комнату. Успели мы как раз к появлению личности, в своем духе бесспорно примечательной.

Это был высокий, широкий в кости человек со снежной белизны седыми волосами, коротко остриженными по французской моде. Его высокий лоб был весь покрыт глубокими морщинами, на носу сидело пенсне в золотой оправе. Брови были густы и черны, как уголь, нафабранные усы и аккуратная эспаньолка также угольно-черного цвета. Бледное лицо, превосходно сшитый сюртук, широкий галстук в вырезе жилета – поразительная картина! Гость застыл в дверях в глубоком поклоне.

Гейлсвен быстро пробормотал обычные в таких случаях слова, представив нас друг другу; помнится, я подумал, что изысканные манеры доктора Зеда выгодно отличаются от бесцеремонности нашего приятеля.

Последний объяснил, что только что въехал в соседнюю квартиру и лишь к вечеру узнал, кто у него в соседях. Невзирая на поздний час, добавил доктор Зеда, он не смог противиться желанию повидаться с Гейлсвенем, о знакомстве с которым в Египте сохранил такие приятные воспоминания. Доктор показался мне человеком уклончивым, но его поведение было безупречным, и грубоватые реплики обычно вежливого хозяина дома я счел довольно-таки неуместными.

Завершив свой краткий визит, иностранный джентльмен стал прощаться, пригласив всех нас отобедать с ним на следующий день.

– Моя квартира в беспорядке, – сказал он, улыбаясь, – но вы люди богемы, как и я – нам все равно!

Я был почти уверен, что Гейлсвен откажется, но он принял приглашение, а вслед за ним и мы с Лести. Заручившись нашим согласием, Зеда раскланялся и ушел.

Гейлсвен вновь уселся на стул, закурил, задумчиво поглядел на огонек сигареты и наконец высказал свои сомнения:

– Зеда следил за мной! – сказал он. – Узнал, что соседняя квартира свободна, и воспользовался этой возможностью.

– Дорогой друг, – заметил я, – должно быть, Зеде просто

необходим ваш черепок, если он снял квартиру по соседству только для того, чтобы держать его под присмотром.

– Вы не знаете, как он мечтает об этом черепке, – ответил Гейлсвен. – Видели бы вы его физиономию там, в Каире, когда я решительно отказался продавать находку! Тогда бы вы сразу поняли, что к чему.

– Так продайте его, и дело с концом.

– Черта с два! – упрямо заявил Гейлсвен.

На следующий день мы обедали с доктором. Квартира его сияла чистотой, все предметы обстановки, от пола до потолка, находились на положенных им местах.

– Быстро же вы прибрались, – заметил Лести.

– Ах, нет, – отвечал Зеда. – Эти большие компании, они все делают за день, если вы настаиваете – а я настаиваю, понимаете?

Доктор Зеда оказался радушным хозяином, и наш визит доставил мне большое удовольствие; подозрения Лести, похоже, немного рассеялись. Миновало несколько недель: доктор несколько раз заходил к нам, и мы часто встречались у Гейлсвена. Последний храбро отправил фотографии и зарисовки черепка в Британский музей и более не сообщал ни о каких таинственных явлениях – как вдруг, около семи часов утра, когда плотная завеса тумана повисла над городом, обещающая жаркий день, к нам с Лести прибежал посыльный с новостями. Это был мальчишка, время от времени выполнявший разные поручения Гейлсвена; посыльный рассказал, что нашего друга пытались ограбить, и передал его настоятельную просьбу встретиться с нами немедленно.

Испытывая острое любопытство, мы вскоре присоединились к Гейлсвену. Он сидел в знакомой комнате перед высоким шкафчиком с двумя стеклянными дверцами, где все было перевернуто; другие витрины с древностями были открыты, повсюду в комнате царил беспорядок.

– Что пропало? – быстро спросил Лести.

– Ничего! – был ответ. – Черепок в сейфе, сейф у меня в спальне – иначе, думаю, кое-что и пропало бы!

– А, ночью вы его держите под замком? Мне казалось, вы храните черепок в шкафу для коллекций.

– Только днем. По ночам он вместе с двумя-тремя другими мелочами отправляется в сейф – но об этом никто не знает!

Мы молча переглянулись, однако имя, готовое сорваться с наших губ, так и осталось произнесенным – нас прервал отчаянный стук в дверь, перемежавшийся звонками. Гейлсвен отворил, и в комнату вбежал доктор Зеда!

– Ах, дражайшие мои друзья! – вскричал он своим хриплым, громохочущим голосом. – Квартиру мою навестил полунощный тать! Он ногами вверх перевернул все мои коллекции!

Лести громко кашлянул. Я обернулся к нему, но лицо его ничего не выражало. Ошеломленный Гейлсвен застыл на месте; я же, глядя, как бледные черты иностранца постепенно складываются в маску глубочайшего удивления при виде разоренной комнаты, вынужден был сказать себе, что доктор Зеда – либо непревзойденный актер, либо человек, о котором у нас сложилось чересчур поспешное и предвзятое мнение.

– Друг мой, дорогой Гейлсвен, – воскликнул он, широко раскрывая глаза и всплескивая руками, – что это я вижу? У вас беспорядочно, словно у меня!

Гейлсвен кивнул.

– Ваш взломщик навестил и мою квартиру! – мрачно пробормотал он.

– Дражайший сэр! – ахнул Зеда, пытаясь завладеть его рукой, – скажите скорее – вы ничего не потеряли?

Гейлсвен наградил его пристальным взглядом.

– Нет, – ответил он.

– Ах! какое облегчение! – загромоухал доктор. – Должно быть, гадаете вы, что они искали?

– Могу догадаться!

– Гадать не нужно; ибо я скажу вам. Они искали ваш фрагмент священной вазы. Ко мне приходили они за моим!

Эти слова доктора поразили нас куда больше, чем его первое утверждение.

– Ваш фрагмент! – медленно произнес Гейлсвен, глядя Зеде прямо в глаза. – О каком фрагменте вы говорите?

– О том, что вместе с вашим черепком составляет всю вазу! Но вы сомневаетесь? – Зеда пожал плечами. – Ждите минутку, и я докажу!

Зеда направился к выходу; в его походке ощущалась какая-то трудно уловимая, нарочитая неуклюжесть. Мы слышали, как удаляются тяжелые шаги. Нам оставалось только недоуменно переглядываться.

– Его проклятая изобретательность, – рявкнул Гейлсвен, – связывает мне руки!

Гейлсвен вынужден был на полуслове прервать свою тираду – в этот момент в комнату вошел обсуждавшийся нами джентльмен и продолжить обсуждение вопроса мы никак не могли. Зеда осторожно поставил на стол маленькую железную шкатулку и повернул в замочке ключ. Внутри находилась еще одна шкатулка из отполированной слоновой кости, которая, будучи в свою очередь открыта, явила нашим глазам фрагмент древнего керамического изделия, спящий на голубом бархатном ложе. Взяв этот обломок в руку, доктор Зеда попросил принести черепок.

Гейлсвен, мгновение помедлив, вышел из комнаты и почти тотчас вернулся, неся черепок, укрепленный на деревянной подставке. Доктор Зеда поднес друг к другу фрагменты сосуда, но так, что между ними еще оставалось некоторое расстояние.

– Они полностью совпадают, до малейшей детали! – провозгласил он; и это было совершеннейшей правдой.

– А теперь, – продолжал Зеда, явно наслаждаясь нашим неприкрытым изумлением, – я поведаю вам одну историю. Не стану просить вас поверить мне на слово; скажу только, что я посвятил всю жизнь свою подобным исследованиям и готов, поскольку обстоятельства так сложились, заручиться помощью вашей и установить истинность или же ложность моих представлений о черепке Анубиса.

– Прекрасно! – промолвил Лести и приготовился слушать. Мы с Гейлсвеном последовали его примеру. Зеда не спешил, как видно, собираясь с мыслями, однако мой невозмутимый друг придал этой паузе иной смысл и многозначительно прочистил горло.

III

Дата не важна нам, – сказал доктор Зеда. – В те давние времена был в Гизе, к северу от Сфинкса, храм Изиды, но не Изиде поклонялись там. Лишь памятники хранят его следы, доказывая, что он существовал – верно, мистер Гейлсвен?

Гейлсвен кивнул.

– Там поклонялись богам мертвых – и культ Анубиса важнее был остальных, в отдельном святилище проводились его ритуалы. Здесь, за тридцатью тремя воротами, под охраной тридцати трех хранителей ключей, покоился священный символ – символ, друзья мои, что основой служил сокровенного знания посвященных; символ ценнее жизней десяти тысяч воинов – ибо так написано!

– Не сталкивался с подобной надписью, – сухо заметил Гейлсвен.

Доктор Зеда улыбнулся.

– Столкнуться с нею доведется вам едва ли! – отвечал он. – Ваши Бельцони и Лепсиус, ваш Бирч, Ренуф, Бругш и Петри* – все они слепые вандалы, не узревшие великую истину, высшую тайну, хранимую Египтом для того, чьи глаза видят и разум понимает!

Загадочный иностранец с неким вызовом поглядел вокруг и спокойно продолжал свой рассказ:

– Когда же в священный месяц сменялась луна, метори, дева, избранная из благородного дома, отличная красотой и чистотой своей, весь год служившая богам – брала в руки священный сосуд и высоко вздымала его, дабы поклонились ему посвященные; и когда первый светлый луч касался вместилища символа, склоняли все головы и пели «Гимн уходящих душ». После же запирали его снова за тридцатью тремя воротами, где пребывал он еще год. Символ тот не позволено

* Перечислены видные археологи, египтологи и исследователи Египта, работавшие в XIX и начале XX в.

никому было видеть, помимо верховного жреца, каковой лицезрел его в минуту посвящения в сан – ибо всякий иной, кто видел его, умирал! В священной вазе хранился он!

Зеда сделал внушительную паузу. Признаюсь, все мы не смогли устоять перед необычным обаянием рассказчика: нам казалось, что он говорит о глубоком духовном потрясении. Я готов был поверить, что он сам был свидетелем странных обрядов, о которых рассказывал так убедительно.

– В году столь давнем, – продолжал он тихим, хриплым шепотом, – что имя его ничего вам не скажет, девственница из знатного рода, коей доверен был возвышенный ритуал, на неисчислимые века закрыла пред своей бедной душой врата рая, навлекла на главу свою проклятие верховного жреца и гнев богов, и отринута была самим Сетом!

Она уронила из рук своих священную вазу, и святой символ навсегда утратили дети Земли! Утерян был ключ к книге мудрости; закрыта была та книга пред людьми навсегда!

– Продолжайте! – резко сказал Гейлсвен, так как Зеда снова замолчал.

– Вы не понимаете? – спросил доктор. – Знайте же, что приговор звучал так: «Пока осколки вазы вновь не станут единым целым». Фрагментов же было пять: большой, а именно ваш черепок, и четыре поменьше. Маленькие, после двадцати лет неустанных поисков, я обнаружил и соединил воедино. Не превратим ли разбитое в целое? Смогу ли я, посредством ничтожных осколков утраченной мудрости, что сумел я найти, вызвать пред собою ту блуждающую душу – прежде, нежели снова возвратится она молить об отдохновении в судилище Аменти?*

Скажу без всякого преувеличения, что его слова буквально ударили нас, словно электрический разряд – таким удивительным показалось нам предложение доктора. Гейлсвен вскочил со стула и застыл, замороженно глядя на Зеду.

А тот, вновь сама любезность, пожал плечами и улыбнулся.

* Правильно Амаунет или Амонет, одна из первичных богинь древне-египетского пантеона, женское воплощение или пара бога Амона.

– Верите моей истории?

Лести первым пришел в себя. Ответ был вполне характерен для моего друга.

– Не могу сказать, что верю, – с искренней миной протянул он. – Но не хотел бы вас обескураживать.

– Тогда отчего бы вам не помочь доказать мои слова? Небольшой сеанс? Вы скептик, да? Очень хорошо; я стараюсь вам показать. Если ждет меня неудача, увы – я склоняю главу пред ликом неизбежного!

Мы вопросительно переглянулись, после чего Гейлсвен ответил:

– Хорошо, мы согласны. Историю вы рассказали странную, что и говорить, но мы готовы вам довериться.

Доктор поклонился.

– Нынче вечером для начинания? – предложил он.

– Непременно.

Доктор выразил свою глубочайшую радость, запер осколок вазы в двойную шкатулку и направился к двери. Но я наконец вспомнил, о чем все время намеревался его спросить:

– Могу я узнать, кого вы подозреваете в попытке ограбления?

Он обернулся в дверном проеме и как-то странно посмотрел на меня.

– Есть другие, – отвечал он, – кто ищет, подобно мне, и не стесняются средства для достижения целей своих. Их станем мы опасаться, друзья, ибо знаем, что замыслили они против нас!

Сказав это, доктор отвесил низкий поклон и вышел.

День тянулся медленно и без особых происшествий. В четыре наше ленивое безделье прервал визит Гейлсвена: он решил показать нам письмо из Британского музея.

Ранее Гейлсвен запрашивал музей относительно фотографий и зарисовок черепка; только что полученный им ответ гласил, что подобные фотографии и рисунки в музей не поступали!

Обычно мы в послеобеденные часы пили чай; Гейлсвен присоединился к нам, а в пять часов заглянул и доктор Зеда. Он оставался с нами до вечера; уже в сумерках все мы отпра-

вились к Гейлсвену на первое «заседание» – так назвал доктор задуманный нами сеанс. Зеда исчез в своей квартире, через несколько минут вернулся с железной шкатулкой и изложил план действий.

– Вокруг сего маленького стола сядем мы, как на сеансе, но медиума нет – лишь черепок. Этими каучуковыми лентами я на время скреплю осколки и поставлю вазу на подножие мистера Гейлсвена, здесь у окна – вот так. Рядом поставим мы лампу, затенив ее – дабы испускала тусклый свет. Видим мы ее, сидя в темноте. Сейчас мы будем ждать больше сумерек.

Мы вышли на балкон и курили около часа, причем Зеда отравлял чистый воздух дымом своих излюбленных черных и длинных сигар. Они походили на высушенные корни растений и запах имели настолько оригинальный, что сравнить его попросту не с чем. Между восьмью и девятью часами вечера свет – точнее, его отсутствие – удовлетворил Зеду; мы в полумраке уселись за стол и, по указанию доктора, соединили наши руки. Около часа прошло в напряженном молчании, а в комнате, казалось, становилось все жарче. Легкий ветерок донес сквозь растворенные окна запах сигары Зеды, после же, когда мы закрыли окна, эти губительные испарения заполнили все пространство комнаты, словно нечто осязаемое – и тошнотворное. Сеанс начал мне надоедать; Лести, вопреки строгому наказу доктора хранить молчание, принялся покашливать и беспокойно заерзал на стуле; и тотчас прозвучал громыхающий голос – прозвучал так неожиданно, что заставил всех нас вздрогнуть:

– Нынче бесполезно; нечто не благоприятствует. Зажгите свет.

Гейлсвен поспешил исполнить эту просьбу; я заключил, что и он начал терять терпение.

– Имеется неблагоприятное условие, – заявил Зеда, возвращая свой осколок вазы в шкатулку. – Завтра мы изменим порядок.

Доктор ничем не выказал свое разочарование и, похоже, продолжал верить, что наши сеансы увенчаются успехом. Он предложил на время следующего сеанса оставить откры-

тым одно из окон; мы только рады были согласиться, надеясь, что это хоть немного очистит воздух в комнате от удушающего запаха сигар. По словам Зеда, неудача объяснялась, вероятно, и некоторыми другими причинами – нашим местоположением за столом и относительным расстоянием между каждым из нас и черепком.

– Мы будем смотреть завтра, – и с этими словами Зеда покинул нас.

– Ходячее воплощение обмана! – пробормотал Лести. – Да и акцент у него, я подозреваю, деланный. Вот уж не знаю, отчего мы решили поверить в эту невероятную басню.

– И я не знаю, – задумчиво сказал Гейлсвен. – Но второй фрагмент вазы у него, и если он сам не верит в собственную гипотезу, ради чего он затеял сеансы?

– Ладно, довольно гадать! – отозвался Лести, выражая, мне кажется, общее чувство.

Весь следующий день Зеда не показывался, однако вечером явился в назначенный час и вновь усадил нас за стол – но в ином порядке. Одно из французских окон было оставлено открытым, а черепок и лампа сдвинуты влево.

Наши сорокаминутные старания были вознаграждены довольно обычным явлением: стол принялся покачиваться и издавать треск. Других потусторонних манифестаций мы не заметили и в половине десятого доктор прекратил сеанс.

– Прекрасно! – восторженно воскликнул Зеда, – чудесно! Мы вошли в гармоническое соприкосновение, и в кругу пребывала сила. Завтра ждет нас триумф, друзья мои, но понадобится видоизменение, считаю я. Вы, мистер Клиффорд, сядете слева от мистера Лести, мистер Гейлсвен будет от него справа, а я – напротив мистера Лести. И от фонарей снаружи слишком много света. Окна, думается мне, должны оставаться открытыми, но используем мы эту японскую ширму, что загородит излишний свет и затенит вазу. Завтра будем мы наблюдать эти вещи.

Тем и закончился наш второй сеанс, и теперь я перехожу к последнему эпизоду своего рассказа – истории со странным началом, необычайным продолжением и еще более удивительным финалом.

IV

На следующий день Зеда угостил нас вторым завтраком в городе и пригласил на дневной концерт; он заранее купил билеты, так как интересовался – или делал вид, что интересовался – игрой какого-то скрипача, чье имя гордо упоминалось в программке. Гейлсвен и доктор собирались перед сеансом пообедать у нас, так что мы сразу вернулись к себе и болтали, попутно занимаясь всякими делами, пока не подали обед. В блеске застольной беседы Зеда превзошел сам себя. Помнится, я подумал, какую он прожил, должно быть, странную и насыщенную событиями жизнь.

Около девяти вечера мы дошли в темноте до дома нашего друга; у Гейлсвена нам пришлось искать и разжигать в полнейшем мраке масляную лампу – доктор объявил, что ощущает в атмосфере нечто благоприятственное и что электрический свет может свести на нет положительные атмосферные условия. Он был сильно напряжен и, казалось, заряжен ожиданием – но при том не забыл о своих черных сигарах, одну из которых закурил, отправившись за железной шкапулкой. С этой целью он одолжил у меня спички, позабыв их вернуть.

Лишь без четверти десять, если не ошибаюсь, Зеда завершил все приготовления; благодаря высокой японской ширме, закрывавшей окна, в комнате было так темно, что я едва мог разглядеть доктора, который сидел по левую руку от меня, и Лести, сидевшего справа. Гейлсвен проступал смутным силуэтом в луче света от масляной лампы для чтения, расположенной рядом с древней вазой в дальнем конце комнаты. Я с трудом скрывал волнение; думаю, то же ощущали и мои друзья.

Часы где-то вдалеке пробили половину, затем три четверти; ничего не происходило. Я услышал шум мотора: с дороги свернул автомобиль и остановился на подъездной аллее у дома. Видимо, хирург из десятой квартиры, рассеянно подумал я. Затем наступила глубокая тишина; я ожидал услышать бой часов и напряг слух, пытаюсь различить первый удар

одиннадцатого часа, но вместо этого послышался громкий треск и стол заходил ходуном. Он трясся гораздо сильнее прежнего. Хриплый голос Зеда тихо произнес:

– Что бы ни случилось, продолжайте держать руки на столе!

Он замолк, стол перестал покачиваться, и с пугающей внезапностью смолки стуки и потрескивания, звучавшие со всех сторон. Мгновение тишины, краткое, почти незаметное, ибо в тишине почти сразу же раздался неожиданный звук.

То был женский голос, низкий и чистый; он что-то бормотал с причудливыми модуляциями, доходя до высоких нот в конце каждого третьего такта и повторяя это снова и снова – мрачная, полная ужаса музыка, отдаленно напоминавшая грегорианские песнопения.

– Триумф! – прошептал Зеда. – Это «Гимн уходящих душ».

Его слова, похоже, потревожили певицу, но лишь на долю секунды. Гимн продолжал звучать.

Я чувствовал, что больше не в силах выдерживать этот загадочный концерт; с каждым повтором тихой, ясной ноты в четвертой доле третьего такта по моей спине пробежал холодок. Монотонное пение становилось невыносимым – и внезапно я увидел, что рядом с вазой появилась изящная белая фигура!

Пение смолкло, слышалось лишь тяжелое дыхание моих друзей. Видение было скрыто от Гейлсвена и Лести, сидевших спиной к окну, но я был обращен лицом к ней – ибо это была женщина. Я различал каждую линию ее тела: изгибы шеи, рук и плеч, тусклый металлический отблеск тяжелой короны ее волос. Она протянула руку к свету и я отчетливо увидел кольцо с большим зеленым камнем на ее указательном пальце. Она должна быть очень красива, подумал я, вглядываясь в темноту в напрасной надежде рассмотреть ее получше. Страшный грохот – и полная тьма! Стол, за которым мы сидели, перевернулся, и я упал со стула на пол!

– Держите его! – раздался голос Лести. – Хватайте его, Гейлсвен, Клиффорд!

Громко хлопнула дверь.

– Проклятье! Я на полу! – голос Гейлсвена.

– Зажгите свет! – закричал я, ощупью продвигаясь в темноте и натываясь на мебель.

Основательно повредив щиколотки, я наконец нашел выключатель. Он не работал!

– Провод перерезан! Зажгите спичку!

– У меня их нет! – сказал Лести.

– Мои у Зеды! – отозвался Гейлсвен. – Откройте дверь!

– Заперта! – доложил Лести.

– Ломайте же! – закричал Гейлсвен, отшвыривая в сторону японскую ширму. – Черепок исчез!

Лести ударил плечом в дубовую дверь: раз – другой – третий. Никакого результата. Мы дружно набросились на дверь, полетели щепки, дверь распахнулась с оглушительным треском.

– Быстрее! К нему! – тяжело дыша, выпалил Гейлсвен и понесся вниз по лестнице.

Мы выскочили из подъезда, вбежали в соседний и мигом взлетели на второй этаж. На звонки и стук никто не отвечал, дверь оказалась слишком крепка и высадить ее нам не удалось. Мы застыли, уныло глядя друг на друга.

– На балкон! Скорее! Оттуда перелезем на его балкон и попадем в квартиру через окно! – воскликнул Лести.

Мы помчались обратно. До той ночи я и не знал, как легко, оказывается, перебраться с балкона на балкон; но Лести проделал это, не задумываясь, мы с Гейлсвеном тут же последовали его примеру, ворвались через открытое французское окно в темную комнату и бросились к выключателю у камина. Комната была пуста!

– Боже правый! – выдохнул Гейлсвен и метнулся в соседнюю комнату.

Она была совершенно пуста, как и все остальные! Дверь в квартиру была заперта.

– Пока мы валялись дурака, слушая этот концерт, он успел все вывезти, – сказал я. – Скорее всего, взял всю обстановку напрокат у большой мебельной фирмы, включая старинные безделушки и прочее. Помню, я еще удивился, увидев та-

кую заурядную коллекцию у человека, который все время путешествует и изучает древности!

– Никаких сомнений и быть не может, – согласился Лести. – С ограблением у Зеда ничего не вышло (думаю, ему что-то помешало), хотя нельзя не восхищаться тем, как изящно он сумел выпутаться из весьма деликатного положения. Его новый и более сложный план оказался таким, о каком можно было только мечтать – с точки зрения Зеда!

– Но как он сумел удрать? – не скрывая удивления, спросил Гейлсвен.

– На углу ждал автомобиль, – быстро ответил Лести. – Я слышал шум мотора. Когда масляная лампа погасла, а так называемый призрак, который перебрался с его балкона на ваш и залез в комнату, скрываясь за ширмой, вернулся тем же путем – вместе с вазой! – Зеда перевернул стол и столкнул вас двоих на пол. Не успел я броситься за ним, как он

очутился у двери и запер ее за собой. Он усыпил мою бдительность двумя предыдущими сеансами – ведь на них ровным счетом ничего не происходило. В этот раз он поступил очень хитро: расположился как можно ближе к двери и одновременно как можно дальше от меня. Вероятно, он вынул ключ из замка, когда ходил за шкатулкой, и по возвращении оставил его где-то рядом. Его сообщница сразу побежала вниз, к ожидавшему автомобилю, где он к ней и присоединился. Думаю, сейчас они уже на расстоянии миль тридцати от нас, не меньше!

Дверь мы открыть не могли и поэтому вернулись в квартиру Гейлсвена прежним путем, через балкон. Наш друг все оплакивал утраченный черепок и повторыл:

– Лицемерный, коварный мерзавец!

– Я знал, что он что-то задумал, – сказал Лести, – но ничего подобного не ожидал. Конечно, я заметил, что он позаимствовал наши спички, но всю важность этой уловки осознал только сейчас. Мне и в голову не пришло, что он отключил электричество (кстати, я полагаю, что он сделал это ночью). Какой я глупец! Я должен был это понять, когда он стал говорить о масляной лампе. И если бы я сразу выбежал на балкон и оттуда пробрался в квартиру Зеда, то успел бы, вероятно, схватить нашу певицу. Такую возможность, впрочем, они предусмотрели, так сообщница Зеда старательно заперла за собой дверь.

– Что за изворотливый проходимец! – воскликнул я. – И тем не менее, первая попытка – думаю, именно так следует расценивать явление таинственной руки – была довольно неуклюжей, не так ли?

– Несомненно, – согласился Лести. – В то время, однако, мы еще не знали, что Зеда в Лондоне, а квартира пустовала. Может быть, они решили, что Гейлсвен лег спать. Не исключая, что женщина (заметьте, доктор благоразумно скрывал ее от нас) нарушила приказание Зеда и попыталась украсть черепок, когда кто-то находился в комнате.

– И все же, – медленно произнес Гейлсвен, – мы не можем быть уверены, что имеем дело с женщиной.

– Гм, – хмыкнул Лести.

– Вы ее видели?

– Нет.

– А я видел. Она была слишком прекрасна, слишком восхитительна – для женщины!

Лести с любопытством поглядел на него.

– Вы меня удивляете, – сухо заметил он.

– Зеда был странным человеком, – продолжал Гейлсвен, – и, когда мы сидели за тем столом, произошло немало вещей, которые нуждаются в объяснении.

– Самые обыкновенные ложные феномены, – был ответ. – Всего лишь мошеннические трюки.

– Чем же было вызвано его горячее желание завладеть моим черепком, как не стремлением вновь собрать вазу воедино?

– Уж не собираетесь ли вы сказать, – поинтересовался Лести, – что готовы поверить в эту историю со жрицей даже после того, как он раскрыл свои карты? Вы намерены высказать предположение, что ему помогал призрак?

– Почему же он так хотел заполучить черепок? – настаивал Гейлсвен.

Лести посмотрел на него, перевел глаза на меня, пожал плечами и принялся набивать трубку. Закончив, он уселся, дымя трубкой и глядя на сверкающую в небе луну.

– Итак? – спросил хозяин дома.

– Ладно, – сдался Лести, – довольно гадать!

(Конец рассказа мистера Клифффорда)

Во время одного из визитов в лавку древностей Мориса Клау в Уоппинге меня сопровождал мистер Гейлсвен, с которым, как и с другими героями предшествующего рассказа, я успел познакомиться.

Где-то там, в мглистом сумраке ж
реликвиями сотен веков и всех стран от одного полюса до другого – диковинными предметами, что скрывают свои черты в темноте – обитает большой серый попугай. Дуновения

неслыханных ароматов и звуки скребущихся коготков говорят посетителю, что поблизости снуют и другие животные; попугай же пронзительным криком извещает его о своем присутствии:

– Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол!

По этому сигналу Морис Клау выползает из своего укрытия. Шаркая ногами, он входит в лавку: трудно вообразить кого-либо, кто более соответствовал бы сумрачному окружению. Это высокий и сутулый человек, закутанный в выцветший синий халат. Цвет его кожи лишь на полтона светлее, чем у китайца; волосы, кустистые брови и реденькая бородка кажутся и вовсе лишенными цвета. На носу у него пенсне.

Когда я в тот день представил своего спутника и Морис Клау приветствовал его громающим голосом, Гейлсвен от удивления потерял дар речи.

Клау извлек откуда-то пузырек и увлажнил вербеной свой высокий желтоватый лоб.

– Здесь очень душно – в этой лавке! – пояснил он. – Изида! Изида! Принеси гостям моим прохладные напитки!

Он звал богиню, и богиня явилась на зов: сияющей красоты брюнетка с чудесно вылепленными алыми губками и блестящими глазами, чей огонь пронизывал мрак.

– Боже милостивый! – вскричал Гейлсвен – и отпрянул.

– Моя дочь Изида, – пророкотал Морис Клау. – А это мистер Гейлсвен, из рук коего мы спасли египетский черепок!

– Что!

Гейлсвен перегнулся через прилавок.

– Так вы узнаете мою дочь? – продолжал Морис Клау. – Но не доктора Зеду, а? Или только его старческий слабый голос? Вы заставили нас побегать, мистер Гейлсвен. Однажды вошли вы в ту минуту, когда Изида, забравшись к вам на балкон, собиралась унести черепок...

– В комнате никого не было!

– В комнате была я! – невозмутимо прервала девушка. – С ног до головы одетая в черное. Я успела спрятаться за занавеской, пока вы возились со своей лампой!

– Да, это было неблагоразумно, – продолжал Морис Клау, – и осложнило задачу мою: дальше запираете вы сокровище

и поиски мои напрасны. К тому же мне мешают! Пуф! Как я неловок! Я зря трачу время! Но вспомните, я предлагал вам продать черепок!

– Предположим, – медленно сказал Гейлсвен, – что я сдам вас обоим властям?

– Вы не можете, – последовал безмятежный ответ. – Ибо не сумеете объяснить, как очутился черепок в вашем владении! Профессор Шератон попал в такую же развилку – и вот на сцену являюсь я!

– Что! Вы были с ним заодно?

– Разумеется! Я случаюсь быть в это время в Египте, он мой друг. Ваш вор, Али, потерял осколок вазы, поручено мне сделать ее целой!

– Это вам удалось! – мрачно признал Гейлсвен, украдкой любясь прелестной Изидой.

– О да, – загромыхал Морис Клау. – Я – орудие поэтической справедливости. Изиды, где прохладные напитки? Выпьем за справедливость!

И он увлажнил свой лоб вербеной.

В заключение читатель может спросить, оправдывала ли ценность черепка сложный и дорогостоящий метод его спасения.

Отвечу: на чем зиждется нынешняя слава профессора Шератона? На сочинении «Новый ключ к египетской 'Книге мертвых'». На чем основан этот труд? На расшифровке иероглифов черепка Анубиса, каковой черепок (не задавая столь почтенному ученому лишних вопросов) государство приобрело не так давно у профессора за 15,000 фунтов!

Эпизод третий

ТОПОР КРЕСТОНОСЦА

I

Мне не доводилось встречать упоминания о промахах Мориса Клау. Насколько мне известно, неудач он не знал. Меня спрашивают: «А что вы скажете о достопамятном убийстве в Креспинге? Уж там-то он несомненно провалил дело».

Я предоставлю читателю самостоятельно судить, испытал ли Морис Клау горечь поражения в этом сенсационном деле, благодаря которому вся страна узнала о существовании Креспи-холла, а старинная деревушка Креспинг обрела нежеланную славу.

Расследование, проводившееся местными чинами, зашло в тупик, и дело в конце концов было поручено инспектору уголовной полиции Гримсби; он и втянул меня в дело. Впервые я встретил инспектора в музее Мензье, ставшем некогда ареной таинственных происшествий – тогда же я познакомился и с Морисом Клау.

В то утро я сидел за завтраком, читая газетную статью об убийстве в Креспи-холле, и потому не слишком удивился визиту инспектора Гримсби.

Он отказался от превосходной египетской сигареты, предложенной мною.

– Благодарю вас, – сказал он, – но лишь один сорт табака помогает мне сосредоточиться.

Сказав так, инспектор закурил манильскую сигару (их он истреблял в неимоверном количестве) и тут же беспокойно вскочил на ноги.

– Я только что приехал из Креспинга на утреннем поезде, – сразу взял он быка за рога. – Полагаю, вы уже слышали об убийстве?

Я указал на газету с большим заголовком на первой странице:

УБИЙСТВО В КРЕСПИ-ХОЛЛЕ

– Ах, да, конечно, – сказал он с рассеянным видом. – Так вот, меня направили в Креспинг и, скажу вам честно и откровенно, я понятия не имею, что делать дальше!

Я налил ему кофе.

– В чем именно состоят ваши затруднения? – спросил я.

– Затруднение только одно, – резко ответил он. – Кто, черт возьми, это сделал?

– Мне кажется, все улики недвусмысленно указывают на Райдера, бывшего лакея.

– Я тоже так думал, – согласился он, – пока не побывал в Креспинге! Приехал с ордером на арест в кармане. И вдруг понял, что дело нечисто!

– Как же вы собираетесь поступить?

Гримсби помедлил.

– Видите ли, – ответил он, – ошибка в расследовании убийства может дорого обойтись; мне хотелось бы заручиться еще одним мнением – неофициально, конечно!

Я поднял на него глаза.

– Мнением мистера Мориса Клау?

Он кивнул.

– Совершенно верно!

– Вижу, вы изменили свое суждение о нем?

– Мистер Сирльз, следствие по делу о преступлениях в музее Мензье полностью все перевернуло! Я не шучу. Я всегда считал его сумасбродом, и до сих пор убежден, что странностей ему не занимать. Но если в расследовании не обойтись без проникательного человека, я готов поставить на Мориса Клау все свои сбережения!

– В таком случае, вы зря тратите время, беседуя со мной.

– Никак нет, – убежденно возразил Гримсби. – Морис Клау живет уединенно, это правда, однако вовсе не склонен, как говорят, держать свой свет под спудом! Он знает, что вы

собираете материалы о его трудах и методах, и скорее прислушается к вашей просьбе, чем к моей.

Я сразу понял, куда клонит Гримсби. Он пытался уговорить меня обратиться за помощью в расследовании убийства в Креспии-холле к Морису Клау с тем, чтобы ему (Гримсби) достались все официальные почести, да и чувство собственного достоинства не пострадало!

Я рассмеялся.

– Хорошо, Гримсби! Поскольку Клау не предлагал вам свои услуги, дело это, вероятно, его не заинтересовало; и все же попробовать не мешает.

Сверившись со справочником, мы отправились в Уоппинг, где медлительное солнце уже озарило закоптелые стены и грязные улицы, и разыскали там некую лавку, точный адрес которой я называть не стану; скажу только, что находится она близ Старой лестницы в Уоппинге.

К лавке ведет узкий проход: справа глухая стена, слева заколоченный подъезд и окно, заложненное кирпичами. Сквозь щели между ними любопытный посетитель может увидеть развалины здания, когда-то служившего пакгаузом или торговым складом, клочок берега и мелкую зыбь илистых вод старой Темзы.

Этот проулок выходит в закрытый двор, и в самом конце его расположена лавка Мориса Клау. На дорожке выстроились обломки мраморных постаментов, окруженные ветхими сундуками и колченогими стульями, а рядом громоздятся чучела птиц, сломанные игрушки, письменные приборы, ржавые мечи, керосиновые лампы и прочий мусор, не поддающийся никакой классификации. Среди гор рухляди зияет черный провал двери.

Нужно ли говорить, как осторожно мы с инспектором Гримсби входили в эту Кумскую пещеру!*

Сперва мы ничего не могли различить в темноте. Повсюду вокруг копошилась во мраке какая-то живность. Нас об-

* Кумская пещера – пещера в Кумах, греческой колонии на юге Италии, где пророчествовала знаменитая Кумская сивилла.

волакивало неопишемое благовоние ветхой мебели, смешиваясь с равно неопишемыми запахами жизненной деятельности птиц, рептилий и грызунов.

– Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол! – прозвучал скрежещущий крик попугая.

Отворилась дверь, впуская немного света и – Мориса Клау. Последний оказался полностью одет; иными словами, он был облачен в потрепанный черный плащ с пелериной, черный шелковый шарф и редчайший экспонат своего неприглядного реликвария, коричневый котелок.

В полумраке его пергаментное лицо казалось совсем старым, а косматые брови и реденькая бородка еще более бесцветными, чем обычно. С высоты своего роста он взгляделся в нас сквозь стекла золотого пенсне и снял котелок.

– Доброе утро, мистер Сирльз! Доброе утро, инспектор Гримсби! Я только что из Парижа. Как мило со стороны вашей наведаться так рано, дабы сообщить мне о бедняге, убитом в Креспинге! Доброе утро! Доброе утро!

II

Святая святых Мориса Клау, несомненно, представляет собой одну из самых необычных квартир в Лондоне. Вдоль стен тянутся книжные полки, где расставлено уникальное, на мой взгляд, собрание книг по криминологии (как понимает эту науку Морис Клау). Имеются здесь и поразительные древние реликвии, и у каждой из них – своя история. С порога бросается в глаза опрятный письменный стол с букетом цветов в серебряной вазе, вращающееся кресло и превосходная тигровая шкура на полу.

Контраст с лавкой был удивителен. Морис Клау положил котелок на стол и вытащил из него пузырек, с которым никогда не расставался. Он увлажнил свой высокий желтый лоб, наполнив воздух освежающим ароматом вербены.

– Эта лавка, – сообщил он, – очень сильно пахнет сегодня утром! Не столько канарейки, сколько крысы!

– Надеюсь, – вежливо начал Гримсби, – что мисс Клау пребывает в добром здравии?

– Изида скоро присоединится к нам и поведаст сама, – был ответ. – А теперь – о том неприятном событии в Креспинге. Похоже, вернулся я вовремя, но, увы! истекло две недели!

Гримсби прочистил горло.

– Полагаю, вы читали –

– Ах, друг мой! – Морис Клау поднял длинную, белую, узкую ладонь. – Разве не знаете вы, что я не утруждаю свой бедный разум этими глупыми газетами? Нет, не читал я, мой друг!

– О! – растерявшись, воскликнул Гримсби. – Но тогда мне придется изложить вам семейную историю –

В комнату вошла Изида Клау.

Все в ней, от крошечной шляпки с красным пером, похожим на перо фламинго, до элегантных туфелек, говорило о Rue de la Paix*. На Изиде был на редкость смелый наряд; могу лишь назвать его этюдом в огненных тонах. Женщина менее привлекательная никогда не осмелилась бы надеть нечто подобное; но эта великолепная брюнетка с большими мерцающими глазами и дразнящей улыбкой обладала грациозной фигурой Клеопатры и колдовским очарованием гурии.

Инспектор Гримсби поздоровался с ней смущенно и восторженно. Обмен приветствиями и –

– Мы должны спешить, отец! – сказала девушка.

Морис Клау вновь надел свой доисторический котелок.

– Мистер Сирльз и инспектор Гримсби присоединятся к нам, возможно? – предложил он.

– Куда? – начал Гримсби.

– Куда же, как не на поезд в Оксли, что отходит в 9.15? Куда же, как не из Оксли в Креспинг! Я теряю время – я?

* Rue de la Paix (улица Мира) – одна из центральных улиц в Париже с модными магазинами и ювелирными салонами, которая с XIX в. считается воплощением «парижского шика».

– Вас наняли для расследования дела? – предположил Гримсби.

– О нет! – был ответ. – Но награда найдет меня!

В конце проулка ждал кэб. У заколоченной двери хозяину лавки древностей уважительно поклонился красноносый мужчина в лохмотьях.

– Ты слышишь меня, Уильям, – сказал Морис Клау этому отщепенцу. – Ничего не продавай – только рукомойник! Не забывай канарейкам воду менять. Кукурузные зерна – для белых крыс. Если к восьми в мышеловку не попадетса мышь, дай сове сеledку. И о выпивке не думай даже; она погубит тебя, Уильям!

Мы сели в кэб. Последним, что мне запомнилось, был невидимый попугай, который напутствовал нас словами:

– Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол!

По пути на вокзал Гримсби, не сводивший глаз с обворожительного личика Изиды, поведал молчаливому Морису Клау историю семейства Креспи. Вот ее краткое изложение:

Покойный сэр Ричард Креспи, испытывая серьезные денежные затруднения, привык топить свои горести в стакане, что далеко не способствовало семейной благодати, и после одной исключительно бурной сцены семья распалась. Первым покинул дом его сын Роланд, не унося с собой ничего, кроме благословения матери и проклятий отца. Затем и леди Креспи уехала к сестре в Лондон, но не прожила и двух лет после отъезда из Креспи-холла. Один, покинутый сыном и женой, беспутный старый баронет лег на прежний курс и еще несколько лет продолжал заливать печали вином. Слуги один за другим оставили его, и в конечном итоге, не считая верного Райдера, лакея, чьи предки с незапамятных времен прислуживали семейству Креспи, сэр Ричард остался единственным обитателем громадного поместья. Апоплексический удар завершил его никчемную жизнь; от сына уже много лет не было вестей – полагали, что он нашел свою смерть в Африке, куда отправился после ухода из дома.

Тем временем, в Креспинге появился мистер Исаак Гейдельбергер, чей зловредный характер вскоре стал известен всей округе. Это был немецкий еврей, рослый ловкач с грубыми

крупными чертами лица и черными усиками, старательно подстриженными в напрасной попытке скрыть линии рта, которые вполне подошли бы Нерону. Через неделю после смерти сэра Ричарда Гейдельбергер вступил во владение Креспи-холлом.

Новый владелец привез с собой некоего Хаймера, своего рода доверенного секретаря; рассчитав Райдера, старого лакея, эти два джентльмена устроились со всеми удобствами. Достаточно скоро выяснились и их планы: они намеревались превратить величественное старинное поместье в «загородную гостиницу для приезжих».

Отношения между рослым евреем и Райдером, который за время службы успел скопить немного денег и обосновался в Креспинге, были очень напряженными. Как-то вечером самодовольный Гейдельбергер зашел в «Гоблетс», старинный трактир в деревне – и вспыхнула открытая перебранка. Бывший лакей заявил:

– Сэр Ричард, со всеми его грехами, был когда-то добрым английским джентльменом. Не будь таких, как вы, он и умер бы добрым английским джентльменом!

Трагедия произошла ровно неделю спустя.

– Теперь мы подходим к главному, а? – прервал рассказ Морис Клау. – А также подъезжаем к вокзалу! Попрошу вас заказать нам купе первого класса!

Инспектор Гримсби поспешил исполнить его просьбу. Когда поезд отошел от перрона, он возобновил свой рассказ.

– Насколько я понимаю, дело было так.

(Далее я сокращаю повествование инспектора и передаю его своими словами).

«Гоблетс» уже закрывался, и деревенские жители, которые привыкли встречаться там каждый вечер, стояли под раскачивающейся на ветру вывеской. В эту минуту на улице показался человек; он бежал со стороны Креспи-холла и, заметив кучку завсегдатаев, бросился к ним. Это был Хаймер, секретарь Исаака Гейдельбергера. Он был без шляпы, дряблое лицо его выражало ужас.

– Скорее! – задыхаясь, прохрипел он. – Где живет доктор?
– В предпоследнем доме, – сказал кто-то. – А что случилось?

– Убийство! – закричал Хаймер и помчался вниз по улице.

Благодаря этой драматической сцене мир впервые узнал о происшествии, получившем позднее широкую огласку. Факты, вскоре ставшие известными всей стране, вкратце были таковы:

Гейдельбергер и его секретарь, поселившись в поместье, занялись описью содержимого Креспи-холла и составлением схем перестройки комнат, а также новой планировки заброшенных угодий. Эту работу они практически закончили и собирались, если ничего не помешает, назавтра передать старое поместье в руки целой армии строительных рабочих из Лондона.

Приблизительно в половине седьмого вечера Гейдельбергер вошел в комнату Хаймера и сообщил, что ожидает посетителя. Секретарь, с головой ушедший в бумаги, не стал переспрашивать Гейдельбергера: он счел, что речь идет об архитекторе или же о лондонском камердинере хозяина. Затем Гейдельбергер направился в библиотеку, сказав Хаймеру, что до утра тот ему не понадобится.

Между восьмью и половиной девятого – точнее Хаймер сказать не мог – раздался звонок (со стороны черного хода). Секретарь рассудил, что Гейдельбергер впустил посетителя и уединился с ним в библиотеке.

Первым признаком надвигающейся беды стал громкий и рассерженный возглас, который донесся, по всей видимости, из старого пиршественного зала, что находился над комнатой секретаря; был безошибочно различим голос Гейдельбергера.

Вскочив со стула, Хаймер сделал шаг к двери и замер в нерешительности. Сверху донеслось рассерженное бормотание, ясно послышался голос еврея, после внезапные звуки борьбы; потолок задрожал, точно в зале схватились два грузных человека, всю комнату сотряс гулкий удар и Хаймер ус-

лышал пронзительный крик. Он смог разобрать только обрывок последнего слова, звучавшего как «поле».

Достаточно сказать, что все это время Хаймер стоял, как вкопанный, у открытой двери, чтобы назвать его трусом. По сути дела, лишь его рассказы о явлении призрачных фигур в картинной галерее и нежелание покидать комнату после наступления темноты заставили Гейдельбергера – человека совершенно иного склада – выписать из Лондона своего камердинера.

Наконец Хаймер, движимый не только благородными мотивами, но и страхом, порожденным внезапной тишиной, вытащил из ящика револьвер, взвел курок и, держа револьвер наготове в одной руке, а другой поднимая лампу, начал взбираться, весь дрожа, по ступеням узкой лестницы, ведущей к двери под балконом менестрелей. Возясь с дверью, Хаймер поставил лампу на пол – и в этот миг в зале раздался какой-то звук, похожий на скрежет ключа в плохо смазанном замке.

Затем, подняв лампу высоко над готовой, Хаймер заглянул внутрь; учитывая его боязливость, стоит отметить, что Хаймер выдержал это испытание и не упал тотчас же в обморок – ибо в тусклом свете, лишь подчеркивавшем мрачность длинного темного зала, перед ним открылась картина, что способна была потрясти и гораздо более хладнокровного человека.

Менее чем в шести футах от него, головой к свету, в округлой луже крови лежал на спине Гейдельбергер с разрубленной почти до подбородка головой! Рядом с ним, на полу, валялось ужасное орудие смерти – огромный боевой топор, наследие крестовых походов, поднять который смог бы только гигант, обладающий геркулесовой силой.

Содрогаясь от ужаса, едва держась на ногах, Хаймер окинул взглядом мрачное пространство: зал был пуст, лишь тело убитого лежало на полу. Хаймер скатился по лестнице и выбежал из дома. Свежий вечерний воздух привел его в чувство; боясь, что неизвестный убийца станет его преследовать, Хаймер со всех ног пустился в деревню.

– Вот и Оксли! – встрепенулся Морис Клау.

III

Ах! – воскликнул Морис Клау, словно охваченный священным восторгом. – Взгляните на кровь!

Мы стояли в старинной пиршественной зале Креспи-холла. У дальней двери застыл дежурный полицейский. Повсюду царила таинственная тишина. Хриплый, громыхающий голос Клау пугающим эхом разнесся по залу, что помнил тени ушедших Креспи.

Изида Клау стояла рядом с отцом: трудно вообразить двух людей, настолько несовместимых двух с другом. Девушка глядела на запятнанный кровью пол с бесстрастным вниманием опытного криминолога.

– Здесь должно быть немало одических отпечатков, – тихо проговорила она.

Начальник местной полиции, сопровождавший нас, лишь непонимающе посмотрел на Изиду. Морис Клау инстинктивно обернулся к нему.

– Вы удивлены, друг мой! – сказал он. – Совершенно очевидно, что не знаете вы ничего о психологии преступления. Позвольте вас просветить. Первое: преступление, – он сделал рукой характерный круговой жест, – действует циклами. Его история повторяется, понимаете? Второе: мысль есть вещь. Человек, что умирает насильственной смертью, в последнюю минуту испытывает необычайно сильную ментальную эмоцию – эфирную бурю. Воздух – атмосфера – хранит отпечатки того шторма.

– В самом деле! – сказал полицейский.

– Да, в самом деле! Не стану я спать здесь – как поступаю обычно в подобных расследованиях. Почему? Потому что опасаясь испытать потрясение, когда достигнет меня эмоция покойного Гейдельбергера! Ах! вы толстокожи, как бык! Однажды, о жвачный мой друг, спал я в пустынной Палестине на том месте, где бедную женщину забили камнями. Во сне безжалостные те камни попадали в меня! Разбивали мне голову и лицо! И был я беспомощен – связан – как та несчастная, что

за бедные маленькие прегрешения утратила жизнь из своего нежного тела!

Он замолчал. Никто не осмеливался заговорить. В такие минуты Морис Клау становился волшебником, плетущим сеть заклинаний. И даже равнодушные ощущали дрожь, словно необычайные вещи, о которых рассказывал самый удивительный из людей, оживали, двигались перед их глазами. Затем –

– Топор вон там, сэр, – сказал местный полицейский, преисполненный уважения и благоговейного ужаса.

Громадный топор был прислонен к одному из столбов, поддерживающих балкон менестрелей.

– Попробуйте поднять его, мистер Клау! – сказал Гримсби. – Вы поймете, каким сложением должен был обладать убийца. Взявшись одной рукой за рукоять, я даже не могу толком его приподнять.

Морис Клау схватил топор. Пока мы с Гримсби и полицейским удивленно глядели на него, Клау описал топором круг над головой, точно держал в руке легкую булаву! Он нанес удар – направо – налево; и положил топор наземь.

– У моего отца стальная рука! – послышался мягкий голос Изида. – Известно ли вам, что он был когда-то знаменитым фехтовальщиком?

Клау снял котелок, достал пузырек и увлажнил свой лоб вербеной.

– Топор воина! – сказал он. – Изида, что знаем мы о подобном топоре? Мы, имеющие столь подробный каталог таких реликвий?

Изида Клау извлекла из сумочки толстую записную книжку.

– Третий в списке, – спокойно сказала она, передавая отцу раскрытую книжку, – как мы и думали!

– Ах, – загромыхал Клау, поправляя пенсне. – Топор Черного Джеффри!

Он снова повернулся к Паркеру, местному полицейскому.

– Всякая древняя вещь, подобно этому топору, – произнес Клау, – имеет свою историю. Я коллекционирую эти истории, понимаете? Наш топор оружием был Черного Джеффри, участника крестового похода и одного из первых Крести. Топором тем, не сомневаюсь, Джеффри погубил немало сарацинов. Но

не то меня интересует. В правление Генриха VIII находим мы топор пребывающим в замке Дайк, что в Норфолке. И только при Карле II попал он в Креспи-холл. Что случилось в замке Дайк? Некий сэръ Гилберт Майерли был им убит! Кто же сразил его? Терпение, друзья мои! Все мне ясно! О, чудесная наука, Наука циклов!

Его глаза горели вдохновением за стеклами пенсне. Похоже, в своих заметках (ума не приложу, как он сумел собрать эти исторические сведения) Клау обнаружил ключ к загадке, хотя мне лично казалось, что они не имеют совершенно никакого отношения к делу.

– Скажите мне, мистер Гримсби, в нескольких словах, – продолжал Морис Клау, – каковы улики против Райдера, лакея?

– Что ж, – был ответ, – вы можете видеть, что топор висел вот здесь, перед ограждением балкона. Говоря теоретически, убийца мог подбежать, схватить топор –

– Теории, друг мой, – прервал его Морис Клау, – не суть улики!

Изида с улыбкой посмотрела на Гримсби. Он выглядел смущенным.

– Простите! – смиренно сказал инспектор. – В таком случае, изложу факты. В правой руке убитого был зажат раскрытый перочинный нож. Предполагается – ах, простите! На лезвии обнаружено несколько капель крови. Хотите увидеть нож?

Морис Клау отрицательно покачал головой.

– Было установлено, – продолжал Гримсби, – что в день убийства Райдер вышел из своего дома в восемь часов вечера и отсутствовал до десяти. Его допросили. А теперь послушайте, мистер Клау, и скажите сами, почему я его не арестовал! Он признался, что явился вечером в Креспи-холл; признался, что разговаривал с Гейдельбергером в библиотеке. Наконец, он не отрицает, что находился в зале, когда тот был убит!

– Очень хорошо! – сказал Морис Клау. – И он все еще на свободе?

– Да! Скрыться он не пытался. Я велел обыскать его комнату и нашел пальто с окровавленными рукавами! На правой руке у него порез, какой можно нанести перочинным

ножом! Он уверяет, что прищемил руку дверной защелкой, но решительно отказывается объяснить, что делал в Креспихолле в вечер убийства! И все же я его не арестовал! Почему?

– Действительно, почему? – сказал Морис Клау. – Объясните же.

– Потому что я рассудил, что человеку его возраста не поднять этот топор – и решил воспользоваться Райдером как приманкой, чтобы поймать его сообщника!

– Ах! умно! – пророкотал Морис Клау. – Изящно, мистер Гримсби! Тонко! Но вы видеть могли, что способен сделать бедный старый глупец с тем топором!

Никогда не видел, чтобы человек так внезапно терял уверенность в себе. Гримсби покраснел, затем побледнел и, казалось, утратил дар речи.

– Скажите мне, мистер Гримсби, – что именно подозреваемый делает подозрительное? Какие письма пишет? Какие получает?

– Ничего! – отвечал Гримсби, постепенно наливаясь злостью. – Но каждый день он посещает доктора Мэддена в Оксли.

– Зачем же, а?

– Доктор говорит, что его встречи с пациентом носят сугубо профессиональный характер, а человека его профессии подозревать я никак не могу!

– Вы свершили две глупости, – прогрохотал Клау. – Вы даром потратили время на Райдера, и на веру приняли слово доктора. Мистер Гримсби, знавал я докторов, что были отъявленными лжецами!

– Так вы считаете –

Клау поднял руку.

– Должно нам посетить доктора Мэддена, – сказал он. – Этот Райдер от нас не убежит. Изида, дитя мое, напрасно я тебя побеспокоил. Дело столь простое, что и без ментальных негативов укажем мы на виновника!

– Мистер Клау, – в волнении начал Гримсби.

– Друг мой, – был ему ответ, – я сделаю несколько исследований и отправимся мы в Оксли. Убийца возвратится в Лондон вместе с нами на поезде 3145!

IV

Проезжая по деревенской улице в арендованном инспектором Гримсби автомобиле, мы заметили у калитки одного из окраинных коттеджей высокого, седого человека. Его правильное, открытое лицо казалось осунувшимся и печальным.

– Вот и он! – воскликнул Гримсби. – Может, лучше сразу его арестовать?

– О нет, друг мой! – запротестовал Клау. – Но остановитесь – мне нужно кое-что ему сказать.

Автомобиль остановился. Клау вышел и приблизился к старику, который при виде нас заметно побледнел.

– Добрый день, мистер Райдер! – вежливо поздоровался Клау с бывшим лакеем.

– Добрый день, сэр, – учтиво ответил тот.

И затем Морис Клау задал старику простой вопрос – но последствия его оказались самыми поразительными.

– Как он сегодня? – поинтересовался Клау.

Лицо Райдера задергалось, глаза широко раскрылись. Он хватал ртом воздух и безумным взглядом смотрел на своего собеседника.

– Как – кто – о чем вы? – выдавил он.

– Не важно, мистер Райдер – не важно! – загромыхал Морис Клау. – Изида, дитя мое, останься с этим джентльменом и поведай ему все, что мы знаем о топоре Черного Джеффри. Он рад будет это услышать!

Прекрасная Изида подчинилась без малейших возражений. Когда мы отъезжали, я увидел на садовой дорожке ее фигурку, облаченную в пламенный наряд, рядом с высоким старым лакеем. Гримсби, позабыв обо всем, глядел им вслед, пока они не исчезли из виду.

– Я располагаю свидетельствами того, что Райдер назвал Гейдельбергера прямым виновником падения сэра Ричарда! – внезапно взорвался он. – И у меня есть свидетели, слышавшие, как он говорил: «Слава Богу! надолго здесь еврей не задержится!»

– Хорошо! – пророкотал Морис Клау. – Очень хорошо!

Всю оставшуюся часть пути Гримсби говорил не переставая и одну за другой курил манильские сигары. Морис Клау, однако, молчал.

Доктор Мэдден только что вернулся к себе после утренних визитов к больным. Перед нами предстал типичный сельский доктор – дружелюбный седой человек, чье румяное, бритое лицо сразу внушало доверие. Но вел он себя так, будто понимал, что загнан в угол.

– Чем могу служить, джентльмены? – быстро спросил он.

– Пришли мы, доктор Мэдден, – громыхнул Морис Клау, внушительно тряся воздетым указательным пальцем, – дабы сообщить вам, что Райдеру угрожает непосредственная – да, непосредственная опасность ареста.

Доктор вздрогнул.

– И потому желаем мы побеседовать с одним из ваших пациентов!

– Не понимаю вас. С каким пациентом?

Морис Клау покачал головой.

– Давайте мы с вами будем разумными людьми, – сказал он, – а не двумя старыми дурнями! Вы так прекрасно понимаете, с кем из пациентов.

Доктор Мэдден постучал пальцами по столу.

– Вы детектив? – вырвалось у него.

– Я не есть детектив! – отвечал Морис Клау. – Я изучаю Науку циклов – не путайте те циклы с мотоциклами; я также скромный исследователь эфирных рубежей! Вам предъявить могут тяжкие обвинения, доктор!

Доктор нервно заерзал в кресле.

– Если я и виновен, – сказал он, – то провинился не далее как вчера вечером.

– Ага! – загромыхал Клау. – Он был не в себе?

Доктор Мэдден застыл в оцепенении.

– Мистер Клау, – выдавил он, – не знаю, кто вы, но способности ваши невероятны. Он утратил память!

– Что? – потерял память! Как это?

– Он упал с лошади! Пойдемте; теперь я вижу, что не стоит тянуть время. Я отведу вас к нему.

Мы направились к ожидавшему автомобилю. Я посмотрел на Гримсби и чуть не расхохотался, таким комичным казалось его изумленное лицо.

– Ради всего святого, о чем они говорят, мистер Сирльз? Я точно очутился в незнакомой стране: все вокруг о чем-то разговаривают, но я ничего не понимаю!

По пути:

– Расскажите мне, доктор, о вашем пациенте, – сказал Морис Клау.

Доктор, не пытаясь более ничего скрывать, принялся рассказывать, как его вызвали к мистеру Роджерсу, художнику, который жил на ферме у Хинксмана, расположенной у дороги на Оксли. В вечер трагедии Роджерс оседлал Бесс, фермерскую кобылку; в десять вечера обитатели фермы начали тревожиться, поскольку кобыла была весьма норовистой. Около четверти одиннадцатого Бесс прискакала обратно без всадника, а чуть позднее два работника принесли бесчувственное тело Роджерса – его нашли у дороги на некотором расстоянии от фермы.

Несколько дней Роджерс находился в критическом состоянии вследствие сотрясения мозга. Наконец он стал выздоравливать – но, как выяснилось, утратил память.

– В прошлую субботу, – добавил доктор, – специалист, вызванный мною из Лондона, удачно провел операцию.

– Ах, – пророкотал Морис Клау, – так мы сможем его увидеть?

– Безусловно. Он идет на поправку. Вчера вечером память полностью восстановилась.

Как можно легко понять, на ферму Хинксмана мы добрались, по-прежнему пребывая в тумане неизвестности.

На веранде сидел и дружески беседовал с фермером загорелый молодой человек с забинтованной головой и трубкой в зубах.

Морис Клау поднялся по ступеням вместе с доктором Мэдденом.

– Добрый день, мистер фермер! – любезно сказал он.

Из открытого окна высунулось розовощекое девичье личико.

– Добрый день, мисс фермер! – Клау снял свой коричневый котелок и повернулся к загорелому молодому человеку.
– Добрый день, сэр Роланд Креспи!

Пока мы с Гримсби оправлялись от потрясения, вызванного этой захватывающей встречей, сэр Роланд, доктор Мэдден и Морис Клау успели о чем-то пошептаться, после чего Клау заявил:

– А теперь сэр Роланд расскажет нам о смерти мистера Гейдельбергера!

Гримсби вперил взгляд в молодого баронета; последний тем временем начал свой рассказ:

– Как вам уже известно, после отъезда из Англии я вместе с тремя другими компаньонами разрабатывал копи в Западной Африке. Состояние здоровья вынудило меня вернуться в Англию; я приехал в Креспинг и поселился у Хинксмана под именем «мистера Роджерса» – обстоятельства, при которых я покинул дом, заставляли меня держать свое возвращение в секрете от жителей деревни. Наши успехи в Африке были достаточно скромны, и когда я узнал, что отец умер и Креспи-холл попал в руки Гейдельбергера, я понял, что моих скудных капиталов не хватит на выкуп поместья. Все это потрясло меня; никому не открываясь – борода, которую я отрастил в Африке, служила отличной маскировкой, но сейчас ее сбрили по указанию врачей – я стал наводить справки о Райдере. Нашел я его без труда и только он один во всем Креспинге знал, кто я такой.

Теперь я перехожу к событиям, непосредственно связанным со смертью Гейдельбергера. В старом поместье имелась одна вещь, пробуждавшая во мне множество воспоминаний; я хотел во что бы то ни стало сохранить ее у себя – и готов был торговаться. То был портрет моей матери. Упомяну также, что по причинам, о которых я не хочу распространяться, я скорее сжег бы портрет, чем позволил ему попасть в руки Гейдельбергера.

С этой целью я обратился за помощью к Райдеру – если бы не моя личная просьба, тот ни за что не согласился бы выполнить подобное поручение. Это было за день до смерти Гейдельбергера; тем утром я получил известия из Африки,

пробудившие во мне надежду на спасение своего старого дома от позорной судьбы. Мои надежды оправдались: сегодня я узнал, что копи сделали меня и моих компаньонов богачами. Думаю, опрометчивое замечание Райдера, говорившего о возможности выкупа поместья у Гейдельбергера, заставило людей подозревать, что старик замыслил кровавое преступление.

Райдер, между тем, назначил встречу с Гейдельбергером и пришел на нее, как и было договорено. Я боялся за Райдера, опасаясь, что еврей – который славился очень жестоким характером – может дурно с ним обойтись. Поэтому я предпринял некоторые шаги; косвенным образом они и стали причиной трагедии.

Как и в большинстве старинных замков эпохи, в Креспихолле немало потайных проходов, туннелей и выходов. По древней традиции, тайну их существования бережно хранят члены семьи. Я решил стать незримым свидетелем беседы Райдера с Гейдельбергером и воспользовался для этого потайным ходом – он начинается в кустах ярдах в пятидесяти от западного крыла. Пройдя через туннель, я поднялся по ступеням и очутился за старинной картиной, которая украшает пиршественную залу. Рама картины на самом деле является дверью; она открывается при нажатии пружины, но древний механизм проржавел и еле действовал. Отсюда я мог слышать все, что говорилось в зале: я рассудил, что переговоры состоятся там, где висит портрет моей матери.

Так и случилось – не успел я преодолеть две последние ступени, как в зале послышались шаги. Гейдельбергер заговорил первым:

– Только подумать, что ты захотел купить портрет леди Кресси, сентиментальный старый глупец! Будь на твоём месте кое-кто другой, я бы понял такую настойчивость!

Затем я услышал голос Райдера.

– Что вы хотите этим сказать, мистер Гейдельбергер? – спросил он.

Я с любопытством ждал ответа еврея. Как я и предполагал, он высказал грязные и необоснованные обвинения в адрес моей бедной матери. Я не мог молча терпеть это оскор-

бление; лопнуло и терпение старого Райдера – когда я отворил дверь и бросился в комнату, чтобы встретиться с этим клеветником лицом к лицу, послышался звук удара и Гейдельбергер, как дикий зверь, взревел от ярости.

В следующий миг он схватил старика за горло. Но прежде, чем он успел что-либо сделать, я нанес ему сильный удар кулаком; он разжал свою хватку и обернулся к новому противнику.

Я обязан отдать должное Гейдельбергеру: похоже, он не знал страха, и нападение врага, о чьем присутствии он даже не подозревал, лишь прибавило ему сил. Он смерил меня взглядом, и в лице его не было никаких признаков испуга.

– Так это вам нужна картина, а? – усмехнулся он. – Полагаю, вы –

– Прекратите! – сказал я. – Я Роланд Креспи, и я не намерен выслушивать ваши грязные оскорбления!

Он на мгновение замер, переводя глаза с меня на Райдера и на картину, едва различимую в луче света от свечи, принесенной им с собой. Не успел я понять, что он задумал, как он вытащил из кармана перочинный нож, раскрыл его и шагнул к портрету.

– Вам его не видеть! – воскликнул он.

Он уже вонзил нож в холст – осмотр картины может это доказать – когда я бросился на него.

Борьба была отчаянной. В том, что произошло далее, можно увидеть перст судьбы. Гейдельбергер был сильнее меня – и, охваченный злобой, попытался всадить в меня нож, который держал в руке!

Я схватил его за запястье, однако он сумел освободиться и полоснул ножом сверху вниз. Я отпрянул и оказался слева от одного из столбов, поддерживающих балкон менестрелей.

Гейдельбергер, ослепленный яростью, не заметил препятствие; к тому же под балконом было очень темно. Он свирепо бросился вперед – и задел столб плечом. Удар был страшен.

Джентльмены! Я содрогаюсь, рассказывая о том, что случилось! Топор Черного Джеффри, что веками висел наверху, перед ограждением, покачнулся от удара, изъеденные временем крепления вырвались из камня. Когда громадное те-

ло Гейдельбергера ударило в столб, огромный топор, будто направленный невидимыми руками, упал лезвием вниз, рассек голову несчастного и впился, дрожа, в дубовые доски пола!

Внезапность трагедии ошеломила меня; к ужасной реальности меня вернул крик старого Райдера:

– О, господин Роли!

Старый лакей всегда называл меня «господином Роли»; это имя кто-то принял, как я слышал, за слово «поле».

Наши последующие действия, вероятно, были неразумными. Мы высвободили топор и приподняли голову жертвы; никаких сомнений – Гейдельбергер был мертв. Услышав чьи-то осторожные шаги на лестнице под балконом, мы взяли свечу и поспешили скрыться за потайной дверью, причем Райдер сильно порезал руку, пытаясь закрыть ржавый засов. Только в аллее у дома, где я привязал свою кобылу, я осознал, что мы вели себя, точно виновники убийства. Теперь, однако, слишком поздно каяться в том, что я объясняю минутным приступом страха; я попросил Райдера хранить молчание и ждать моих указаний – и вскочил на лошадь, собираясь вернуться на ферму и хорошенько все обдумать.

К несчастью, животное сбросило меня неподалеку от фермы, что едва не стало причиной второй трагедии; остальное вам уже известно.

Могу только сказать, что Райдер готов был защищать меня до последнего и понести кару за деяние, которое было не чем иным, как божественным промыслом. Доктор Мэдден узнал меня, разумеется, и ему я также бесконечно благодарен. Такое же заявление я намерен сделать сегодня перед мировым судьей.

– Видите, – сказал Морис Клау. – Я пальцем не пошевелил! Случилось бы все так же, находишь я в Перу!

Гримсби прочистил горло.

– Не подвергая сомнению слова сэра Роланда, – начал он, – хотелось бы спросить, имеются ли свидетельства того, что он не –

– Воспользовался топором сам? – продолжил Клау.

Гримсби смутился.

– Но есть ли они?

– Есть! – загромыхал Морис Клау. – Я есть свидетельство! Дело это торжественно доказывает мою теорию циклов! Почти то же самое произошло сотни лет назад в замке Дайк! Топор повторил себя!

– Гм! – произнес Гримсби. – Боюсь, ваша теория циклов не убедит двенадцать добрых и достойных людей в суде присяжных, мистер Клау!

– Да? – сказал Морис Клау. – Нет? Думаете, не убедит? А еще одна маленькая деталь? Я старый сумасшедший дурак, а? Так? Но вы? Вы чистейший безумец, мой Гримсби! Говорите, он или мистер Райдер в пылу борьбы схватил черный топор? Да? Пытались вы достать рукой до места, где он висел?

– Нет, – признался Гримсби с таким видом, словно ему на ум только что пришла неприятная мысль.

– Нет, – безмятежно повторил Клау. – Но я пытался. Мистер Гримсби, три фута остается, тянись вы со ступеней или с балкона; и один лишь жираф дотянулся бы с пола!

Вскоре мы уже сидели в поезде.

– В деле этом, – проворчал Клау, – славы не достанется мне. Да будет сказано, что разъяснилось оно без помощи вашей или моей. Но ничего – награда со мной!

Он потрепал ручку огромного топора – неведомо как жуткая реликвия перешла во владение Мориса Клау. Инспектор Гримсби краем глаза следил за Изидой. Она раскрыла изящный золотой портсигар и предложила ему сигарету. И хотя инспектор Гримсби относится к сигаретам с некоторым презрением, эту он принял с удивительной резвостью.

Прелестная Изида также закурила и откинулась на подушку, выпусткая прихотливые спирали дыма из безукоризненных губ.

Эпизод четвертый

СТАТУЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

I

Если дело не касалось курьезных интересов Мориса Клау, любые просьбы о помощи были напрасны. Каким бы чудовищным ни было преступление, стоило его деталям показаться Клау заурядными, и он укрывался в своей лавке древностей в Уоппинге подобно черепахе, втягивающей голову под панцирь.

– Должно ли использовать, – однажды сказал он мне, – мою острую психическую чувствительность, чтобы обнаружить, кто всадил топор в голову какой-то несчастной прачки? Пускать ли в ход тонкое восприятие, на приобретение коего мне понадобилось столько лет, чтобы рассказать старому уродливому дурню, куда подевалась его хорошенькая молодая жена? Думаю, что нет – о нет!

Но время от времени, когда загадка оказывалась не по силам инспектору Гримсби из Скотланд-Ярда, он просил меня ходатайствовать перед эксцентричным старым антикваром, и порой Морис Клау снисходительно делился с инспектором тем или иным соображением.

Понятно, что больше всего интересовали Клау дела, в которых он мог применить на практике излюбленные теории: теорию циклов преступления, криминальную историю ценных предметов старины, идею о неуточжимости мыслительных образов. Как-то я и сам столкнулся с подобным случаем, а мой приятель Корама привлек на помощь Мориса Клау. То было, мне кажется, одно из самых таинственных дел, с каким мне только пришлось соприкоснуться; но для понимания его сути необходимо прежде всего объяснить, откуда в студии Роджера Пакстона, скульптора, появился предмет нас-

только ценный, что смог стать, как все мы полагали, первопричиной странного расследования.

Случилось так, что сэр Мелвилл Феннел заказал Пакстону хрисоэлефантинную статую*. Музей сэра Мелвилла, где хранятся древние и новые произведения искусства, является, по общему признанию, второй частной коллекцией такого рода в мире. Уступает он лишь собранию покойного мистера Пирпонта Моргана.

Заказ вызвал некоторое удивление. Мастерство хрисоэлефантинной скульптуры, не считая единственной попытки возродить его в Бельгии, оставалось мертвым на протяжении неисчислимых веков. Многие современные знатоки, к тому же, заклеили его как пародию на искусство.

Получив карт-бланш в отношении расходов, Пакстон создал скульптуру, которая заставила критиков заговорить о пришествии современного Фидия. Статуя, изготовленная по замыслу эксцентричного, но состоятельного баронета, изображала изящную, грациозную девушку, раскинувшуюся, словно в изнеможении, на троне из черного дерева. Высеченное из слоновой кости лицо с усталыми смеженными веками являло художественный триумф; над ним блестела золотая тиара, полускрытая волной спутанных волос. Рука из слоновой кости свисала вниз, почти касаясь пальцами пьедестала; левая рука была прижата к груди, как будто девушка пыталась успокоить свое трепещущее сердце. Композиция включала золотые ручные и ножные браслеты, которыми снабдил скульптора сэр Мелвилл – и, несмотря на все возражения мастера, талию девушки обвил тяжелый, украшенный драгоценными камнями пояс, найденный в гробнице одной фаворитки давно умершего фараона. В законченном виде скульптура, если даже говорить исключительно о материа-

* Имеется в виду характерная для античного искусства техника изготовления скульптур из золота и пластин слоновой кости на деревянном каркасе; в первые десятилетия XX в. хрисоэлефантинные скульптуры, сочетавшие бронзу или серебро и слоновую кость, вновь приобрели популярность в связи с широким импортом слоновой кости из бельгийского Конго, о чем упоминается ниже.

лах, стоила не менее нескольких тысяч фунтов.

Баронет согласился выставить скульптуру, прежде чем она будет отправлена в Феннел-холл; звезда Пакстона, казалось, взошла как никогда высоко, когда случилось необычайное происшествие, грозившее скульптору полным крахом всех надежд.

Помнится, Пакстон устроил один из тех приятных дружеских обедов, что пользовались заслуженным успехом. Работа над статуей была в целом завершена, и друзьям скульптора велено было явиться пораньше, чтобы рассмотреть его произведение в естественном освещении. Компания собралась холостяцкая; никогда не забуду эти восторженные лица, окружившие фигурку лежащей танцовщицы – согретая мягким светом, она приобрела неимоверное сходство с женщиной из плоти и крови.

– Видите ли, – пояснил Пакстон, – хотя эта техника, сочетающая различные материалы, и заслужила в последнее время дурную славу, она чудесно подходит для декоративных целей и дает возможность получить истинное богатство цветовых оттенков. Украшения – настоящие древности, очень ценные; это прихоть моего патрона.

Несколько минут мы постояли молча, любуясь прекрасной работой. Затем Харман спросил:

– Из какого материала изготовлены волосы?

Пакстон улыбнулся.

– Небольшой секрет, который я позаимствовал у греков! – ответил он с простительной ноткой тщеславия в голосе. – Поликлету* и его современникам отлично удавались волосы!

– Драгоценный пояс, похоже, снимается, – заметил я.

– Он прочно прикреплен к талии, – возразил скульптор.

– Готов поспорить, что за час никому не удастся его снять.

– С современной точки зрения подобная скульптура – новшество, – задумчиво произнес кто-то из гостей.

* Поликлет – знаменитый древнегреческий скульптор и теоретик искусства V-начала IV в. до н.э.

Корам, куратор музея Мензье, до сих пор молча рассматривавший статую, впервые заговорил.

– Стоимость материалов слишком велика; едва ли эта техника станет популярна, – принялся доказывать он. – Между прочим, пояс должен стоить целое состояние, а вместе с браслетами и тиарой вполне может соблазнить грабителя. Вы приняли меры предосторожности, Пакстон?

– Я сплю здесь каждую ночь, – был ответ. – Днем в помещении всегда кто-либо находится. Кстати говоря, на прошлой неделе произошло нечто любопытное. Я как раз прикрепил пояс – который, следует отметить, принадлежал в свое время Никрис, фаворитке Рамзеса III – и на несколько минут оставил натурщицу в мастерской одну. Возвращаясь из дома, я услышал крик, бросился в студию и нашел ее, всю дрожащую, в углу. Как вы полагаете, что ее испугало?

– Сдаюсь, – сказал Харман.

– Натурщица клялась, что Никрис – ибо статуя изображает именно ее – пошевелилась!

– Игра воображения, – заявил Корам. – Впрочем, не стоит ее упрекать: проведи я достаточно времени наедине с вашей статуей, и сам поверил бы, что в ней теплится жизнь.

– Думаю, – продолжал Пакстон, – что натурщице довелось слышать рассказы об этом поясе. История достаточно странная. Пояс был найден в гробнице танцовщицы, которая некогда его носила; говорят, там была обнаружена и надпись, повествующая об ужасных обстоятельствах смерти Никрис. Сетон – вы ведь помните Сетона – присутствовал при вскрытии саркофага и рассказывал мне, что арабы, завидев пояс, простерлись ниц и тотчас бежали в великом страхе. Но агент сэра Мелвилла Феннела, тем не менее, отправил пояс в Англию, а сэру Мелвиллу пришла в голову идея создать статую Никрис.

– К счастью для вас, – добавил Корам.

– О, несомненно, – рассмеялся скульптор и, тщательно заперев дверь мастерской, повел нас по короткой тропинке к дому.

Веселье не стихало и затянулось далеко за полночь. Мы с Корамом уходили последними и уже прощались с хозяином,

слыша, как голоса Хармана и остальных постепенно стихают в конце улицы.

– Давайте зайдём в студию, – предложил Пакстон. – Проверим, все ли в порядке, и я выпущу вас через садовую калитку.

Мы надели пальто и шляпы и последовали за хозяином к дальнему участку сада, где расположена мастерская. Пакстон открыл дверь, мы вошли внутрь и увидели статую Никрис – мертвенно-бледное лицо и руки призрачно светились в холодном сиянии луны, а драгоценные камни пояса и тиары переливались загадочным блеском.

– Спору нет, скульптура необычна, и критики не преминут вам об этом напомнить, – пробормотал Корам. – Но она безусловно превосходна, Пакстон. Какое невероятное жизнеподобие! Не скажу, что согласился бы на ночь поменяться с вами местами, старина!

– О, сплю я отлично, – засмеялся Пакстон. – Хотя обстановку роскошной не назовёшь: занавеска вон в том углу и раскладная походная койка.

– Ложе истинного спартамца! – сказал я. – Что ж, доброй ночи, Пакстон. Увидимся завтра – хотел сказать, уже сегодня!

Затем мы распрощались, оставив скульптора в одиночестве на сторожевом посту в храме Никрис. Квартира моя находится неподалеку; не прошло и получаса, как я мирно устроился в своей постели.

Я не знал и не мог подозревать, что тот вечер стал началом поразительных, таинственных событий, так и взывавших к вмешательству Мориса Клау!

II

Не успел я задремать – мне показалось, что спал я несколько минут, но в действительности времени прошло больше – как меня разбудил телефонный звонок. Спросонья я выбрался из кровати и подбежал к телефонному аппарату.

Звонил Корама. Окончательно проснувшись, я с растущим удивлением слушал его рассказ о том, что именно стало причиной звонка. Вкратце все сводилось к следующему: некое таинственное происшествие, о деталях которого он распространяться не стал, разбудило Пакстона. Решив посмотреть, что случилось, скульптор отпер дверь мастерской и вышел в сад. Отсутствовал он всего лишь несколько мгновений, студия все время оставалась в пределах слышимости – и все же, вернувшись, Пакстон обнаружил, что статуя Никрис исчезла!

– Я без колебаний телефонировал в Уоппинг, – закончил свой рассказ Корама, – и отправил курьера к Морису Клау. Дело, понимаете ли, срочное. Если статуя не найдется, Пакстон, скорее всего, будет уничтожен. Он слышал мои рассказы о Морисе Клау и его чудесных способностях, проявленных в деле о Греческом зале, и потому обратился ко мне. Я знаю, вы захотите участвовать, если Клау согласится нам помочь.

– Разумеется, – ответил я. – Ни за что на свете не пропущу новое расследование! Встретимся у Пакстона?

– Согласен.

Одевался я со всей поспешностью. Судя по рассказу Корама, тайна казалась необъяснимой. Ответит ли Морис Клау на наш отчаянный ночной призыв? Клау не мог надеяться получить сколько-нибудь значительный гонорар, так как Пакстон был небогат; но справедливость в отношении выдающегося человека, которого я имею честь представлять на этих страницах, заставляет сказать, что денежные соображения, похоже, не играли никакой роли в жизненной философии Мориса Клау. Его вдохновляла, мне кажется, чистая любовь к криминологическому искусству; а эта загадка и ее причудливые детали – древний пояс танцовщицы – страх модели, заявившей, что статуя движется – вполне могли, думал я, привлечь внимание Клау.

Через десять минут я был у Пакстона. Скульптор совещался с Корама в гостиной. Корама впустил меня в дом.

– Вы хотите сказать, – обратился он к Пакстону, продолжая разговор, прерванный моим появлением, – что статуя попросту растворилась в воздухе?

– Двойная дверь, которая выходит на улицу, была надежно заперта на замок и засов; садовая калитка также была заперта; я находился в саду, на расстоянии менее десяти ярдов от студии, – отвечал Пакстон. – И несмотря на все это, статуя Никрис исчезла, не оставив и следа!

В пропажу скульптуры трудно было поверить, но лицо говорившего служило лучшим тому доказательством. Я ужаснулся при виде измученного, осунувшегося скульптора.

– Мне конец! – сказал Пакстон и продолжал снова и снова повторять эти слова.

– Дорогой друг, – воскликнул я, – вы ведь сохраняете надежду найти скульптуру? В конце концов, такое ограбление невозможно совершить, не оставив хоть каких-то улик.

– Ограбление! – повторил Пакстон, глядя на меня со странным выражением. – Вы были бы не так уверены, что речь идет об ограблении, Сирльз, услышь вы то, что слышал я!

Я обернулся к Кораму, но тот лишь пожал плечами.

– О чем вы говорите? – спросил я.

– Разве Корам не рассказал вам?

– Он сказал, что ночью вас что-то разбудило. Вы вышли из студии, намереваясь разобраться, что случилось.

– В общих чертах, все верно. Я и в самом деле проснулся – и разбудил меня голос!

– Голос?

– Прошло часа два с тех пор, как вы ушли. Я крепко спал и внезапно проснулся и сел в кровати: мне послышалось, что прямо за дверью кто-то вскрикнул.

– Что же это был за возглас?

– Вначале я не сумел понять; но спустя недолгое время вскрик повторился. Голос был скорее не мужской, а мальчишеский; этот голос произнес только одно слово: «Никрис!»

– И затем?

– Я выпрыгнул из кровати и на мгновение замер – все это казалось просто невероятным. В студии, как вы знаете, нет электричества, иначе я бы непременно включил свет. Примерно с минуту я колебался, после отдернул занавески и стал прислушиваться у двери. В этот миг крик донесся в третий

раз – теперь я точно мог сказать, что кричал кто-то, стоявший прямо за дверью.

– Вы имеете в виду дверь, выходящую в сад?

– Да, да – дверь рядом с тем местом, где стоит моя койка. Тут я наконец принял решение. Я взял маленький револьвер, который постоянно держу под рукой с тех пор, как закончил работу над статуей Никрис, отпер дверь и вышел в сад –

У дома послышался шум колес экипажа – кэба или автомобиля. Раздался громыхающий голос. Корам бросился к двери.

– Морис Клау! – воскликнул я.

– Доброе утро, мистер Корам! – донесся из темноты этот неповторимый голос. – Доброе утро, мистер Сирльз!

Вошел Морис Клау.

На нем был коричневый допотопный котелок и длинный потрепанный плащ с пелериной; под плащом блестели лаком остроносые парижские туфли. Глаза, скрытые пенсне в золотой оправе, внимательно вглядывались в темные уголки вестибюля. Реденькую бесцветную растительность едва ли можно было назвать украшением массивного подбородка Клау. В сумрачном свете на его лице, показавшемся мне более желтым, чем обычно, проступали мертвенные синеватые тени.

– А это, – продолжал Морис Клау, когда взволнованный скульптор сделал шаг вперед, – мистер Пакстон, потерявший свою статую? Доброе утро, мистер Пакстон!

Он поклонился, сняв котелок и обнажив свой величественный, высокий лоб. Корам собрался было запереть дверь.

– О, нет! – остановил его Морис Клау. – Дочь моя принесет мне подушку!

Пакстон недоумевающе глядел на эту сцену; в его взгляде отразилась полная растерянность, когда вошла Изида Клау с огромной красной подушкой в руках. Плащ скрывал ее гибкую фигуру, поднятый капюшон обрамлял смуглое прекрасное лицо – впечатление она производила завораживающее. Изида поровну наградила нас с Корамом одной из своих ослепительных улыбок.

– Пред тобою мистер Пакстон, – сказал ее отец, указывая на скульптора и затем на дочь. – Пред вами дочь моя, Изида. Изида поможет нам искать Никрис. Зачем я здесь, старый дуралей, положено коему спать? Позвал меня пояс статуи вашей. Я помню так хорошо, как его выкопали. История его неизвестна мне, но будьте уверены, она зловеща. Начните сначала, будьте любезны, мистер Пакстон!

– Я безмерно вам обязан! Не согласитесь ли войти и присесть? – произнес Пакстон, ошеломленно глядя на девушку.

– Нет-нет, постоим мы! – ответил Морис Клау. – Стоять хорошо, стоять во весь рост; поскольку умеет то делать человек, превосходит он других животных!

Нам с Корамом манеры Клау были не в новинку, но Пакстон, судя по всему, счел его полнейшим безумцем. Тем не менее, он приступил к рассказу и довел его до места, на котором нить повествования была прервана появлением Мориса Клау.

– Помедленней теперь, – сказал Морис Клау. – Дверь в студию вы оставили открытой?

– Да; но отошел от двери не более чем на десять ярдов. Никто не смог бы незаметно вынести скульптуру из мастерской. Вспомните, она ведь весит немало.

– Минуточку, – вмешался я. – Вы уверены, что статуя находилась на месте, когда вы выходили?

– Уверен ли! Светила полная луна, и стоило мне отдернуть занавески, как я увидел фигуру Никрис!

– Вы прикасались к ней? – прогрохотал Морис Клау.

– Нет. Это мне было ни к чему.

– Сколь сожалительно, мистер Пакстон! Чувство осязания, оно такое утонченное!

Всех изумили его слова.

– Выйдя за дверь, – продолжал Пакстон, – я оглянулся по сторонам. Никого не было видно. Затем я подошел к стене – ярдах в десяти, не более – и, подтянувшись на руках, выглянул на улицу. Она была совершенно пустынна, лишь на противоположном углу я заметил констебля. Мы с ним немного знакомы, и его присутствие убедило меня в том, что через

стену никто не смог бы забраться в сад или выбраться оттуда. Я не стал его звать и немедленно вернулся в студию.

– В целости, сколько времени отсутствовали вы в мастерской? – спросил Морис Клау.

– Полминуты, не больше!

– И, вернувшись в мастерскую?

– Я с первого же взгляда заметил, что статуя исчезла!

– Боже правый! – воскликнул я. – Все это кажется просто невероятным! Констебль находился на посту?

– Да; там всегда дежурит полицейский. С того места, где он стоял, хорошо видна двойная дверь, выходящая на улицу. Поэтому можно сказать, что статую Никрис вытащили через сад – либо же она растворилась в воздухе! Единственная калитка, ведущая в сад, также открывается на улицу. Иначе, чем магическими чарами, я не могу объяснить исчезновение статуи!

– Ах, друг мой, – сказал Морис Клау, – говорите вы о магии столь буднично! Как ничтожно мало известно вам, – он развел свои длинные руки, воздев лицо, – о феномене двух атмосфер! Продолжайте же!

Клау словно излучал сверхъестественную силу, что производило известное впечатление на Пакстона.

– Трон, – продолжал скульптор, – остался в мастерской.

– И статуя – была к нему прикреплена?

– Эта часть работы еще не была завершена. Необходимые материалы привезли только сегодня.

– Сколько понадобилось бы времени, дабы снять ее? – прорычал Морис Клау.

– Зная, как именно изготовлена скульптура, немного – ведь я уже говорил, что работу не закончил. Около получаса; так показалось бы мне до сегодняшней ночи!

– Итак, вкратце дело сводится к следующему, – сказал я. – В течение тридцати секунд, в то время как констеблю видна была двойная дверь, а вы находились в десяти ярдах от калитки, кто-то отделил статую от трона – на что понадобилось бы тридцать минут искусного труда – и, не попадаясь на глаза ни вам, ни полицейскому, вынес ее из дома.

– О, это невообразимо! – застонал Пакстон. – В этой истории так и чувствуется нечто потустороннее. Лучше бы я никогда не прикасался к проклятому поясу!

– Проклинайте не пояс, но носительницу его, – пророкотал Морис Клау. – Сообщите же нам, что свершили вы, убедившись в отсутствии Никрис?

– Я поспешно обыскал всю студию. Этот быстрый осмотр убедил меня в том, что ни вора, ни статуи там не было. Затем я вышел, запер дверь, осмотрел сад и позвал констебля. К тому времени он уже провел на посту несколько часов и не заметил совершенно ничего необычного. Он видел, Сирльз, как вы с Корамом вышли из калитки – и с тех пор, клялся он, никто не смог бы незамеченным проникнуть в сад, никто и ничто не покидало его!

– И крики он не слышал?

– О нет; тот зов вряд ли был слышен на углу, где –

– И последнее, – прервал его Морис Клау. – Вы сообщили о пропаже статуи в Скотланд-Ярд?

– Нет, – отвечал скульптор. – Да и констеблю ничего не удалось разузнать. Более того, я скрыл от него цель своих расспросов. Если эта история попадет в газеты, мне конец!

– Надеюсь, не попадет ни в какие газеты она, – заверил его Морис Клау. – Пройдем же теперь к местоположению сих чудесных событий. В обычае у меня, мистер Пакстон, преклонять старую мою голову на месте тайны, и порой извлекаю я из воздуха ключ к лабиринту!

– Я слышал об этом, – сказал Пакстон.

– Вы слышали, да? Вы увидите! Ведите нас, мистер Пакстон! Время нельзя терять. Я другой, подобный Наполеону, и засыпаю в мгновение ока. Неизвестна мне бессонница! Ведите нас. Изиды, дитя мое, пусть не коснется она ничего по пути – моя одически стерильная подушка!

Мы направились в мастерскую.

– Простите, что заставил вас приехать сюда в такой ранний час, – сказал скульптор Изиде Клау.

Она обратила на него взор прекрасных глаз.

– Мой отец благодарен вам за возможность расследовать дело. Я нужна ему, и поэтому я здесь. Я также благодарна вам.

Ее поразительное самообладание и спокойный тон заставили Пакстона замолчать. Насколько я мог судить, в студии ничего не изменилось – и только трон Никрис зиял пустотой. В потолке мастерской имелся стеклянный фонарь, и Морис Клау принялся внимательно его разглядывать.

– Сверху желаю я посмотреть вниз, – загрохотал он. – Как доберусь я туда?

– В доме есть только одна стремянка, и она находится здесь, в студии, – сказал Пакстон. – Я принесу.

Так он и сделал. Серый предрассветный свет разливался по небу, и на этом безрадостном фоне Морис Клау, карабкавшийся на крышу, напоминал гигантского паука.

– Нашли что-нибудь? – нетерпеливо спросил Пакстон, когда исследователь спустился вниз.

– Нашел я то, что искал, и не дано никому найти большее, – был ответ. – Изида, дитя мое, помести подушку на сиденье из слоновой кости.

Девушка подошла к помосту и разместила подушку согласно указаниям отца.

– В том дело, что ограбивший вас, мистер Пакстон, столкнется с одной великой опасностью, сколь бы хитроумен ни был его план, – пояснил Морис Клау. – Ибо во всякой злодейской интриге имеется препятствие, и лишь Судьбе решить дано, выпятить его или сгладить – принести успех и богатство либо свистки полицейских и решетки Брикстона!* И на том препятствии разум преступника или преступницы сосредоточится в опасную минуту. Здесь же критический момент – способ вытащить Никрис из студии вашей. Стану я спать на троне, где она возлежала – танцовщица из слоновой кости. Чувствительная сия пластина, – Клау побарабанил пальцами по лбу, – воспроизведет негатив критического момента, каким возник он в разуме того, кого ищем мы. Изида, отправляйся домой в кэбе, что ждет, и возвращайся к шести часам.

* Брикстон – пригородная тюрьма, построенная в 1820 г. и долгое время считавшаяся одной из худших в Лондоне.

Клау поместил старомодный котелок на стол и положил рядом свой черный плащ. Затем его неуклюжая фигура в потрепанном твидовом костюме растянулась на большом троне из слоновой кости. Клау опустил голову на подушку.

– Плащом укрой меня, Изида.

Девушка так и сделала.

– Доброго утра, дитя мое! Доброго утра, мистер Сирльз! Доброго утра, мистер Корам и мистер Пакстон!

Он закрыл глаза.

– Простите, – начал было Пакстон.

Изида приложила палец к губам и знаками приказала нам молча удалиться.

– Шшш! – прошептала она. – Он спит!

III

Без пяти шесть Изида Клау позвонила в дверной звонок. Пока ее не было, мы с Корамом и Пакстоном обсуждали таинственное происшествие, грозившее нашему скульптору разорением и гибелью. Вновь и вновь он спрашивал нас:

– Не позвать ли людей из Скотланд-Ярда? Подумайте – ведь если Морис Клау ничего не найдет, драгоценное время будет упущено!

– Если Морис Клау потерпит поражение, победы не видать никому! – заверил его Корам.

Мы выпустили Изиду, одетую теперь в элегантно твидовое платье и модную шляпку. Вне всякого сомнения, Изида Клау была поразительно красива.

У дверей студии стоял ее отец, неотрывно глядя в утреннее небо – могло показаться, что он надеется разрешить загадку путем астрологических вычислений.

– В какое время приходит модель ваша? – спросил он, прежде чем Пакстон успел произнести хоть слово.

– В половине одиннадцатого. Но, мистер Клау... – пробормотал наш озадаченный друг.

– Куда ведет сия аллея позади мастерской? – продолжал грехотать Морис Клау.

– К заднему входу в соседний дом.

– И чей то дом?

– Доктора Глисона.

– Врач?

– Да. Но скажите же, мистер Клау – скажите, удалось вам что-либо обнаружить?

– Разум мой подсказывает, мистер Пакстон, что Никрис не украли – она ушла! Явственно ощущаю я, как идет она на цыпочках, на цыпочках, столь тихо и осторожно! Сию языческую танцовщицу, убегающую из мастерской вашей, две мысли заботят. Одна связана с очень большим человеком. Помышляет она, пробираясь на цыпочках, о чрезвычайно высоком человеке: не менее шести футов и трех дюймов ростом! Но не о вас мыслит она, мистер Пакстон. Предстоит нам увидеть, о ком. Сообщите мне имя знакомого вашего, констебля на углу.

Все мы в недоумении глядели на Мориса Клау. Пакстон сумел выдать:

– Его зовут Джеймс – констебль Джеймс.

– Разыщем мы сего Джеймса в казарме полицейского участка, – громыхнул Морис Клау. – Молчите, мистер Пакстон, и не повествуйте никому об утрате вашей. И надейтесь.

– Однако я не вижу никаких оснований надеяться!

– Нет? Но я? Вижу я ключ к разгадке, мистер Пакстон! Как замечательна наука ментальной фотографии!

Что он хотел этим сказать? Никто из нас ровным счетом ничего не понимал; на лице бедняги Пакстона ясно читалось недоверие к эксцентричным методам исследователя. Думаю, он собирался высказать свои сомнения вслух, но взгляд темных глаз Изида заставил его прикусить язык.

– Дитя мое, – сказал дочери Клау, – бери подушку и ступай. Негатив мой четок. Понимаешь?

– Безусловно, – хладнокровно отвечала она.

Пакстон осторожно заговорил:

– Завтрак –

Но Морис Клау взмахнул руками и завернулся в огромный плащ.

– Нет времени на столь презренные материи! – заявил он.
– Мы заняты!

Он вытащил из коричневого котелка пузырек и увлажнил свой высокий лысый лоб вербеной.

– Она истошающая, сия одическая фотография! – пояснил Клау.

Вскоре мы вместе с ним отправились в местный полицейский участок. По дороге я кое о чем вспомнил.

– Кстати, в чем заключалась вторая мысль, о которой вы говорили? – спросил я. – То, о чем думала Никрис, по вашим словам – хотя я никак не пойму, как можно говорить о «мыслях» статуи из слоновой кости!

– Ах, это объясню я позднее, – загрохотал мой спутник, – тот другой потаенный страх.

Мы подошли к участку.

– Спросить констебля Джеймса? – сказал я.

– О нет, – ответил Клау. – Надобен нам констебль, какового сменил Джеймс в двенадцать часов; его разыскиваю я.

Нам сообщили, что данный констебль, по фамилии Фриман, только что явился в участок. В ответ на вопросы Клау он поведал нижеследующую историю; какая-либо связь между нею и нашим делом от меня ускользала.

Около двенадцати ночи, то есть незадолго до того, как Фримана сменил на посту Джеймс, первый заметил на улице мужчину, на которого тяжело опиралась женщина. Они вошли в ворота дома доктора Глисона. Широкий меховой плащ полностью скрывал лицо и фигуру женщины, но спотыкающаяся походка, по мнению констебля, свидетельствовала о том, что она тяжело больна. Полицейский также рассудил, что больная, очевидно, жила где-то по соседству, поскольку пришла к доктору пешком.

Визит к врачу, как показалось констеблю, затянулся надолго, и он начал уже беспокоиться, но около часа спустя из теней у дома вновь появился мужчина, который по-прежнему поддерживал свою спутницу. Остановившись у ворот, он махнул рукой полицейскому.

Констебль Фриман тотчас бросился к дому.

– Найдите мне такси, офицер! – попросил незнакомец, озабоченно глядя на женщину.

Фриман поспешил на угол Бейра-роуд и вернулся в кэбе с ночной стоянки.

– Откройте дверцу, – повелительно сказал мужчина, отличающийся внушительным ростом – шесть футов и три дюйма, как утверждал Фриман.

– Ха-ха! – загремел Морис Клау. – Шесть футов и три дюйма! Какая чудесная наука!

Похоже, он торжествовал; но моя растерянность только усилилась.

С этими словами, осторожно укутав женщину в плащ, громадный незнакомец поднял спутницу на руки и усадил в кэб; констебль краем глаза заметил маленькую ножку в шелковом чулке. Видимо, женщина потеряла туфельку.

Нежно устроив спутницу на дальнем конце сиденья, мужчина наклонился, прошептал ей на ухо что-то ободряющее и велел шоферу спешить в «Савой».

– Вы помогли ему? – спросил Морис Клау.

– Нет. Мне показалось, что он не нуждался в моей помощи.

– Номер кэбмена?

Фриман сверился с записной книжкой и сообщил требуемый номер.

– Благодарю вас, констебль Фриман, – сказал Морис Клау.

– Вы поистине бдительный констебль. Доброго утра, констебль Фриман!

Его глаза за стеклами пенсне довольно блеснули. Но тьма перед моим взором лишь сгустилась: полицейский рассказал нам о событиях, происходивших до полуночи, в то время как Корам, я и Пакстон видели статую на ее обычном месте гораздо позднее! Мои мысли путались.

– Сей кэб был из большого гараже в Брикстоне, – сказал Морис Клау. – Телефонировать мы в брикстонский гараж и узнаем, где найти шофера. Быть может, если Провидение нам не изменит – а Провидение пребывает с праведными – он не ушел еще домой.

Мы позвонили в гараж из телефонной конторы; нам сообщили, что шофер ожидается на работе только к десяти часам.

С некоторым трудом нам удалось раздобыть домашний адрес шофера. Мы отправились по указанному адресу и разбудили кэбмена.

– Рослый джентльмен и большая леди, – сказал Морис Клау. – Наняли вас у дома доктора Глисона, близ Бейра-роуд, вчера около полуночи. Вы отвезли их в отель «Савой».

– Нет, сэ. Значится, как мы тронулись, он назвал другой адрес. Я еще подумал, с чего так. Дом 6-а, Ректори-гроув, Олд Таун, Клэпхем*.

– Дама пришла в себя – нет? Да?

– Чутьочку, сэ. Слышал, он с ней говорил. А в дом ее отнес на руках.

– Понятно, – сказал Морис Клау. – Немалая гениальность зря пропала. Однако же, сколь чудесна наука разума!

IV

Морис Клау громко постучал в дверь клэпхемского домика; то было небольшое строение, стоявшее особняком, вдали от дороги. Мы слышали, как кто-то кашлял внутри.

Внезапно дверь распахнулась. Перед нами появился высокий человек ростом не менее шести футов и трех дюймов. Его бритое лицо с изящно вылепленными чертами украшало пенсне.

И тогда Морис Клау произнес фразу, оказавшую на незнакомца удивительное воздействие.

– Никак, Нина подцепила насморк? – громыхнул он.

Взгляд человека, стоявшего в дверях, исказила внезапная ярость; он отступил на шаг и сжал громадные кулаки.

– Достаточно, Жан Колетт! – сказал Морис Клау. – Вы не знаете меня, но я знаю вас. Никаких фокусов, иначе явится

* Клэпхем – район в южном Лондоне, в начале XX в. символ места, где проживали обычные, средние горожане.

полиция, а не настырный старый дуралей. Входите, Жан. Мы следуем за вами.

Рослый незнакомец помедлил еще мгновение; я видел на его красивом лице отражение борьбы чувств. Но вот он осознал, что капитуляция неизбежна, пожал плечами и взглянул на моего спутника.

– Входите, господа, – произнес он с отчетливым французским выговором.

Более он не произнес ни слова и провел нас в большую голую комнату в задней части дома. Было бы правильно назвать его жилище лабораторией – но правильно лишь отчасти, ибо одновременно оно служило и студией художника, и мастерской ремесленника. Поспешно озираясь по сторонам, Морис Клау спросил:

– Где она?

Выражение лица Колетта, переводившего взгляд с одного из нас на другого, трудно описать. Затем его губы чуть тронула хитрая и в то же время искренняя и привлекательная улыбка.

– Вы весьма умны, а я умею проигрывать, – заметил он. – Явись вы четырем часами позже, опоздали бы на час.

Он пересек комнату, приблизился к высокой ширме и, ухватив ширму за край, опрокинул ее на пол.

Там, на постаменте, возлежала в низком кресле статуя Никрис!

– Успели вы снять пояс и ножной браслет, – громыхнул Клау.

Он был прав. Теперь стало очевидно, что наше появление застало похитителя за работой. Открыв кожаный саквояж, стоявший на полу возле постамента, Колеетт извлек недостающие украшения.

– Какие будут приняты меры, господа? – тихо спросил он.

– Никаких мер, Жан, – ответил Морис Клау. – Невозможно, видите ли. Но что задерживало вас так долго?

Ответ был неожиданным.

– Работа требует немало времени, и действовать приходится с осторожностью, чтобы не испортить статую; иначе я снял

бы с нее все драгоценности в мастерской мистера Пакстона. Вдобавок, состояние Нины всю ночь не давало мне покоя.

Он посмотрел Клау прямо в глаза. В соседней комнате то и дело раздавался кашель.

– Кто вы, месье? – резко спросил он.

– Всего лишь старый глупец, Жан, знававший Нину в те дни, когда позировала она у Жюльена, – был ответ. – И вас также знал я в Париже.

Пакстон, Корам, я и Морис Клау сидели в мастерской и задумчиво глядели на возвращенную статую.

– Было столь очевидно, – объяснил Морис Клау, – что об извлечении скульптуры во время отсутствия вашего не могло быть и речи, ибо отсутствовали вы не более тридцати секунд.

– И все же кто-то –

– Не в то время, – загромыхал Морис Клау. – Извлекли Никрис, куда веселились все вы в доме!

– Простите, дорогой мистер Клау! И Сирльз, и Корам, и я сам видели статую в мастерской приблизительно в час ночи!

– Неверно, друг мой. Видели вы модель –

– Как? Нину?

– Мадам Колетт, известную в Париже вам под именем Нины – о да! Внимайте же – когда я засыпаю здесь и вижу сон, в коем страшусь того, что случиться может с очень высоким человеком, снится мне также, что я страшусь прикосновения! Я гляжу на себя и вижу, что я прекрасна! Телом бела я, как слоновая кость, и усыпана золотом! Осторожно выбираюсь я из мастерской (во сне – вы именуете то сном) и понимаю я, проснувшись, что воплотился в Никрис! Ах, удивляетесь вы! Слушайте же!

Около полуночи, когда веселитесь вы, приходит некий Жан Колетт, умный мошенник из мировой столицы извращенной гениальности – Парижа. К доктору Глисону отправляется он, поддерживая мадам – модель вашу. Видит то констебль Фриман. Как скоро скрывают их деревья, перелезают они чрез ограду на аллею и чрез стену в сад ваш. У Нины слепок имеется ключа от мастерской. Сколь легко заполучить ей тот слепок!

Жан, чьи руки умелы, обещавший некогда стать великим художником, отделяет статую от трона и обращает ее в мадам – с помощью верхней одежды мадам! Под плащом своим, мадам изображает Никрис – украшена она копьями драгоценностей и всем прочим. Умен он, сей Жан! Силен он также – современный Милон Кротонский!* Выносит он огромную слоновую кость из студии, перекидывает через стену – помогала ли ему в том мадам? – и несет статую к дому доктора Глисона. Он тащит статую к воротам, закутанную в меха Нины! Он зовет полисмена! О, какой гений! Он называет неверный адрес. Он спокоен, как лед!

Теперь они бегут? О нет! Понимает он, что вы, узнав о пропавшей Никрис, к дежурному полисмену обратитесь и нить получите в руки. Говорит он: «Сделаю я вид, будто кража случилась попозже. Преимущество мне в часы! На страже стоять будет иной полисмен; ничего рассказать он не сможет». Жан оставляет Нину, и та принимает вид Никрис!

Ах! Не занимать ей храбрости, но и страхов немало у нее. Более всего страшится она, что прикоснетесь вы к ней! Но не прикасаетесь вы. А Жан, отвезя статую в Клэпхем, за Ниной возвращается. Проникает он на дорожку у дома доктора чрез

* Милон Кротонский – прославленный греческий борец-силач VI в. до н.э., шестикратный победитель Олимпийских игр.

задние ворота, где не заметит его дежурный полисмен. Туфли на нем на каучуковой подошве. Влезает он на крышу студии. Ложится он плашмя на карниз у двери. Голос его фальцет. Он призывает: «Никрис!»

И вот выходите вы. Смотрите вы над стеной. Ах! теперь и мадам исчезла вон! Простирает она белоснежные свои руки – столь подобные истинной слоновой кости! – простирает он вниз железные руки свои. Поднимает ее рядом! Побери дьявол, он силен!

Отчего на крышу, не над стеной? Тропинка в гравии, ноги ее босы. На крыше, в саже, отпечатки есть босых ножек, и отпечатки мужских туфель на каучуковой подошве, и далее, по середине, таких же отпечатки женских – что принес он для Нины. Он предусмотрел. Спасаются они чрез задние ворота у дома соседа вашего.

Сомнений нет, принес он ей меха – сомнений нет. Но подхватывает простуду она, немудрено! Ах! спокоен он, отважен, великий он человек –

В мастерскую вошла служанка.

– К вам пришел какой-то человек, сэр.

– Попросите его пройти в мастерскую.

Через несколько минут в студию вошел Жан Колетт, держа на отлете шляпу!

– Эти два клинышка, месье, – поклонился он Пакстону, – помогут закрепить пояс. Я позабыл их вернуть. Адью!

В комнате воцарилось драматическое молчание. Он положил крепления на стол и вышел.

Морис Клау извлек из-под подкладки своего коричневого котелка цилиндрический пузырек.

– Истинный парижский шик! – громыхнул он. – Не говорил ли я, что он великий человек?

PYRAMID R-1318 50¢

THE DREAM DETECTIVE

Tales of perilous adventure
—introducing Moris Klaw!

Sax Rohmer

Эпизод пятый

ГОЛУБОЙ РАДЖА

I

Однажды вечером ко мне заглянул инспектор Гримсби, выглядевший крайне обеспокоенным.

– Послушайте, – начал он, – я загнан в угол. Вы знаете, наверное, что торговые магнаты объединились в комитет с намерением купить и преподнести короне от лица города Лондона громадный индийский бриллиант?

Я кивнул и пододвинул ближе к нему коробку с сигаретами.

– Завтра утром, – продолжал он, задумчиво выбирая сигарету, – представители комитета и владельца камня встречаются на Моргейт-стрит, чтобы завершить сделку и формально вручить бриллиант городским властям. Ожидается присутствие сэра Майкла Кейли, лорда-мэра. На днях он получил письмо, которое было передано мне.

Инспектор порылся в кармане. Гримсби, я убежден, далеко пойдет. Самый молодой инспектор в уголовной полиции, он обладает бесценным даром – умением использовать других для достижения собственных целей.

Не подумайте, что я критикую инспектора: Гримсби не совершает ничего предосудительного и никогда не пытается приписать себе плоды чужих трудов. В нем нет ни капли коварства, но дипломат Гримсби исключительный. Часто инспектор с обезоруживающей прямоотой делится со мною официальными секретами – однако всегда имеет на то свои причины.

– Вот оно, – сказал инспектор Гримсби и протянул мне конверт.

Письмо гласило:

Достопочтенному лорду-мэру Лондона.

Милорд,

Остерегайтесь – «Голубой раджа» может быть украден в среду, 13 числа текущего месяца. Не выпускайте камень из виду ни на мгновение.

*Преданный слуга Вашей светлости,
Морис Клау.*

– Дело в том, что тринадцатое наступает завтра, – продолжал Гримсби, – и камень привезут на Моргейт-стрит. Естественно, сэр Майкл связался с Ярдом, и мне поручили заняться этим делом, поскольку я знаком с Морисом Клау. Нынче утром я побывал в Мэншион-хаус*.

– Сэр Майкл, я полагаю, отнесся к письму с подозрением?

– Скажем так: он не настолько глуп, чтобы считать, что вор, задумавший украсть бриллиант, заранее его оповестит; но он никогда раньше не слышал о Морисе Клау. Я объяснил ему, кто это такой – и когда я сказал, что у Клау есть теория Циклов преступления и, вероятно, в согласии с этой теорией в среду, тринадцатого числа, «Голубого раджу» похитят, он расхохотался. Вы ведь заметили, что в первое время над Морисом Клау вечно посмеиваются?

– Конечно. Да вы и сами этим грешили!

– Знаю, знаю – и теперь расплачиваюсь. Клау ради меня и мизинцем не пошевелит; а его дочь только хихикает, точно перед нею комедиант! Она находит меня очень смешным!

– Вы, никак, посетили Уоппинг?

– Да, сегодня днем. Лорда-мэра пришлось долго убеждать, что Морис Клау в своем уме – особенно после того, как я сказал ему, что престарелый джентльмен торгует антиквариатом в Ист-Энде. В конце концов лорд-мэр велел мне разузнать,

* Мэншион-хаус – дворец XVIII в. в Лондоне, где находится резиденция и представительство лорда-мэра города.

чем было вызвано предостережение Клау. Но с Клау я увидеться не смог; дочь сказала, что его нет дома.

– Надеюсь, все необходимые меры приняты?

– Завтра утром я вместе с двумя другими полицейскими из департамента уголовного розыска должен сопровождать делегацию в хранилище, где алмаз будет извлечен из стальной камеры; мы собираемся также охранять камень на обратном пути.

– Кто доставит камень?

– Сэр Джон Каррон из департамента по делам Индии, мистер Марк Андерсон – эксперт, выступающий от имени города – и мистер Гаутами Хинджи, который представляет гаэква* Низама. Я вот что хотел спросить, – Гримсби поглядел на тлеющий кончик сигареты, – не могли бы вы навестить Мориса Клау в Уоппинге и узнать поточнее, каких и от кого нам ждать неприятностей?

– Простите, Гримсби, – ответил я, – сделал бы это с удовольствием, но вечер у меня уже занят. Лично мне кажется, что Морис Клау вовремя вас предупредил. Камень, похоже, находится под надежной охраной.

– Следим за ним, как кот за мышью! – отозвался Гримсби. – Только сказочно ловкий грабитель сумеет похитить «Голубого раджу».

II

Бейсингейл-хаус на Моргейт-стрит выстроен квадратом вокруг внутреннего двора. Пройдя под аркой, вы увидите конторы перед собой, конторы справа и конторы слева. Собственно говоря, Бейсингейл-хаус строился как гостиница, но позднее был поделен на конторские помещения, сдававшиеся в аренду. Контора фирмы «Андерсон & братья» рас-

* Точнее гаэквад, титул владыки бывшего туземного княжества Барода в Индии, просуществовавшего с середины XVIII в. до 1947 г.

положена в левой части здания, и из окна кабинета главы компании виден внутренний двор.

Для встречи, назначенной на утро среды, была выбрана смежная с кабинетом комната. Как и в кабинете главы компании, здесь имеется дверь, выходящая в коридор. Дверью никогда не пользуются и она всегда заперта на двойной замок. Таким образом, войти в комнату можно только из кабинета. В комнате есть также большое окно с видом на двор.

В среду утром, без четверти одиннадцать, мистер Андерсон (один из членов муниципального совета) пересек коридор и вошел в свой кабинет. Его сопровождали сэр Джон Каррон, мистер Гаутами Хинджи и инспектор Гримсби, которые явились прямо из хранилища. Футляр с алмазом находился у мистера Андерсона.

В кабинете их уже ожидали сэр Майкл Келли (лорд-мэр); мистер Моррисон Делл из фирмы «Голдсмитс & Силверсмитс»*; сэр Вернон Ранкин (бывший лорд-мэр); мистер Вернер из одной крупной инженерной компании; и мистер Андерсон-младший. Таков был состав комитета, избранного городом Лондоном (кроме вышеозначенных лиц, присутствовали также сэр Джон Каррон из департамента по делам Индии, мистер Хинджи, представлявший владельца драгоценного камня, и мистер Гримсби из Нового Скотланд-Ярда).

– Мы все в сборе, джентльмены, – сказал мистер Андерсон. – Но прежде, чем приступить к делу, попрошу вас пройти во внутреннюю комнату, где нам никто не помешает.

Участники встречи прошли в соседнюю комнату; последним вошел мистер Андерсон-старший и запер за собой дверь. В кабинете остался один мистер Гримсби.

Вся обстановка комнаты состояла из восьми дубовых стульев, небольшого дубового столика с оловянной чернильницей, двумя вечными перьями и бюваром, квадратного красного ковра и фотографии в рамке с надписью «Алмазные копи Яхерсфонтейн, Оранжевое Свободное Государство, 1909»** на стене.

* Известная лондонская ювелирная фирма, основанная в 1880 г.

** Городок Яхерсфонтейн в Южной Африке с середины XIX в. стал центром алмазной лихорадки; здесь были найдены некоторые из крупнейших

Присутствующие расположились за столом. Мистер Андерсон, сидевший во главе стола, поднялся и сказал:

– Джентльмены, напомню вам вкратце суть вопроса. Здесь у меня, – он вынул из кармана кожаный футляр, раскрыл его и положил на стол, – алмаз, известный как «Голубой раджа». История его такова: первые сведения о камне относятся к 1680 году; предположительно, алмаз был найден в копях Коллур*. Вес камня в необработанном виде оценивался в 254 карат, после огранки снизился до 132. Бриллиантом последовательно владели Надир-шах, принцесса де Ламбаль, султан Абдул-Хамид, мистер Симон Рабстайн из Нью-Йорка и, наконец, гаэквар Низама. Камень безупречен – гранильщик сохранил даже две исходные грани. Бриллиант чистейшей воды, с редким голубым оттенком, огранен розой.

Он замолчал, достал из футляра алмаз и поднял его к свету. Солнечные лучи, лившиеся в окно, разбились огненными стрелами в прозрачных глубинах чудесного камня.

– Мы считаем, джентльмены, – завершил свою речь Андерсон, – что «Голубой раджа» станет достойным подарком короне от города Лондона.

– Правильно! правильно! – хором вскричали все; алмаз переходил из рук в руки. Затем наступила очередь официальных бумаг: кошелек мистера Гаутами Хинджи пополнился чеком на огромную сумму, под двумя внушительными документами были поставлены подписи, и «Голубой раджа» перешел в собственность города Лондона.

– Смотрите, – произнес сэр Джон Каррон менторским тоном, осторожно держа алмаз между большим и указательным пальцами, – какие совершенные пропорции. Высота составляет точно три пятых от диаметра.

алмазов, известных в описываемое время, в том числе 972-каратный «Эксцельсиор». Оранжевое Свободное Государство – независимое государство в Южной Африке, позднее британская колония, ныне часть ЮАР.

* Знаменитые алмазные копи XVI-XIX вв. в Индии, где были найдены многие известные камни, среди них прославленный «Орлов», «Регент» и (по преданию) легендарный «Кохинур».

– Действительно, – согласился мистер Морис Делл, заглядывая через его плечо.

– Это самый пропорциональный камень из всех, что я когда либо видел, сэр Джон, – сказал молодой Андерсон и окинул бриллиант ласкающим взглядом знатока.

Сэр Джон бережно вернул алмаз в футляр – и в этот миг во дворе послышался душераздирающий вопль.

– О Боже! – воскликнул мистер Вернер. – Что это?

Все бросились окну; те, кто оказался во втором ряду, вытягивали головы и становились на цыпочки, стараясь разглядеть, что творится во дворе. Ужасающие крики вздымались захлебывающимся, но оттого не менее пронзительным крещендо.

– Ах! Пресвятые небеса! Убивают! Нет! Нет! Сжальтесь надо мной! ... Не надо! ... Не надо! ...

– Кричат под аркой, – взволнованно сказал сэр Вернон Ранкин. – Кто-нибудь его видит?

Все принялись выгибать шеи, но никому не удалось разглядеть кричавшего.

– К сожалению, окно не открыть, – с досадой сказал мистер Андерсон, – задвижку заклинило. Я распоряжусь немедленно ее заменить.

Крики смолкли. По двору метались люди, в толпе под аркой мелькнул синий мундир городского констебля.

– Я сбегая вниз и посмотрю, что случилось, – сказал мистер Хинджи, подходя к двери, ведущей в коридор. – Эй! Она заперта!

Мистер Андерсон-младший с улыбкой обернулся к нему.

– Обе двери заперты, мистер Хинджи, – сказал он. – Мы с вами здесь пленники – в буквальном смысле слова.

– Дай мне ключи, – обратился к нему отец и стал выбирать в связке ключ от кабинета. – Мы не можем больше ждать.

Лорд-мэр отвернулся от окна и подошел к столу.

– Мистер Андерсон!

– Да? – отозвался последний, звякая ключами.

– Алмаз у вас?

– Разумеется, нет!

– У кого же он?

Алмаз исчез. Футляр оказался пуст!

Мистер Андерсон спрятал ключи в карман. Его красноватое лицо внезапно побледнело. Сэр Майкл Келли, держа в руке футляр, ошеломленно оглядывался вокруг.

– Джентльмены, – сдавленно сказал он, – алмаз физически не мог пропасть из комнаты. Поэтому камень следует искать – и найти – в пределах этой комнаты. Может быть, алмаз случайно скатился на пол?

Быстрый осмотр убедил всех в обратном.

– В таком случае, – продолжал сэр Майкл, – напрашивается малоприятный, но неизбежный вывод: алмаз спрятал кто-то из нас!

Раздался гневный ропот. Мистер Андерсон поднял руку.

– Джентльмены, – сказал он, – сэр Майкл лишь констатировал факты.

Побледнев еще сильнее, он снял визитку и жилет, бросил их на стол и вывернул карманы брюк.

– Прошу осмотреть мою одежду, джентльмены, – сказал он.

На мгновение все растерялись; затем лорд-мэр подошел к столу и деловито изучил содержимое карманов мистера Андерсона.

– Благодарю вас, – сказал он. – Если все остальные согласны, у меня возражений нет.

Послышался одобрительный шепот. Мистер Андерсон, владелец конторы, взял со стола свою одежду, и сэр Майкл вслед за ним подвергся обыску. Примеру лорда-мэра без дальнейших проволок последовали все остальные. Но осмотр карманов не дал ровным счетом ничего.

Над маленьким дубовым столом нависло восемь встревоженных лиц.

– Я предлагаю, – тихо произнес мистер Андерсон, – впустить детектива, который ждет в моем кабинете. Возможно, опыт полицейской работы поможет ему лучше нас разобраться в случившемся.

Все согласились. Дверь открыли и мистер Андерсон, не выходя из комнаты, позвал инспектора Гримсби. Тот вошел в комнату и дверь снова заперли.

– Инспектор, – сказал мистер Андерсон, – алмаз пропал!

Гримсби широко раскрыл глаза от удивления.

– Вы уверены, сэр?

– К сожалению, сомневаться в этом не приходится.

– Когда вы в последний раз видели камень?

– В ту секунду, когда внизу начался весь этот шум, – сказал мистер Делл.

– Ах, – задумчиво пробормотал Гримсби. – Как я понимаю, все вы бросились к окну?

– Совершенно верно.

– Оставив алмаз на столе?

– Да!

– Тогда-то он и был украден!

– Вполне возможно, инспектор, – сказал лорд-мэр, плотно сложенный человек с властными манерами. – Но кто взял камень и где его спрятал?

– Джентльмены, вы все должны подвергнуться обыску!

– Мы уже обыскали друг друга.

– Для меня такая задача привычной. Никто не станет возражать, если я вас обыщу?

Все согласились. Повторилась прежняя сцена. Гримсби не только обыскал карманы и складки одежды присутствующих, но и прощупал всех руками, а также заставил каждого открыть рот и при этом постукивал по зубам обыскиваемого химическим карандашом!

– Я занимался охраной и сыском в Южной Африке, – заметил инспектор. – Поразительно, где только умный человек не исхитрится спрятать камень!

Но бриллиант словно сквозь землю провалился!

Я попытаюсь наглядней разъяснить читателям моих записок поистине невероятные обстоятельства его исчезновения, еще раз описав устройство комнаты и находившуюся в ней мебель.

То была небольшая комната, приблизительно четырнадцать на восемнадцать футов.

В ней стояли восемь дубовых стульев и дубовый стол; на полу красный ковер; стены крашенные и голые, за исключением упомянутой ранее фотографии. Единственное окно было закрыто на защелку. Дверь в коридор заперта на двойной замок. Дверь, ведущая в кабинет, также все время оставалась заперта – ее открывали только для того, чтобы впустить Гримсби.

Камина в комнате не было, свежий воздух поступал через маленькое, квадратной формы вентиляционное отверстие над дверью в коридор.

Убедившись, что ни один из участников собрания не прятал алмаз, инспектор Гримсби приступил к осмотру комнаты, который занял лишь две-три минуты. Алмаза нигде не было.

– Джентльмены, – провозгласил он, – «Голубого раджи» нет в этой комнате!

Лорд-мэр ахнул. Он был директором компании, застраховавшей алмаз.

– Послушайте-ка, инспектор, – сказал он, – с тех пор, как мы вошли, из комнаты ничего – повторяю, ничего – не могло исчезнуть!

– Я склонен согласиться с вами, сэр, – ответил Гримсби. – И все же я готов поклясться, что алмаза нет в этих четырех стенах! Я подверг вас обыску, джентльмены, в качестве чистой формальности – но, уверяю вас, обыск был проведен со всей дотошностью. Мне доводилось обыскивать сотни кафров и свое дело я знаю. Стены и пол комнаты гладкие, как чертежная доска. Любой ребенок за двадцать секунд нашел бы здесь мельчайшую бусинку. Я целиком и полностью убежден, что алмаз исчез!

– Раз так, мы теряем драгоценное время! – воскликнул сэр Майкл. – Немедленно начинайте поиски! Инспектор!

Гримсби упрямо выпятил челюсть.

– Если вы подскажете мне, с чего начинать, сэр, – сказал он, – я не стану медлить ни секунды!

– Черт возьми, это ваша работа, милейший!

– Я знаю это, сэр. Но я простой полицейский инспектор, я всего лишь человек, в конце концов. Мы ничего не добьемся,

если начнем злиться друг на друга, не так ли? Эта комната, со всех точек зрения, подобна закрытой коробке, откуда что-то вытащили, не поднимая крышку. Такой трюк достоин искусного фокусника, и мне он видится таким же загадочным, как и вам.

Сэр Майкл смягчился. Он понял, что инспектора Гримсби не так-то легко запугать.

– Справедливо сказано, инспектор, – заметил он, – трудности вполне очевидны. Но потеря камня ужасна. Она бросает тень на всех нас. Если сведения об этом похищении просочатся наружу – если алмаз не будет найден – определенное пятно ляжет на нас и – посмотрим правде в глаза – доброе имя каждого, кто находился в этой комнате, окажется под вопросом. Беспорочная репутация никак не поможет нам избежать позорного клейма. Ради Бога, инспектор, напрягите свой ум!

И впрямь, со всех сторон инспектора Гримсби окружили озабоченные лица. Как вдруг –

– О! – вскричал лорд-мэр. – Тот человек, Клау! Видимо, ему что-то известно. Мистер Гримсби –

Гримсби поднял руку и кивнул.

– С вашего позволения, джентльмены, – сказал он, – я постараюсь как можно скорее разыскать Мориса Клау.

– Хорошо, – сказал мистер Андерсон, – а тем временем, в ожидании известий о результатах ваших трудов, я предложил бы – в общих интересах – устроить второй завтрак в моем кабинете. Для многих из вас это не слишком удобно, но лично я предпочитаю оставаться здесь, пока не выяснится судьба алмаза.

Предложение было единогласно поддержано. Ни один из этих влиятельных деловых людей не желал быть обвиненным в том, что тайно вынес из конторы «Голубого раджу»! Ибо, как справедливо заметил сэр Майкл, когда в дело замешан бриллиант, стоящий не меньше императорской короны, репутации начинают таять, словно лед под тропическим солнцем.

III

Так я стал участником расследования – Гримсби тотчас мне позвонил, умоляя меня извлечь Мориса Клау из уопшингского убежища, где тот сидел, точно Диоген в своей деревянной пещере, и привезти его на Моргейт-стрит. К счастью, я был дома и обрадовался возможности снова увидеть Клау за работой; поэтому я отправил к нему посылного, не сомневаясь, что последний застанет Клау в лавке.

Я был совершенно убежден, что Морис Клау находится дома – ведь он ожидал, очевидно, что утром будет совершена попытка похищения бриллианта. Так и оказалось: он позвонил мне менее получаса спустя и договорился о встрече в конторе мистера Андерсона.

– Я предупреждал его, этого лорда-мэра, – донесся из трубки его громыхающий голос с неуловимым континентальным акцентом, – что он должен ни на мгновение не выпускать камень из виду! Он меня проигнорировал. Что ж! Свяжитесь с ним немедленно, и пусть ждет меня горячий черный кофе. Заменяет кофе зеленый чай, когда усилить требуется внутреннее восприятие.

Я поспешил исполнить указания Клау, выбежал из дома и остановил кэб. Добровольно взяв на себя обязанности биографа Мориса Клау, я должен был торопиться.

Мы прибыли в Бейсингейл-хаус одновременно – наши кэбы подъехали один за другим. У ворот нас ждал инспектор Гримсби, но в остальном ничего не говорило о том, что менее часа назад здесь было совершено дерзкое хищение. Когда я выходил из машины, инспектор Гримсби бросился вперед и открыл дверь второго экипажа. Робко и почтительно, словно королеве, инспектор предложил руку прелестной девушке, сидевшей внутри.

И в самом деле, ни одна королева древности не выглядела так царственно, как Изида Клау – и никакая Хатшепсут* не сравнилась бы с ней в величии. На ней было темное, плотно

* Хатшепсут – женщина-фараон XVIII династии Древнего Египта, одна из самых известных египетских правительниц.

облегающее платье и меха горноста. Обрамленное снежно-белыми мехами лицо с большими черными глазами и совершенной формы алыми губами было достойно кисти художника – но, как и восточное изящество Изиды, повергло в ничтожество перо летописца.

Дочь Мориса Клау, чью ослепительную красоту подчеркивали все женские хитрости Парижа, казалась экзотической птицей, неведомо как сложившей крылья у Старой лестницы в Уоппинге. Ее отец составлял едва ли не больший контраст с нею, чем это жалкое пристанище.

Он появился вслед за соблазнительным видением Изиды, закутанный в свой плащ с пелериной: желтое лицо, голова увенчана котелком раннего викторианского образца – видимо, и вышедшим из шляпной мастерской начала викторианской эпохи. Сквозь пенсне в золотой оправе он взгляделся в таксометр* и хрипло проворчал:

– Два шиллинга десять пенсов. Таксометр сей нуждается в проверке, друг мой. Видел я, как он выщелкивает по два пенни, и заметил, что делает он это всякий раз, когда кэб попадает в яму на мостовой. Итак, я должен заплатить за все выбоины между Уоппингом и Моргейт-стрит. Держите – три шиллинга. Шиллинг четыре пенса компании и еще шиллинг и восемь пенсов для вас.

Он повернулся к нам и приподнял котелок.

– Доброе утро, мистер Сирльз! Доброе утро, мистер Гримсби. Я выставлю городским властям Лондона счет в один шиллинг и шесть пенсов за выбоины. Пройдем же во двор, что вижу я вон там, а по пути изложите вы мне все факты прежде, чем обращусь я к другим, чье мнение, безусловно, будет предвзятым в связи с постигшим их несчастьем.

Мы прошли во двор, и многие клерки следили из окон за пушистой фигуркой Изиды Клау. Во дворе, окруженном конторскими помещениями, стояла тишина.

* Оснащение таксометром стало обязательным для лондонских моторизованных кэбов с 1907 г.; собственно, от таксометров и пошло название «такси».

– Утро холодное, – сказал Морис Клау, – однако же мы остановимся здесь и поговорим.

Гримсби изложил обстоятельства дела, чаще обращаясь к девушке, чем к ее отцу.

– Да, да, да, – заворчал последний, – а эти вопли – крики об убийстве – чем были вызваны?

– В том-то и загадка! – объяснил детектив. – Жаль, что я сразу не побежал вниз. Может, удалось бы что-нибудь разузнать. Я почти ничего не сумел выяснить. Швейцары и клерки сбежались на крики, но ничего не заметили – и никого не нашли!

– Кричавший пропал, а?

– Исчез! Подозреваю, что это была какая-то уловка, хотя не слишком понятно, кому она могла понадобиться.

– Не слишком понятно, вы говорите? – загромыхал Морис Клау. – У вас затуманен интеллект, друг мой!

Гримсби покраснел.

– Конечно, я понимаю, – поспешно добавил он, – что крики должны были отвлечь внимание собравшихся от алмаза. Но обе двери и окно были закрыты, и никакие крики не помогли бы похитителю вынести бриллиант из комнаты, разве не так?

Морис Клау задумчиво пощипал свою редкую бородку.

– Посмотрим, – пророкотал он. – Поднимемся вверх.

Мы вошли в лифт и поднялись в контору господ «Андерсон & братья».

Представители городского комитета с нетерпением ждали таинственного Мориса Клау и с известной долей подозрения готовились к разговору с человеком, который, по всей видимости, заранее знал о планах похищения бриллианта. Но они никак не ожидали увидеть хорошенькую женщину; забавно было наблюдать за выражением их лиц, когда в кабинет мистера Андерсона вошла Изида Клау.

Морис Клау безошибочно распознал среди присутствующих лорда-мэра и владельца кабинета. Он снял котелок.

– Доброе утро, мистер Андерсон! Доброе утро, сэр Майкл! Доброе утро, джентльмены!

– Это мистер Морис Клау, – объяснил Гримсби, – и мисс Клау. Мистер Сирльз.

Мистер Андерсон быстро пододвинул нам стулья. Мы сели. Помедлив, сэр Майкл Кейли прочистил горло.

– Мы в долгу перед вами – кхм – мистер Клау, – начал он, – за то, что вы уделите нам время. Однако, вспоминая ваше письмо –

Морис Клау поднял руку.

– Все весьма просто, – сказал он.

Члены комитета (точнее, те из них, кто не был занят разглядыванием Изиды Клау) смотрели на него с удивленным и озадаченным видом.

– Располагаю я собранием хроник, связанных с историческими драгоценностями. Дабы доказать, что изучил я вопрос, скажу следующее – алмаз, именуемый «Голубой раджа», был найден тринадцатого апреля 1680 года в копиях Коллур и украден тем же вечером!

– На чем основывается ваша дата, – с любопытством спросил Андерсон, – и утверждение о том, что алмаз был украден в тот же день?

– Факты суть моя основа, мистер Андерсон, – послышался громогласный ответ, – но скажу вам и больше. Алмаз соотнесен с рождением месяца апреля, и сам «Голубой раджа» родился тринадцатого числа этого месяца. Дабы показать, как связана история его с апрелем, довольно рассказать вам о прекрасной и несчастной Мари де Ламбаль*. Величественный этот бриллиант был подарен ей девятого апреля 1790 года и отобран двенадцатого апреля 1792 года по возвращении де Ламбаль из Англии, всего за шесть месяцев до того, как ее красивую голову насадили на пику и поднесли к окну королевы!

Клау сделал внушительную паузу, поводя в воздухе длинными руками.

* Здесь говорится о Марии-Луизе Савойской, принцессе де Ламбаль (1749-1792), подруге королевы Марии-Антуанетты, погибшей во время Французской революции: революционная чернь расправилась с ней в Париже в период так наз. «сентябрьских убийств» заключенных.

– Мог бы я изложить вам, – вновь заговорил он, – немало подобных случаев из истории «Голубого раджи» – и произошли все они в неделю до либо после рождения камня. Какое число нынче?

– Тринадцатое апреля! – встрепнулся сэр Майкл Кейли.

– Тринадцатое апреля, – повторил Морис Клау. – Много лет пребывал алмаз под надежной охраной, и новые бедствия миновали нас, но теперь, узнав, что доставят его сегодня сюда, узнав, сколько рук прикасаться будут к камню, сколько глаз увидят его, я осознал опасность! История его повторяется. Инциденты эти, – и Клау вновь взмахнул руками, – свершаются циклами. Я предупреждал вас. Вероятно, хищения не избежать было. Да, Цикл преступления неотвратим и непреложен, как цикл веков. Человек не в силах его прервать.

Все были глубоко впечатлены этой речью. Трудно было не увидеть в говорившем человека с могучим разумом, с проницательным и неповторимым интеллектом.

– Если бы мне повезло встретить вас раньше, мистер Клау, – сказал лорд-мэр, – я придал бы большее и – кхм – иное значение вашему письму. Теории ваши странны, но сегодня они получили столь же странное и бесспорное подтверждение. Могу лишь надеяться, будучи совершенно убежден в ваших замечательных способностях, – Морис Клау привстал и поклонился, – что вы сумеете разыскать бриллиант, утрату которого вы предсказали с такой точностью.

– Я попрошу вас, – отозвался Морис Клау, – прислать мне черный кофе. Мы с дочерью, мистер Сирльз и мистер Гримсби осмотрим комнату, откуда похищен был алмаз.

– Вы желаете, чтобы мы оставались здесь? – спросил мистер Андерсон, поглядев на остальных.

– Я пожелал бы так.

– Надеюсь, мистер Клау, – сказал сэр Майкл Кейли, – что вы представите мне отчет о ваших расходах, равно как и гонораре.

– Не премину, – ответил Морис Клау.

IV

Мы вошли в комнатку, где был похищен «Голубой раджа». Гримсби, очевидно, терялся в догадках и был откровенно рад участию Клау в расследовании. Благодаря письму Мориса Клау к лорду-мэру инспектор из Скотланд-Ярда смог заручиться помощью этого блистательного ума, не ставя под удар свою профессиональную репутацию. В случае находки бриллианта инспектора ждали похвалы – короче говоря, Гримсби мог поздравить себя с удачным дипломатическим маневром.

– Никак не могу понять, – сказал он, – каким образом похититель вынес бриллиант из комнаты. Окно было закрыто, эта дверь также. Вторая дверь, как всегда, была заперта на двойной замок: комната напоминает закрытую коробку.

Морис Клау извлек из-под подкладки котелка пузырьки и увлажнил лицо вербеной.

– Коробка, о да, – громыхнул он, – и такая душная. Воздуха нет.

– Комната не вентилируется, – пояснил Гримсби. – Это квадратное отверстие над дверью предназначено для вентиляции, но ни над окном, ни где-либо еще другого отверстия нет, так что оно бесполезно. Мало того, оно выходит в коридор.

– Ах, вот как. Вы тщательно всех обыскали?

– Не сомневайтесь, обыскал, точно кафров. Но я и не ожидал обнаружить бриллиант.

– Блажен тот, кто ничего не ждет. Изида, дитя мое, кто-то стучится в дверь.

Изида отворила дверь, ведущую в кабинет мистера Андерсона; вошел рассыльный с подносом, на котором стоял кофейник и чашка.

– Прекрасно, – промолвил Морис Клау. – Не стану я спать в этой комнате, мистер Сирльз. Нелегко утром заснуть, ждать же вечера мы не можем. Сидеть я буду за этим столом один час, опустошив свое сознание, не думая ни о чем. Великое искусство, мистер Сирльз – не думать ни о чем. Только

аскетам доступно оно. Попробуйте сами и убедитесь, что в лучшем случае станете вы мыслить о том, как ни о чем не думать! Я открою чувствительную пустоту разума своего эфирным волнам, порожденным здесь ментальной эмоцией.

Достигнут меня многие посторонние впечатления ужаса, что вызван исчезновением «Голубого раджи». Это неизбежно. Но надеюсь я найти среди них иную мыслительную вещь – страх вора в роковой момент хищения! То будет целенаправленная и сильная мысль – четкая мысль об опасности и наживе, потому сохранившаяся лучше, нежели мысли об утрате алмаза, что пронизывают атмосферу этой комнаты.

Он поднялся на ноги, снял свой плащ с пелериной и оказался в поношенном твидовом костюме. Большой бант черного шелка, повязанный французским узлом, выглядел нелепо в сочетании с желтым лицом и бесцветной бородкой.

– Изида, – сказал он, – положи аккуратно плащ мой на стул у окна. Я сяду там.

Гримсби подскочил, чтобы предложить свою помощь.

– Нет, нет! – воскликнула Изида, однако же обворожительно улыбнулась инспектору. – Никто, кроме меня, не должен прикасаться к плащу, пока отец не сумеет уловить ментальное впечатление!

Она расправила плащ, полностью закрыв им стул; Морис Клау опустил на сиденье.

– Еще чашку кофе, – распорядился он, и Изида налила и поднесла ему чашку. – Этот кофе с Явы – никак не кофе. Нет кофе, кроме мокко. Вы, англичане, никогда тому не научитесь. Возвращайтесь через час, джентльмены. Изида, позаботься, чтобы никакие звуки не мешали, ни изнутри, ни снаружи. Комитет тот может расходиться по домам. Алмаза нет ни у кого из них.

– А другие джентльмены? – спросил Гримсби. – Полагаю, их также ждут дела. Я говорю о сэре Джоне Карроне из департамента по делам Индии и мистере Гаутами Хинджи, посланнике газквара.

– Безусловно – конечно, – задумчиво сказал Клау. – Впрочем, захотят они немедленно узнать итог моих исследований. Послушайте – мистер Андерсон останется; он будет

представлять город. Мистера Хинджи, вероятно, также попросите остаться, дабы представлять гаэквара – то есть продавца; и сэр Джон Каррон останется, если будет он так добр. Проследите за этим, мистер Гримсби, и пусть ничто более меня не беспокоит.

Мы оставили его в комнате и вернулись в кабинет.

Сэр Джон Каррон выразил готовность остаться.

– Позвольте мне воспользоваться вашим телефоном, – сказал он, – мне необходимо отменить встречу.

У мистера Хинджи других дел не было, а обязанности мистера Андерсона так или иначе предписывали ему оставаться в конторе. Остальные, тихо переговариваясь, вышли; затем сэр Джон, Хинджи, Гримсби, Изида Клау и я прошли в комнату для посетителей по другую сторону коридора, куда были поданы закуски и сигары для джентльменов; гостеприимный и чрезвычайно обеспокоенный мистер Андерсон, желая нас развлечь, устроил на столе выставку газет и журналов.

Эта любопытная интерлюдия никогда не изгладится из моей памяти.

Сэр Джон Каррон, высокий, загорелый военный средних лет с прекрасной выправкой, с неприкрытым восторгом изучал в монобль Изиду Клау. Та с обычной невозмутимостью выдержала его взгляд и завязала с восхищенным баронетом разговор об Индии, к которому присоединился и мистер Хинджи. В мистере Хинджи чувствовалось спокойное самообладание индуса высшей касты, и его смуглое привлекательное лицо не выразило никаких признаков раздражения, когда сэр Джон заговорил с ним тем высокомерным и в то же время покровительственным тоном, каким иные англо-индийские офицеры обращаются к хорошо воспитанным туземцам. Гримсби, всем своим видом выражавший осознание социального неравенства, большей частью молча выпускал клубы дыма – Изида позволила ему закурить сигару. Видя, как он искоса бросает взгляды на погруженное в беседу трио, я решил вмешаться и через некоторое время сделал разговор общим, явно заслужив благодарность инспектора из Скотланд-Ярда.

– Знаете, инспектор Гримсби, – сказал сэр Джон, – до нынешнего дня меня ни разу не обыскивали. Богом клянусь, вы с толком провели обыск! Меня так и подмывало дать вам пинка, когда вы принялись выворачивать наизнанку мой кошелек! Вы оказались куда искусней, чем сэр Майкл Кейли несколькими минутами ранее. Он забыл проверить футляр для часов, но вы-то не забыли!

Гримсби улыбнулся.

– Обыск – дело не такое простое, как думает большинство людей, – ответил он. – Помню одного кафра, который – простите, мисс Клау – в наряде Адама унес с копей алмазы, которые обошлись бы в мое годовое жалованье!

– Готов поверить вам на слово, инспектор, – сказал сэр Джон, – что никто из нас не сумел бы спрятать от вас камень.

– Мой отец согласился с инспектором, – заметила Изида Клау. – Его мнение окончательно.

Так мы снова вернулись к загадке, не дававшей нам покоя. Каким образом, в нарушение всех законов природы, «Голубой раджа» исчез из комнаты? Ответить на этот вопрос не в силах был ни один из нас. Детектив, вне всяких сомнений, безнадежно запутался: он ничего не предпринимал и только ждал результатов сеанса Клау. Интересно, одобрил бы комиссар полиции бездействие инспектора и полную зависимость Гримсби от помощи любителя, подумал я. С другой стороны, я не мог посоветовать инспектору ничего лучшего. Одно было понятно: если алмаз обнаружится, дело украсит список успешных расследований инспектора Гримсби! Неудивительно, что инспектор сидел и терпеливо ждал, мирно покуривая одну из гаванских сигар мистера Андерсона.

По истечении указанного часа, Изида Клау встала и прошла в кабинет мистера Андерсона. Красноватое лицо мистера Андерсона – типичное для шотландца с равнин – было заметно бледнее обычного, и он нервно переводил глаза с карманных часов на настенные.

Изида постучалась, отворила внутреннюю дверь и вошла в смежную комнату. Сэр Джон Каррон с большим интересом наблюдал за происходящим. Мистер Хинджи поймал мой взгляд и скептически улыбнулся.

Из комнаты вышел Морис Клау. Он был в плаще и нес в руке котелок.

– Джентльмены, – сообщил он, – я получил ментальный негатив, довольно-таки расплывчатый, поскольку в атмосфере присутствует много других мыслительных форм. Но я опознал его – вора!

Непосредственно позади меня раздался звук, похожий на хриплый вздох. Я обернулся. Сзади стояли мистер Андерсон и мистер Андерсон-младший, рядом с ними мистер Хинджи, Гримсби и сэр Джон Каррон.

– Кто вздыхал? – загремел Морис Клау, вглядываясь в них через пенсне.

– Не я, – сказал сэр Джон, обращившись по сторонам. То же принялись отрицать все остальные.

– В кабинете этом, следовательно, имеется призрак, – объявил Морис Клау, – или лжец!

– Простите, мистер Клау, – запальчиво произнес мистер Андерсон.

Морис Клау поднял руку. Восхитительные глаза его дочери с вызовом глядели на нас.

– Без гнева, – попросил Клау громыхающим голосом. – Без гнева. Гнев есть злоупотребление эмоциями. Здесь восемь человек. Некто вздохнул. Отрицает каждый, что испустил вздох. Вздыхал призрак или лжец. Вам очевидно?

– Ваша логика неопровержима, – признался молодой мистер Андерсон, переводя взгляд с одного лица на другое. – Стыдно признаться, но вы правы!

В свою очередь, я вгляделся в лица собравшихся. Лицо инспектора от удивления приобрело глуповатое выражение. Оба Андерсона казались смущенными и раздосадованными. На лице Изиды Клау было написано презрительное торжество, ее отец был, по обыкновению, бесстрастен. Сэр Джон Каррон нервничал, тогда как мистер Хинджи, видимо, изменил свое мнение об эксцентричном сыщике и теперь изучал его со спокойным вниманием образованного восточного человека.

– Сейчас я вас насмешу, – сказал Морис Клау. – Поведаю вам, о чем думал в психологический миг наш таинственный похититель. Думал он о двух вещах. А именно, первое, об очень

хорошенькой, светловолосой молодой леди, второе же было смешнее. Он думал о том, как забросить двенадцать земляных орешков в клетку с попугаем!

Бывают слова столь неожиданные, что их воздействие становится заметно лишь спустя некоторое время; такова была и речь Мориса Клау. На протяжении нескольких секунд никто, казалось, не в состоянии был понять смысл его достаточно простых фраз. Затем вся комичность его заявления дошла до нашего сознания; редко доводилось мне видеть почтенных мужей такими веселыми.

Быть может, он шутил?

– Мистер Клау, – начал сэр Джон Каррон. Но тут –

– Погодите, сэр Джон, – прервал его Морис Клау. – Остаемся здесь на мгновение. Я вернусь.

Мы глядели на него, точно пассажиры корабля дураков, Клау же своей неловкой походкой вышел из кабинета. Пока его не было, все молчали. Безусловно, нас сковывало присутствие Изида Клау – подбоченясь и поигрывая большой горностаевой муфтой, она улыбалась нам со смесью презрения и жалости, будто снисходя к нашей глупости.

Вернулся Морис Клау.

– Посмотрим, – задумчиво пророкотал он. – Сэр Джон Каррон и мистер Хинджи, располагает ли кто-нибудь из вас образцом почерка гаэквара Низама?

Хинджи и сэр Джон наградили его недоуменными взглядами.

– В департаменте, может быть, – ответил сэр Джон.

– Гаэквар вручил мне собственноручно подписанные указания, – сказал мистер Хинджи. – Но бумаги не здесь.

– В гостинице вашей, так?

– Да, – отвечал мистер Хинджи.

Вопросы Мориса Клау, похоже, казались ему все более невразумительными, а сам Морис Клау – неисправимым глупцом, который вмешивается в дела чрезвычайной важности.

– Джентльмены, – сказал Морис Клау, – надобно нам изучить эту подпись.

– Неужели? – возмутился мистер Андерсон-младший. – Я обязан возразить! Простите меня, мистер Клау; я уверен, что

вы искренне пытаетесь нам помочь, но эта экспедиция – сумасбродная затея. Какое отношение имеет подпись гаэквара к похищению бриллианта?

– Скажу вам нечто, мой нетерпеливый друг, – медленно произнес Морис Клау. – «Голубого раджи» нет нигде в этом здании. Камень исчез! Пропал еще до того, как появился я. И если желаете вы вновь когда-либо увидеть алмаз, быстрее наденьте шляпу и отправляйтесь вместе со мной изучать подпись под документом мистера Хинджи!

– Наряду с мистером Андерсоном я должен выразить свой протест, – заметил мистер Хинджи. – Это пустая трата времени.

– Мистер Гримсби, – так же размеренно продолжал Морис Клау, – о деле нашем следует умалчивать. Арестов быть не должно!

– Что? – воскликнул Гримсби.

– Сэр Джон Каррон телефонирует комиссару полиции и сообщит, что инспектор сыскной полиции Гримсби разыскал алмаз «Голубой раджа», но что, по причинам государственным, инспектор Гримсби составит конфиденциальное донесение и воздержится от ареста!

– Простите, – начал сэр Джон.

– Мистер Клау, – в волнении вмешался Андерсон. – Вы потешаетесь над людьми, оказавшимися в отчаянном положении! Я откровенно спрашиваю вас, знаете ли вы, кто украл «Голубого раджу» и где находится камень?

– Я отвечу, – загромыхал Морис Клау, – что подозреваю, кто украл алмаз, догадываюсь о том, как был он похищен, и ожидаю узнать, где бриллиант, изучив подпись гаэквара!

В словах Клау звучала непреложная уверенность. Он держался с твердостью каменной стены – и в нем было что-то от грубой мощи римской каменной кладки, невольно вызывающей уважение.

Сэр Джон, как и предлагал Клау, телефонировал комиссару полиции, после чего все мы вышли из кабинета и спустились на лифте в вестибюль.

– Два кэба будут надобны, – сказал Морис Клау; и два кэба были вызваны.

В первый сели сэр Джон Каррон, Андерсоны и Морис Клау; во второй – Изида Клау, Гримсби, Хинджи и я.

– Отель «Астория», – распорядился Хинджи.

По дороге Изида Клау мило болтала с Гримсби, к большому удовольствию инспектора. Мистер Хинджи, напротив, с трудом выдавливал из себя односложные ответы на мои реплики. Направление, которое приняло расследование, казалось, выводило его из себя. Кэбы одновременно прибыли на Стрэнд и один за другим въехали во двор отеля. Мистер Хинджи, сидевший слева от меня, вышел первым, и в ту же минуту из первого кэба выбрался Морис Клау, споткнулся на подножке и, старясь сохранить равновесие, ухватился за руку мистера Хинджи. Изида бросилась вперед, чтобы помочь отцу.

– Ах, – пророкотал Морис Клау, опираясь на плечи Изиды и Хинджи. – Мое дурацкое колено! Какое неудобство! Несчастный случай, мистер Хинджи, приключившийся в Египте. В темной древней гробнице упал я в колодезь глубиной футов двадцать и сломал колено. При малейшем усилии страдаю я.

– Позвольте мне, мистер Хинджи, – сказал Гримсби, подавшись вперед.

– Нет, нет! – загромыхал Клау. – Лучше подайте мне котелок, каковой я обронил, да проверьте, не выпала ли вербена моя – благодарю вас – а мистер Хинджи и Изида сопроводят меня к лифту. Небольшой отдых в апартаментах мистера Хинджи восстановит мои силы.

Так мы и поступили, и наконец добрались до номера на четвертом этаже, занимаемого посланником гаэквара. У двери мистер Хинджи попросил меня подставить Клау плечо, сам же достал ключ.

Морис Клау оперся на меня, Хинджи щелкнул замком и, к моему удивлению, вошел в номер первым. Но куда больше удивило меня то, что Морис Клау, забыв и о моем плече, и о своем больном колене, живо проследовал за ним. Остальные столпились на пороге, точно в ожидании какого-то невероятного события. Но мы и представить себе не могли, что вот-вот произойдет у нас на глазах!

Войдя в маленькую гостиную, я испытал почти физическое потрясение, заметив стоящий на столе предмет. То была большая пустая клетка, в каких держат попугаев!

Мне почудилось, что Хинджи бросился вперед в напрасной попытке спрятать клетку, прежде чем в комнату войдет Морис Клау. Слово во сне, я увидел фигурку хорошенькой, светловолосой девушки. Индус метнулся к внутренней двери – и исчез!

– Быстрее! – громко закричал Клау. – Дверь! Дверь!

Одним движением руки он оттолкнул девушку и ударил плечом в запертую дверь.

– Мистер Гримсби! Мистер Сирльз! Кто-нибудь! Помогите с дверью. Изида! Не подпускай ее, эту глупую девчонку!

Смысл сцены оставался для нас тайной, но настойчивым призывам Мориса Клау нельзя было не подчиниться. Девушка с пронзительным криком набросилась на него, однако Изида, выказывая неожиданную силу, оттащила ее.

Сэр Джон Каррон присоединился к Клау и они вместе попытались взломать дверь.

Раз они ударили в дверь плечами; два – дверная рама затрещала; на третий – дверь распахнулась и они едва не влетели вместе с ней в комнату. Грохот револьверного выстрела заглушил громкий треск дерева. Из комнаты потянулась струйка дыма.

– Боже праведный! – хрипло произнес Морис Клау, – мы опоздали!

Услышав его слова, светловолосая девушка вырвалась из рук Изиды. Одним прыжком, как дикий зверь, она миновала всех нас и вбежала в комнату. С трепетом и благоговейным ужасом мы последовали за ней; нам открылась печальная картина.

На полу лежал мертвый Гаутами Хинджи, его безжизненные пальцы все еще сжимали револьвер, на виске расплывалось кровавое пятно. Рядом с ним стояла на коленях девушка, всплескивая руками и глядя безумными глазами на его искаженные черты.

– Дорогой мой, – шепотом приговаривала она, – милый, что случилось? Алмаз у меня – он в сумочке. Что с тобой, мой милый?

В конце концов нам удалось увести ее из комнаты.

– Он провел в Лондоне всего шесть месяцев, – прогрохотал мне в ухо Морис Клау, – и вот, как видите, она преклоняется перед ним – помогает ему украсть. Чудесными, змеиными чарами приманивают женщин иные индусы – и всегда блондинок, мистер Сирльз, всегда блондинок. Это психологическая загадка.

Тем и завершилось дело о похищении «Голубого раджи», одно из самых кратких расследований в анналах Мориса Клау. Мы нашли величественный алмаз в сумке девушки: он находился в любопытном резиновом мешочке, изготовленном, очевидно, по размеру камня.

– Понимаете ли, – объяснил чуть позже Морис Клау своей изумленной аудитории, – эта девушка – надобно узнать мне, кто она – вероятно, была замужем за мистером Хинджи. Разумеется, намеревался он бросить ее и вернуться в Индию один. Но здесь, в «Астории», была известна она как миссис Хинджи. Кто испытал бы потерю от хищения? Страховая компания, если я правильно понимаю. Ибо гаэквар, с помощью посланника своего Хинджи, застраховал алмаз, а здесь, в Англии, с момента продажи застрахован был бриллиант комитетом. Итак, становится камень собственностью комитета и исчезает. Гаэквар получает свой чек (он его получит – чек в кошельке у Хинджи). Город утрачивает «Голубого раджу», и страховая компания оплачивает городу потерю!

Расположена в коридоре, по соседству с конторой мистера Андерсона, «Компания электрического освещения центрального Лондона». Много приходит клиентов. Миссис Хинджи не заподозрили в преступных намерениях, когда увидели в том коридоре – а видели ее клерк и инженер. Ментальный негатив показал мне хорошенькую молодую леди, о которой думал вор в момент похищения; тогда вышел я навести справки – помните? – не была ли замечена таковая леди рядом с конторой.

С самого начала подозрения мои пали на Хинджи. Имеют эмоции ноты, различимые ясно, как звуки пианино, но доступные лишь опытному разуму. И Изида, и я различили в мыслях Хинджи нотку страха. Я позаботился, чтобы он остался в конторе. Слова мои о подписи гаэкваара были предложением. Желал я увидеть только комнаты Хинджи и светловоловую леди, что ожидал здесь застать.

Держится Хинджи спокойней всех, но вижу я, что он разгадал мой план и должен я крепко его держать; попади он в комнату и успеет спрятать клетку, где были бы улики наши? Помимо астрального негатива, все бы улики пропали. Третий имелся сообщник – тот, что выл во дворе; но скрылся он так мастерски, что имени его, боюсь, мы никогда не узнаем.

– Как же был украден бриллиант? И зачем третий сообщник кричал?

Морис Клау помедлил и огляделся. Мы ждали продолжения его рассказа в напряженном молчании.

– Выл он потому, что Хинджи выглянул из окна (находясь в укрытии, наблюдал за окном сообщник) и подал ему некий сигнал. Означал тот сигнал: «Голубой раджа» на столе – выть начинай».

Тот, что внизу был, принялся выть, а весь комитет, словно глупые овцы – да, джентльмены, словно безголовые стада скотины! – бежал к окну. Но Хинджи не бросился с ними! Будто умелый фокусник, оказался он у стола, алмаз спрятал в маленький резиновый кошелек, что держал наготове, в то время как миссис Хинджи с открытой сумочкой ждала снаружи, в коридоре, как новая привратница.

Хинджи выбросил алмаз сквозь мелкий квадратный вентилятор!

Много недель практиковался он, узнав, что в той комнате соберется комитет – бросал орешки в квадратную дверцу попугайской клетки, расположив клетку на той же высоте, что и вентилятор над дверью мистера Андерсона! Так делал он до тех пор, пока не стал без промаха попадать двенадцать раз подряд. Нервы его были крепки, как струны рояля, и все же он сильно волновался – ибо знал, что не умеет женщина ловить!

Однако она поймала либо, если уронила она, никто не заметил, как она подобрала камень.

Джентльмены! Очень хитроумны эти индусы, но от разговоров о хитроумии их немало пересыхает горло. Кажется, слышу я, что мистер Андерсон ведет прохладительную речь о бутылочке вина?

Эпизод шестой

ШЕПЧУЩИЕ ТОПОЛЯ

I

Как-то в послеобеденный час Морис Клау появился в моем кабинете и сообщил, что «по причине реконструкции» временно прекратил вести дела в своем уопшингском пристанище и потому сумел выкроить минутку, чтобы нанести мне визит. Я всегда был рад возможности побеседовать с этим выдающимся человеком, хотя единственной подобающей «реконструкцией» его неприглядного заведения мне представлялся добрый пожар. Без лишних вопросов я предложил ему кресло и сигару.

Морис Клау снял свой плащ с пелериной и бросил его на пол. На эти руины портняжного искусства он возложил коричневый древний котелок, предварительно вытащив из него пузырек с вербеной*. Затем он увлажнил вербеной свой куполообразный лоб и бесцветную бородку.

– Так освежает, – пояснил он. – Римский обычай, мистер Сирльз. День очень жаркий.

Я признал, что он прав.

– Дочь моя Изида, – продолжал Морис Клау, – сбежала от реконструкции и декорации как можно дальше, а именно в Париж.

Я отделался ничего не значащим замечанием, и у нас завязался разговор о дерзком ограблении, которое в те дни стало поводом для многочисленных газетных статей. Мы с головой ушли в беседу, когда (к моему большому удивлению,

* Ромер не всегда последователен в описании одежды Клау: плащ его снабжен то пелериной, то капюшоном, а котелок автор здесь и в нескольких других рассказах именуется «шляпой с плоским верхом». По возможности, переводчик старался придерживаться единообразия.

так как я считал, что он находится в тысяче миль от меня) объявили о приходе Шена Хауфмана. Мой старый американский приятель вошел в комнату; Морис Клау скромно поднялся, собираясь уйти. Но я задержал его и представил их друг другу.

Хауфман сердечно приветствовал Клау, не выказав ни тени невежливого удивления, с каким часто встречали моего эксцентричного, ни на кого не похожего знакомца. Хауфман и в самом деле обладал добродушным характером и умел за одеждой увидеть человека. Он с извиняющимся видом бросил взгляд на свою правую руку, висевшую на перевязи.

– Руки не подам, мистер Клау, – весело улыбаясь, сказал рослый американец с загорелым, бритым лицом. – Давеча поймал свинца, правая до сих пор не работает.

Естественно, я сразу же спросил, как он был ранен; американец коротко объяснил, что при исполнении служебных обязанностей столкнулся с преступной бандой; благодаря Хауфману двум бандитам был вынесен приговор за убийство, третий же ранил его в руку и бежал.

– Трое даго, – добавил он в своей характерной решительной и живописной манере. – Сто лет их уже разыскивают. Осенью угнали у меня кучу жеребят, одного парня застрелили, другого бросили, посчитав мертвым. Я им спуску не дал и бросился в погоню. Окружили их на мексиканской границе, двоих сцапали – Шварта Сэма и одного из Коста. Но молодой Коста – мы зовем его Корпус Крис* – сумел бежать и всадил мне в локоть кусок свинца!

– Так вы приехали на отдых?

– Стало быть, – ответил Хауфман. – Грета меня притащила. Прямо заболела, когда я сказал, что не поеду. И вот мы здесь! Проведу в Лондоне месяцев шесть. Привез девочек посмотреть окрестности. В отеле мы жить не станем. Сняли дом

* Даго – презрительное американское прозвище итальянцев, испанцев или португальцев. Корпус Крис – игра слов: Corpus Chris и Corpus Christi («тело Христово», лат.).

чуток на отшибе – это Лаи придумала. Вчера въехали. Все в полном порядке. Жду вас сегодня на обед! И вас, мистер Клау! Ну как?

Морис Клау задумался над ответом, но отвечать ему не пришлось – Хауфман, весело помахивая нам здоровой рукой, исчез так же внезапно, как и появился, прокричав напоследок:

– Обед в семь тридцать. Девочки ждут!

В этом был весь Хауфман, однако его дружелюбие и сердечность мало кого могли оставить равнодушным.

– Он хороший человек, этот мистер Хауфман, – загромыхал Морис Клау. – По душе мне широкие натуры. Но забыл он сказать, где живет!

И верно! Пылкий, стремительный Хауфман забыл о такой немаловажной мелочи. Я подумал, что он, вероятно, найдет способ исправить свой промах и убедил Клау остаться.

Через некоторое время я посмотрел на часы: стрелка приближалась к шести. Я молча взглянул на Клау. Этот эксцентрик только пожал плечами и стал надевать плащ. И тогда раздался звонок телефона. Говорил Хауфман.

Я рад был услышать его голос со знакомым американским акцентом; смеясь, он извинился за свою забывчивость и быстро объяснил мне, где находится «Роцца» – именно так называлась усадьба.

– Приезжайте сейчас же. Переодеваться не стоит, нет времени, – сказал он и бросил трубку.

Когда я поделился адресом дома с Морисом Клау, мне показалось, что он как-то странно посмотрел на меня сквозь стекла пенсне; но Клау ничего не сказал, и я решил, что ошибся. Мы едва успели на поезд. От станции до дома было недалеко; нас ждал автомобиль Хауфмана.

Весь путь от Стрэнда занял менее трех четвертей часа, и вскоре мы уже подъезжали к дому по самой чудесной тополиной аллее, какую я когда-либо видел.

– Господи! – воскликнул я. – Какие прекрасные деревья!

Морис Клау кивнул и принялся рассматривать высокие стволы с каким-то странным выражением, значение которого было мне совершенно непонятно. Но не успел я обдумать

эту загадку, как мы оказались в холле, где нас ждал Хауфман и две его восхитительные дочери.

Не знаю, какая из девушек выглядела очаровательней: Лириан со светлыми кудрями и живыми голубыми глазами или темноволосая, дышавшая таинственной красотой Грета. Во всяком случае, человеку влюбчивому знакомство с ними наверняка грозило бедой. Даже престарелый Клау стал любезничать с девушками, всем своим видом давая понять, что занятия темными науками не лишили его способности наслаждаться обществом хорошеньких леди.

Грета, как я заметил, бросала на Клау задумчивые взгляды, а за обедом внезапно спросила, читал ли он книгу под названием «Психические измерения».

Клау довольно неохотно (так мне показалось) признался, что читал ее, и девушка тотчас сказала, что испытывает большой интерес к психическим материям. Обычно Клау бывает только рад сесть на своего любимого конька, но сейчас он решительно пресек все попытки втянуть себя в обсуждение потусторонних явлений и подчеркнуто перевел разговор на общие темы.

– Не позволяйте ей забредать в болото, мистер Клау, – одобрительно заметил Хауфман. – Чертовка спит и видит дома с привидениями и тому подобное.

Смеясь, девушка признала свою вину – ее неудержимо манил мир призраков.

– Но я их не боюсь! – заявила она с деланным возмущением. – Просто я мечтаю увидеть привидение.

– Ах, Грета! – воскликнула ее сестра. – Что за ужасная мысль!

– Вы и сами расследовали такие дела, мистер Клау? – спросила Грета.

– Да, – пророкотал Клау, – возможно. Кто знает?

Поскольку Клау явно не желал делиться своими знаниями о призраках, девушка соорудила забавную разобиженную гримаску, в ответ на что ее отец громко расхохотался; больше в тот вечер речь о привидениях не заходила. Я не мог не заметить, однако, двух странностей в поведении Клау: пер-

вое, он бесспорно заинтересовался Гретой; и второе, что-то заставляло его то и дело отлучаться из комнаты.

Около десяти вечера мы попрощались с хозяином и его дочерьми; от предложенного автомобиля мы отказались, так как до отхода поезда оставалось достаточно времени и мы вполне успевали дойти до станции пешком.

Хауфман собрался было нас проводить, но мы отговорили его, заверив нашего хозяина, что без труда найдем дорогу. Клау был особенно настойчив; когда же мы наконец вышли на аллею и, свернув за угол, потеряли дом из виду, он остановился и сказал:

– Этой возможности поговорить с вами, мистер Сирльз, я ждал. Не исключено, что не имеет то значения, но усадьба, где живет наш добрый Хауфман, именовалась ранее «Парком».

– И что же? – спросил я, резко обернувшись к нему.

– Известна она в качестве «дома с привидениями», как именуют подобные места глупцы. Несомненно, поэтому и сменили название. О «Парке» писали немало в журналах, что посвящены психическим вопросам.

– «Парк», – пробормотал я. – Кажется, я читал об этом доме в той необычайной оккультной книге, о которой говорила сегодня вечером мисс Хауфман – «Психические измерения», правильно? Это ведь то самое место, где по слухам был убит монах, умер старый антиквар и некая молодая девушка, если не ошибаюсь?

– Да, – ответил Морис Клау, – о да. Поведаю вам секрет. Книжицу «Психические измерения» написал я и, разумеется, мне давно известно о «Парке».

Его слова поразили меня – о книге в то время много говорили. Клау вперил взгляд в окружавшие нас тени и, как мне показалось, с подозрением понюхал воздух.

– Оставим разговоры о сверхъестественных опасностях, – сказал я. – Но дело в том, что как только слуги обо всем этом узнают, а кто-то в округе наверняка им скажет, они дружно скроются из дома. В подобных случаях прислуга имеет замечательную привычку бежать, сломя голову.

– Обязаны мы, безусловно, поведать ему, нашему доброму Хауфману, – согласился Клау. – Быть может, придумает он способ покинуть дом, не сообщая молодым леди о пугающей репутации «Парка». Юная Грета обладает симпатическим интеллектом, – Клау притронулся пальцами ко лбу. – Пластинка такая чувствительная, фотографическая пленка такая нежная! Опасно ей оставаться. Бывают, мистер Сирльз, симпатические самоубийства! Эта девушка – она медиум. Из «Парка» должно увести ее.

– Нельзя терять ни минуты, – сказал я. – Нынче же ночью мы должны решить, что нам делать. Не согласитесь ли зайти ко мне?

Морис Клау выразил свое согласие, и мы двинулись дальше через тополиную рощу.

Ночь была совершенно безветренная, но на всем протяжении аллеи беспрестанно раздавался жуткий, леденящий душу шепот. Деревья вздымали ветви к усыпанному звездами небу, словно ряды мертвецов, тянущих свои руки из могил. Возможно, это видение было порождено самой атмосферой усадьбы. Внутренний взор легко превращал тополь в костлявую фигуру монаха; и даже самый трезвомыслящий человек, знакомый с историей усадьбы, слышал бы в тихих, неустанных голосах деревьев горестные женские вздохи. Словом, я ничуть не пожалел о расставании с аллеей, когда мы вышли за ворота и оказались на дороге.

Позднее, у меня в кабинете, мы подробно обсудили положение дел. Я достал из книжного шкафа «Психические изменения» и передал книгу Морису Клау.

– Где-то здесь, – пророкотал он, перелистывая страницы. – Зачитываю: «Восьмого августа 1858 года фра Джулимо, который принадлежал к независимому религиозному братству, занимавшему дом с 1851 по 1858 год, был найден задушенным у подножия тополя неподалеку от ворот». Мало смог я узнать о том братстве, – сказал он, поднимая глаза, – но они были, мне кажется, людьми добропорядочными. После убийства они почти сразу же покинули усадьбу. Арестов не было.

Клау справился с книгой.

– Далее, в конце февраля или в начале марта 1863 года в доме поселился мистер Б. Д. Он был антикваром с европейской известностью и повадками затворника. Всего лишь с двумя слугами – старым солдатом с женой – он жил в «Парке», то есть в «Роще», с весны 1863 по осень 1865 года. Известный нам Пепли дословно пересказывает беседы с людьми, что слышали рассказы мистера Д. о том, как порой ночью звал его по имени из тополиной рощи тихий голос. Приведена беседа с его слугой и женой последнего, подтверждающая эти заявления.

Однажды сентябрьским утром мистер Д. найден был мертвым в роще. Причина смерти в точности так и не установлена. Дом приходит в упадок. Он так необитаем; его страшатся. С 1865 до 1888 года стоит он совершенно пустой.

Затем усадьбу занимает некий мистер К.; но он прожил там лишь два месяца, этот К. После него усадьбу один за другим снимали еще трое жильцов. Только один из них жил там – неделю; остальные же, узнав, как должно полагать, о дурной славе дома, так в него и не въехали.

Семнадцать лет назад произошла последняя трагедия, связанная со зловецей тополиной рощей. В усадьбе появился эксцентричный старый холостяк и летом 1903 года пригласил к себе племянницу. Свидетельства указывают мне ясно, что бедняжка была невротичкой – о, это очевидно; потому объяснима трагедия. Она выпала, или выпрыгнула, из окна своей спальни однажды июньской ночью, и обнаружена была мертвой у подножия первого в роще тополя. Проклятье! это морг, этот дом!

Он возвратил мне книгу и замолк, глядя на меня.

– Вы сами посещали усадьбу? – прервал я затянувшееся молчание Клау.

– Четырежды, в разное время, мистер Сирльз! Шепот слышен лишь в нескольких комнатах, и только тогда, когда окна открыты. Заметьте, однако, что все трагедии случились в теплые месяцы, когда оставались окна распахнутыми.

– В этом шепоте... было нечто сверхъестественное?

– О нет. Вы прочитали ведь мои разъяснения.

II

Хауфман озадаченно уставился на нас.

– Везет же мне! – заметил он. – Грета прочла вашу книгу, мистер Клау, и уже сообразила, или скоро вычислит, что «Парк» и «Роща» – одно и то же. Я-то предпринял эту поездку скорее из-за нее, – добавил он. – Та переделка, о которой я вам рассказывал, заставила ее поволноваться. Ей казалось, что какой-то тип ее преследует. Доктора заявили, что это частый симптом нервного расстройства, и велели сменить климат. Так что я все бросил – подумал, пусть лучше выздоровлеивает. Черт подери этот дом!

И он распрощался, твердо вознамерившись сменить место жительства. Но сама мысль о том, что придется подвергать себя таким неудобствам из-за малопонятных легенд о призраках, была чужда его практическому уму; миновало две недели, а Хауфманы все еще оставались в «Роще». Ремонт в лавке Клау, надо полагать, был далек от завершения, потому что тот несколько раз сопровождал меня с визитами к Шену Хауфману и девушкам. Закончилось тем, что в один прекрасный день Грета прямо спросила его, является ли усадьба тем самым «Парком», который был описан в «Психических измерениях».

Клау нехотя пришлось признать ее правоту, но девушка ничуть не встревожилась и, напротив, даже обрадовалась.

– Какая непонятливость! – воскликнула она. – Я должна была догадаться по описанию. По правде сказать, я ничего бы не узнала, только нынче утром все слуги разом уволились!

Клау многозначительно поглядел на меня. События развивались так, как мы и предсказывали.

– Они вам сказали? – спросил он. – Да? нет?

– Сказали только, что в доме обитают привидения, – отвечала Грета, – но больше, похоже, ничего не знали. Этого оказалось для них достаточно!

Появился Хауфман и в ответ на наши вопросы объявил, что ничего не может поделать.

– Лаи и Грета хотят остаться, – сообщил он. – Что тут скажешь? Отправил телеграмму домой и велел прислать слуг. Тем

временем мы отданы на откуп приходящим служанкам и поденщицам!

Морис Клау был весьма обеспокоен. При первой же возможности он отвел Хауфмана в сторонку и стал расспрашивать его, где именно находятся комнаты, занимаемые семьей.

– Окна моей комнаты выходят на аллею, – ответил Хауфман. – Окна комнаты Греты – тоже. Комната Лаи на другой стороне. Пойдемте, поднимемся наверх и я покажу вам!

Мы с Клау последовали за ним. День был ясный и солнечный; из окна комнаты Хауфмана видны были величественные ряды тополей, стоявших молча, как строй громадных гвардейцев, в неподвижности летнего воздуха. Странно было размышлять о потусторонних чарах, видя яркий солнечный свет, весело заливавший деревья, цветы, кусты и лужайку.

– Это комната, где яснее всего различим шепот! – сказал Морис Клау. – Говорю в точности – провел я здесь несколько ночей!

– В самом деле? – отрывисто воскликнул Хауфман. – Стало быть, я крепко сплю. Ни разу ничего не слышал. Комната Греты справа. Дочь ни о чем таком мне не говорила.

Клау выглядел взволнованным.

– Нет в звуках ничего необычного, – ответил он. – Вполне я в том убедился. Но глас предания сильнее, мистер Хауфман! В часы безмолвного ночного бдения, даже неотзывчивому старому глупцу, подобному мне, приходят на ум страшные воспоминания, и вообразить он может все, что угодно. Помимо гибели монаха, каковой стал, вероятно, жертвой бродячего грабителя, трагедии нетрудно объяснить. Престарелый антиквар умер от удара, а бедная девушка, скорее всего, упала с балкона, когда бродила она во сне. Чрезвычайно невротическим обладала она темпераментом.

– Плохо, что Грета все узнала, – задумчиво пробормотал Хауфман. – Ее нервы не выдержат. Этого я и хотел избежать!

– Можете ли вы, по крайней мере, убедить ее сменить комнату? – предложил я.

– Нет! Она упряма, как мул! Ее покойница мать была такой же! Ирландская кровь!

Так обстояли дела, когда мы с ним распрощались. Несколько дней прошли мирно – а затем случилось то, чего мы опасались и в глубине души со страхом ожидали.

Хауфман ворвался ко мне в кабинет со словами:

– Началось! Грета говорит, что каждую ночь слышит голос!

Я был готов к такому повороту событий, и все же от его резкого восклицания у меня по коже пробежал холодок.

– Хауфман! – строго сказал я. – Довольно! Немедленно увозите девочек. Прежнее нервическое состояние и эти болезненные грезы могут сказаться на рассудке Греты.

– Вы не дослушали, – произнес он, пытаясь успокоиться. – Болезненное воображение, как же! Я и сам слышал этот шепот!

Я непонимающе взглянул на него.

– Что теперь скажете? – спросил Хауфман с ноткой какого-то мрачного удовлетворения в голосе. – Когда Грета рассказала мне, что слышала ночью нечто, причем это нечто не было шорохом листьев, я долго сидел, курил и раздумывал, что тут к чему. В первую ночь допоздна читал – и ничего. На следующую ночь сидел в темноте. Ветра не было, и я ровным счетом ничего не услышал. На третью ночь я опять сидел в темноте. Около полуночи поднялся ветер. В шорохе и вздохах листьев я расслышал голос – в жизни мало что слышал так четко! Он звал меня!

– Хауфман!

– Будь я проклят, он звал меня по имени! Готов присягнуть перед присяжными!

– Все это совершенно необъяснимо! – сказал я. – Жаль, что с нами нет Мориса Клау.

– Где же он?

– В Париже. Пробудет там до понедельника.

– К слову сказать, – продолжал Хауфман, – по пути сюда, у метро Чаринг-Кросс, я встретил одного человека. Попробует разобраться в этом деле. В тайнах он дока.

Хауфман упомянул название знаменитого американского сыскного агентства.

– Боюсь, далековато будет от мест, где он привык работать, но он вызвался помочь и я этому рад. Хотя неплохо было бы посоветоваться с Клау.

– Что с девочками?

– Как раз собирался сказать. Отослал их в Брайтон. Грета не хотела уезжать, но бедняжка Лаи была смертельно напугана! Короче говоря, они уехали.

Необъяснимое и жуткое происшествие занимало все мои мысли, и о работе нечего было и думать. Я отправился вместе с Хауфманом в отель, где познакомился с мистером Д. Шортером Оттли. Тот оказался типичным жителем Нью-Йорка: бритый, с бледным лицом, выразительными серыми глазами и твердой линией рта.

– Призраками не занимаемся! – улыбаясь, заявил он. – Не встречалось мне еще привидение, которого не остановила бы пуля!

– Ладно уж, признаюсь честно, – сказал Хауфман. – Заслышав этот тихий голос, я не решился выйти и посмотреть, что происходит. Струсил, скажете?

– Это вовсе не трусость! – спокойно возразил Оттли. – Думаю, вы поступили мудро!

– Почему же?

– Есть у меня одна мысль на этот счет, вот и все. Той ночью мисс Хауфман слышала голос?

– Нет. Кажется, она задремала.

– Голос, что она слышала, звал вас?

– Она не сумела разобрать!

– А к окну она подходила?

– Да, но пряталась за занавеской.

– Что-нибудь видела?

– Нет.

– Я был бы не против ее расспросить, – задумчиво сказал Оттли.

– Она рассказала бы вам точно то же самое.

– Ах, нет, не об этом! Кое о чем-то еще.

Тем вечером мы втроем обедали в «Роце». Еду подавала служанка, которая поспешила исчезнуть, не успели мы покончить с обедом. Беспорядочная игра в бильярд помогла нам ско-

ротать время между сумерками и тьмой, после чего мы с детективом распрощались с Хауфманом, оставив его в доме одного. Действовали мы согласно плану Оттли. Мы прошли по тополиной аллее, вышли из ворот и закрыли их за собой. Затем мы обошли участок и очутились у ограды с задней стороны, прямо напротив ворот. Мы перелезли через стену и увидели заброшенный сад, примыкавший к кухне. Американец осторожно повел меня к дому, который четким силуэтом выделялся на фоне неба, среди древесных ветвей и спутанной массы кустов. Мы на четвереньках проползли по двору и проникли в боковую дверь – она намеренно была оставлена открытой. Тихо притворив дверь, мы пересекли кухню, поднялись наверх и вновь присоединились к Хауфману.

Мне был доверен пост в соседней комнате: я должен был сидеть в темноте и следить, не появится ли за деревьями что-либо движущееся. Хауфман, получив такие же наставления, был отправлен в западную спальню, а детектив остался в комнате Хауфмана.

Я с опаской подобрался к окну, стараясь обходить широкий лунный луч, и заметил слева отблеск света. Оттли зажег лампу: так поступил бы Хауфман, готовясь отойти ко сну. Минуты через три свет погас – и началось напряженное ожидание.

Ветра почти не было, но и слабого дуновения воздуха было достаточно: тополя колыхались и издавали тот таинственный шепот, что ранее слышали мы с Клау. Луна, невидимая из комнаты, плыла в безоблачном небе, внизу лежала черная тень дома с резкими, словно в тропиках, очертаниями. Широкая полоса блестящей под луной травы и гравия переходила в сумрак аллеи, испещренный пятнами мрака. Справа от тополей находились заросли кустов, а за ними сад, простиравшийся до самой восточной стены. С левой стороны млечно отсвечивали стены небольшого домика. Один из прежних жильцов построил для себя каретный сарай, теперь же там стоял автомобиль Хауфмана. Верхние комнаты домика в настоящее время пустовали.

Не могу точно сказать, когда я впервые расслышал нечто в свисте ветвей – некий звук, что не был вызван ветром. Вдруг я осознал, что уже давно прислушиваюсь к этому звуку. Я глядел прямо перед собой, всматриваясь в тени тополей; пригнувшись у окна, я чувствовал, что мои нервы натянуты до предела. Легкий скрип, который донесся слева, дал мне понять, что кто-то тихо приоткрыл окно. Это был Оттли – он намеревался выбраться на балкон. Он тоже что-то услышал!

И тогда, с ужасающей внезапностью, случилось необъяснимое.

Короткий пронзительный крик нарушил тишину, заглушив волну шепота. Тотчас раздался выстрел – и за ним другой. Чье-то тело с глухим звуком упало на дорожку. Я подскочил к окну, широко распахнул его и выскочил на балкон.

– Оттли! – закричал я. – Хауфман!

Где-то хлопнула дверь, и я услышал приглушенный голос Хауфмана:

– Вниз! Спускайтесь!

Я выбежал из комнаты и бросился вниз по лестнице в холл. Хауфман возился с засовами. Его раненая рука все еще плохо слушалась, и я поспешил ему на помощь.

– Боже мой! – вскричал он, обращивая ко мне побледневшее лицо. – Оттли исчез! Вы что-нибудь видели?

– Нет! А вы?

– Проклятье! Нет! Отошел от окна, чтобы взять репетир! Но голос-то вы слышали?

– Да, совсем ясно!

Дверь распахнулась, и мы выскочили на дорожку.

Оттли нигде не было видно, и мы на мгновение застыли, не зная, что предпринять дальше. Затем, у самой кромки тени, мы увидели на земле тело детектива.

Решив, что Оттли мертв, мы подняли тело и понесли его в дом. Заперев дверь, мы положили Оттли на диван в маленькой столовой. Лицо его покрывала смертельная бледность, кровь текла потоком из страшной раны на голове. Но самым странным была открытая рана прямо над правым запястьем. Кожа вокруг раны изменила цвет, точно от ожога. Оттли не подавал никаких признаков жизни, и мы, двое откровенно испуганных мужчин, замерли над телом.

– Ничего не поделаешь! – медленно произнес Хауфман. – Один из нас должен остаться и присмотреть за Оттли, а другому придется бежать за врачом! Телефона в усадьбе нет!

– Есть поблизости врач? – спросил я.

– Дом на углу, у первого поворота направо.

– Оставайтесь здесь! – сказал я.

Признаюсь без всякого стыда, что с того мгновения, как за мной затворилась дверь, я помчался со всех ног по тополиной аллее и продолжал бежать без оглядки, пока не оставил за собой ворота! Меня подгоняла не тревога, ибо я не сомневался, что Оттли был мертв, но страх, неизбывный страх!

III

Морис Клау аккуратно расположил на веранде большой саквож и портплед.
– Добрый день, мистер Хауфман! Добрый день, мистер Сирльз!

У открытого окна появилась фигура сиделки в белом фартуке.

– Добрый день, сиделка! Я прямо из Парижа. Случай сей не должен рассматриваться в рамках теории Циклов преступления, и не кажется мне, что имеет он отношение к истории «Парка». Но мысли суть вещи, мистер Хауфман. Сколь полезно это понимать!

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как мы с Хауфманом нашли Оттли в тополиной аллее и принесли его бесчувственное тело в дом. Теперь он лежал в кровати, поставленной в бильярдной, словно подвешенный между нашим и иным миром. У меня имелись все основания подозревать, что врач, лечивший его, был немало озадачен некоторыми из симптомов пациента.

Хауфман изумленно поглядел на Мориса Клау, не совсем понимая смысл его слов.

– Если бы только Оттли мог нам рассказать! – пробормотал он.

– Он еще много дней ничего нам не расскажет, – заметил я, – если, конечно, когда-либо снова заговорит.

– Ах, – вмешался Морис Клау, – со мною он будет говорить! Как? Сознанием! Нечто – предстоит нам еще узнать, что именно – сразило его в ту ночь. Нападение, если то было нападение, произвело на мозг его воздействие столь острое, что ничто иное не успело проникнуть в его сознание! Прекрасно! Тот удар все еще сохраняется в пределах его сознания. Нынешней ночью стану я спать рядом с его постелью. Я не сумею одически стерилизовать себя, но надеяться должны мы. Среди фантазмов, что отбросит сей больной мозг на астральную пленку – на окружающий эфир – смогу я, надеюсь, обнаружить мысль, последнюю мысль пред горячечным бредом!

Хауфман слушал, как громом пораженный. Я успел поделиться с ним некоторыми теориями Клау, и тем не менее он был донельзя удивлен. Клау, однако, не обратил на это никакого внимания. Он принялся внимательно разглядывать деревья и садовый домик.

– Отрадно мне, – внушительно прогрохотал он наконец, – что смогли вы сохранить дело в тайне. Определенно, у нас появился теперь шанс.

– Шанс на что? – вскричал я. – Все это не поддается рациональному объяснению! Как вы истолкуете происшествие с Оттли и его состояние? Что за непредставимое существо бросилось на него из тополиной чащи?

– Не существо! – отвечал Морис Клау. – Отнюдь не существо, дорогой мой друг!

– В таком случае, в кого он стрелял?

– Целился он в каретный сарай!

Я встретил взгляд странных глаз Клау, устремленных на меня сквозь пенсне.

– Посмотрев на трубу, – продолжал он, – вы заметите отверстие, проделанное его пулей!

Я быстро повернулся. Даже на значительном расстоянии был ясно виден след от пули: треугольная выщербина на красном кирпиче у верхнего края трубы.

– Что же, ради всего святого, все это означает? – спросил я, совершенно озадаченный.

– Значит это, что мистер Оттли – умный человек, знающий свое дело; и означает сие, мистер Сирльз, что должны мы заняться поразительным этим делом, начав там, где остановился бедняга Оттли!

– Что вы предлагаете?

– Предлагаю вам устроить себе несколько дней отдыха, как сделал и я. Оставайтесь здесь. Не позволяйте врачу узнать, что вы находитесь в доме. Вам придется довериться сиделке, я полагаю. Мистер Хауфман, – обратился он к американцу, – вы займете старую свою комнату. Умоляю вас, ни по какой причине не покидайте дома после темноты. Если вы услышите это снова – тот зловеющий шепот – воспользуйтесь парадной дверью и держитесь в тени. Фонари не берите с собою. Главное же, не выходите на балкон!

– Как я понимаю, вы не сможете остаться?

– Остаться не смогу я, – был ответ, – ибо отправлюсь в Брайтон, дабы поговорить с мисс Гретой, чего так желал бедняга Оттли!

– Вы ведь не предполагаете, что ей что-либо –
– Известно ей не более, чем нам, мистер Сирльз! Но думаю я, что она располагает ответом, пусть сама того и не сознает! Час подремлю я – я, подобно черепахе знающий, что спать означает жить – подремлю я у постели больного. И тогда посмотрим!

IV

Было без четверти семь, когда Морис Клау вошел в комнату больного. Оттли пребывал в состоянии, подобном трансу, и эксцентричный исследователь, чьи действия весьма не одобряла сиделка, устроился в плетеном кресле у кровати и, взмахнув рукой в знак того, что нам с Хауфманом пора уходить, поместил большой шелковый платок на свой едва покрытый растительностью череп и приготовился отойти ко сну.

Мы оставили его там и на цыпочках вышли из комнаты.

– Не расскажи вы мне о его прошлых заслугах, я решил бы, что ваш старый приятель давным-давно рехнулся! – прошептал Хауфман.

Большой пустой дом был пугающе тих; мы курили, дожидаясь окончания необычного телепатического эксперимента Мориса Клау, и почти не разговаривали друг с другом. В восемь часов человек, чьи поступки так сильно отдавали шарлатанством, но известный мне как один из ведущих криминологов мира, появился в дверях, увлажняя лицо вербеной.

– Ах, джентльмены, – произнес он, приблизившись к нам. – Уловил я легкий отпечаток, – и он похлопал себя по влажному лбу, – той мучительной мысли, что предшествовала бесчувственности Оттли. Я отправляюсь. Сегодня вечером придет специалист, сэр Бертрам Вейн с Халф-Мун-стрит, дабы провести консилиум с местным доктором. Мистер Сирльз, не показывайтесь. Никто не должен знать о пребывании ва-

шем в доме, и за пределами дома никого в известность не ставьте. Памятуйте о моих предупреждениях. Ухожу я.

За толстыми стеклами пенсне глаза Клау поблескивали от скрытого волнения. Необычайные методы, надо полагать, под-сказали ему разгадку тайны.

– Спокойной ночи, мистер Хауфман, – сказал он. – Спокойной ночи, мистер Сирльз. Сиделке пожелал я уже спокойной ночи, и лишь безмолвно уставилась она на меня в ответ. Считает она, что я безумный старый дурак!

Клау поднял клетчатый портплед и тяжелый саквояж и ушел, вежливо отказавшись от нашего предложения составить ему компанию. Когда его шаркающие шаги затихли на аллее, мы с Хауфманом обменялись мрачными взглядами.

– Кажется, мы остались одни! – сказал мой друг. – Вы не покинете меня, Сирльз?

– Разумеется, нет! Присутствие бедняги Оттли в любом случае заставляет вас оставаться здесь, а я, можете быть уверены, останусь с вами.

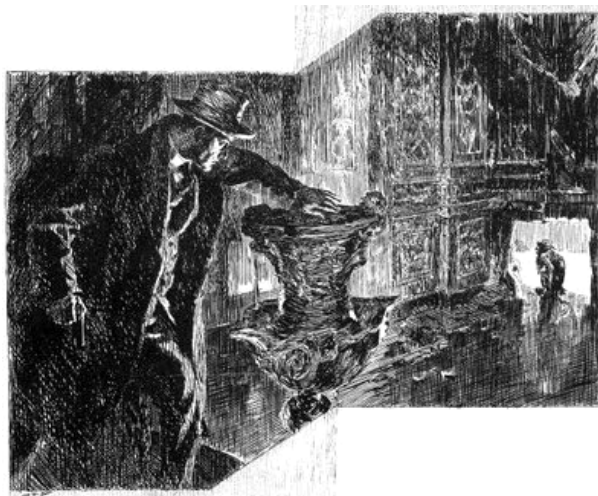
Около десяти вечера приехал сэр Бертрам Вейн и привез с собою местного врача, лечившего Оттли. Я не показывался им на глаза, но после отъезда медиков узнал, что курс лечения решено было полностью изменить.

Так началось наше невероятное приключение; чем оно завершилось, вы вскоре узнаете.

Морис Клау, следуя собственному плану, не появлялся на сцене, но телеграфные инструкции, получаемые нами, свидетельствовали, что о деле он ничуть не забывал. Вначале пришла телеграмма, в которой Клау советовал Хауфману задерживать американских слуг в Лондоне, когда те прибудут, и вести прежний образ жизни. Далее последовало предупреждение о том, что мы не должны выходить на балкон после наступления темноты; еще одна телеграмма приказывала нам каждый вечер стоять на страже. На четвертый день доктор сообщил, что состояние Оттли несколько улучшилось, и Хауфман решил наутро отправиться в Брайтон, рассчитывая вернуться домой после обеда.

Той ночью мы вновь слышали голос.

В доме было очень тихо, и мы с Хауфманом разошлись по своим комнатам. Внезапно я слышал в приглушенном, шелестящем шепоте листьев новый звук, отличавшийся от привычного шороха листвы. Тотчас я оказался на корточках у распахнутого окна. Наступила тишина. Затем вновь слышался тихий голос. Я не мог различить слова, но, следуя указаниям Клау, взял пистолет, который привез с собой, и бросился к двери. Мысль о том, что с этой шепчущей в ночи опасностью можно покончить удачным выстрелом, развеяла сверхъестественный ужас, и я наслаждался возможностью действовать после мрачного заточения в верхних комнатах дома.

Нашупывая в темноте путь, я спустился в холл. Поскольку мы заранее хорошенько смазали петли, я сумел бесшумно приоткрыть дверь. Дюйм за дюймом я открывал ее, внимательно прислушиваясь.

И вновь я услышал странный призыв.

Теперь, вытягивая шею, я мог видеть озаренный лунным светом фасад дома; взглянув вверх, я пришел в ужас – там прятался Шен Хауфман, и его фигура в легкой пижаме заметно выделялась на балконе! Лунный свет заиграл на никелированном стволе пистолета, когда он стал медленно подниматься на ноги.

Я не знал, откуда могла прийти опасность и какова она, но хорошо понимал, что Клау не стал бы предупреждать нас впустую. Какое безумие заставило Хауфмана пренебречь его указаниями? Я собрался было распахнуть дверь настежь и позвать Хауфмана, но череда поразительных происшествий буквально ошеломила меня.

В полной тьме откуда-то донесся странный дребезжащий звук. Хауфман упал на колени (позднее я узнал, что он поскользнулся, так как был обут в свободные домашние туфли). Оконное стекло за его спиной со страшным грохотом разлетелось вдребезги.

Выстрел! ... вспышка огня в черной тьме тополиной аллеи! ... крик откуда-то с западной стороны ... и я выбежал на дорожку.

С ужасающим треском тяжелое тело покатилося вниз по скошенной крыше каретного сарая и с тошнотворным глухим звуком ударилося о землю!

В пятне лунного света появился бегущий Морис Клау – он держал в руке дымящийся пистолет!

– Хауфман! – воскликнул он.

И снова:

– Хауфман!

Рослый американец свесился с балкона, выбирая что-то невидимое в темноте и показавшееся мне веревкой.

– Старина! – выдохнул он. – Я поступил, как последний дурак! Но я заметил его за каминной трубой и подумал, что сумею его снять!

Морис Клау неуклюже побежал к сараю. На гравии лицом вниз лежало тело высокого, гибкого человека, одетого в синий саржевый костюм. Когда мы перевернули тело, к нам, тяжело дыша, присоединился Хауфман. Лунный свет упал на смуглое угрюмое лицо убитого.

– Ну и дела! – раздалось восклицание Хауфмана. – Это Корпус Крис!

– Где нашел я ключ? – спросил Морис Клау, когда мы с ним и Хауфманом ждали в сереющем рассвете прибытия полицейских, которые должны были забрать тело Косты.

– В сознании Оттли! Бедный его разум, – он описал руками круг в воздухе, – возвращается снова и снова к происшествию на балконе.

– Но что же случилось? – нетерпеливо спросил Хауфман.
– То же, что и со мной?

– Нечто – нечто ядовитое, как подсказывает Оттли знание таинственных вещей – попало ему в запястье, когда поднимал он свой револьвер! Что сделал он? Поведаю вам, ибо повторяет он это снова и снова в своем бедном лихорадочном сознании. Он приставил к раненому запястью дуло револьвера и выстрелил! Затем, падая в обморок, он опрокинулся навзничь и рухнул в кустах. Рана, что так озадачила всех, тем объясняется. Он нанес себе ее сам – то была мера предосторожности – прижигание; и спасла она его жизнь. Сегодня я виделся с сэром Бертрамом Вейном и говорил по телефону с другим врачом. Новый метод лечения принесет успех.

– Я по-прежнему ничего не понимаю! – признался Хауфман.

– Да? – загромыхал Морис Клау. – Итак? Зачем еду я в Брайтон? Отправляюсь я задать мисс Грете вопрос, что собирался задать ей Оттли.

– Какой именно?

– Чего так боялась она, что заставляло ее просить вас покинуть свой дом? Мне призналась она, что получала от Косты страстные письма, такие, что глупая девушка не осмелилась бы показать вам – ее отцу!

– Боже мой! мерзавец!

– Каналья! И как бы ни было то, мертвая каналья! Когда повесили вы его брата, сей Корпус Крис (воистину, сама Судьба даровала ему имя!) отправил дочери вашей безумное письмо, где поклялся преследовать вас по всему свету и убить, если не сбежит она с ним! Да, он был безумен, мне кажется; я так считаю. Но обладал он весьма большой культурой! У него имелся кембриджский диплом! Вы не знали? Я так и думал. Он выследил вас в Европе и последовал за вами в сей дом. Историю его он неким образом узнал и использовал в

своих целях. Как видно, иначе добраться до вас он не мог, не оставляя следа и оставаясь незамеченным, вне подозрений.

Морис Клау поднял индейский лук, лежавший на полу рядом с его креслом.

– Лук индейцев сиу, – внушительно произнес он.

Клау снова наклонился и поднял небольшую стрелу, к которой была прикреплена тонкая черная нить.

– Стоящий на балконе в лунном свете прекрасной будет мишенью, если только не поднимется ветер! – продолжал он.

– Вспомните, как в безветренные ночи раздавался шепот!

Он указал на наконечник стрелы. Тот был покрыт каким-то черным, блестящим веществом. Морис Клау понизил голос.

– Кураре! – хрипло сказал он. – Древняя отравка для стрел южноамериканских племен! Эта маленькая стрелка наносит лишь крошечную рану, и может быть возвращена с помощью прикрепленной к ней нити. Коста, разумеется, принял Оттли за вас, мистер Хауфман... Ах, ловкач! Провел я три ночи, прячась в ветвях второго дерева в аллее и ожидая его. Стрелять не пришлось бы мне, если бы вы последовали моим указаниям и не стали выходить на балкон. Мы могли бы схватить его живьем!

– Не стану плакать по этому поводу! – сказал Хауфман.

– И я не возрыдаю, – загрохотал Морис Клау и увлажнил лицо вербеной. – Но сколь отвратителен мне сей яд кураре – пахнет он смертью. Ах! каналья!

Эпизод седьмой

АККОРД В СОЛЬ-МИНОР

I

Мне часто говорят, что необычайное преступление в Челси, которое пресса окрестила «убийством в мастерской» или «смертью в студии», стало для моего эксцентричного друга Мориса Клау своего рода Ватерлоо. На это я отвечаю, что дело в Челси, напротив, было его Аустерлицем. Король криминологов, чьи победы которого я имел честь запечатлеть для потомства, никогда не доказывал свою теорию «одических негативов» с таким драматическим блеском, как в решении загадки, связанной с убийством художника-портретиста Пайка Уэбли.

Поразительная способность Клау извлекать из атмосферы мыслительные формы (могу лишь назвать ее пост-телепатией) сделала его не только предметом насмешек невежд, о чем мне уже приходилось рассказывать, но и благодарного восторга посвященных, причем далеко не последнее место среди них занимал инспектор уголовной полиции Гримсби из Нового Скотланд-Ярда.

Вне сомнения, недавние эксперименты профессора Гилберта Мюррэя* основывались на том самом законе «психических колебаний», что впервые был сформулирован удивительным гением из лавки близ Старой лестницы в Уоппинге.

* Джордж Гилберт Мюррэй (1866-1957) – известный оксфордский исследователь и переводчик классической греческой литературы, общественный деятель, в 1915-1916 гг. президент Общества психических исследований. В 1924 г. совместно с исследовательницей психических феноменов Э. Сиджвик провел серию знаменитых опытов по передаче мыслей.

За ленчем я прочитал заметку о трагедии в Челси в раннем выпуске «Ивнинг стандарт» и, вернувшись к себе в кабинет, обнаружил, что меня дожидается инспектор Гримсби. Никаких вводных фраз не понадобилось. Простая дедукция подсказала мне причину его визита.

Ему было поручено расследование таинственного убийства в Челси – и с этим заданием справиться он был не в состоянии.

Гримсби на несколько лет младше любого другого инспектора в Ярде и точно самой природой создан для постоянного восхождения по карьерной лестнице. Он обладает даром, что дороже гениальности – умением использовать гениальность в своих целях; к тому же у него есть талант, необходимый всякому успешному человеку – талант оказываться в огнях софитов. Весь спектакль он может простоять за кулисами; но инспектору уголовной полиции Гримсби, можете не сомневаться, достанется последний поклон.

Так и должно быть, и я уважаю Гримсби и восхищаюсь его талантами. И потому, едва завидев его, я осведомился:

– Убийство Пайка Уэбли?

– Замечательно! – объявил Гримсби, напуская на себя удивленный вид. – Если вы и далее будете поражать меня прозорливостью, начну считать вас единственным соперником Мориса Клау!

– Понимаю, – сказал я, бросая газету на стол. – Дело не такое простое, каким кажется.

– Простое! – вскричал Гримсби и швырнул в камин окурок крепчайшей манильской сигары. – Простое? Да оно слишком простое! Беда в том, что работать мне не с чем – иными словами, я не понимаю, с чего начать.

Он повернулся спиной к камину и умоляюще поглядел на меня. И –

– Вы звонили в Уоппинг?

Гримсби кивнул.

– Ответа не было, – мрачно произнес он.

– Что же вы предлагаете?

– идите ли, – Гримсби помедлил, – вы человек занятой, мистер Сирльз, но я подумал – внизу ждет такси – не найдется

ли у вас минутки, чтобы поехать со мной и побеседовать с Морисом Клау?

– Почему бы вам не отправиться самому?

– Ах! – он выбрал новую сигару и стал разминать ее между большим и безымянным пальцами. – Вся загвоздка в его дочери. Она считает, что я впустую отрываю его от дел. Сомневаюсь, что она позволит мне увидеться с ним.

– Это ваша вина, – заметил я. – Она очаровательная девушка. Вы неправильно ведете себя с нею.

– Ах! – повторил он и умолк, нащупывая в кармане спички. Наконец, я сжалился над ним.

– Хорошо, могу уделить вам несколько часов, – согласился я. – Если Клау займется этим делом, мое время не будет потеряно зря.

II

Понимаете, нет абсолютно никакого мотива, – жалобно произнес Гримсби, в то время как кэб пробирался по сомнительным улицам. – Пайк Уэбли, похоже на то, был человеком приличным, вел безукоризненную жизнь, грехам никаким не предавался, насколько я могу судить. Разумеется, я искал в деле женский след – но женщины, которых я нашел, вне себя от горя по поводу его смерти. Чрезвычайно популярная личность. Месть можно исключить; ограбление исключается; готов поклясться, что можно исключить и ревность. И что, скажите на милость, я должен обо всем этом думать?

– Он был задушен?

– Да, – кивнул Гримсби. – Задушен очень сильным человеком. На лицо его страшно смотреть, а на шее, там, где пальцы душителя впились в плоть, остались синие рубцы.

– А кто последний видел его живым?

– Привратник Актерского клуба, – последовал быстрый ответ. – Он там пообедал, задержался на час, болтая с друзьями, а затем ушел со словами, что в студии его ждет работа. Студию

отделяет от дома небольшой сад; войти в нее можно через боковой вход. Он был холостяком, так что прислуги – всего два человека: повариха-экономка и слуга, прислуживавший ему уже много лет. Они утверждают, что в дом Уэбли не входил, и поэтому мы предполагаем, что он направился прямо в мастерскую. Рано утром уборщица, которая приходит ежедневно, обнаружилась дверь студии закрытой (я имею в виду дверь, выходящую в сад) и сообщила об этом Паркеру, слуге; тот явился с ключом.

– Постойте, – прервал я. – Паркеру наверняка должно было быть известно, что хозяина нет дома?

– Нет! – Гримсби решительно покачал головой. – Мистер Уэбли нередко работал допоздна и Паркеру было приказано не беспокоить хозяина, пока тот не вызовет его звонком.

– Понятно, – сказал я. – Итак, они открыли дверь, ведущую в студию, и –

– Да, – продолжал Гримсби. – И нашли его там – он лежал на полу, задушенный.

– Сколько времени прошло с момента смерти?

– Хм, несколько часов, по словам полицейского медика. Все указывает на то, что убит он был почти сразу же, едва успев войти в мастерскую.

– Должно быть, там кто-то прятался, – предположил я.

– Бог знает! – пробормотал Гримсби. – Итак, я не понимаю, с чего начать. А ведь в делах такого рода первые двенадцать часов имеют ключевое значение. Вот мы и прибыли, – нервно добавил он.

Мы велели таксисту ждать нас в начале тупика, где прячется удивительное заведение Мориса Клау. День был туманный, и мы едва различали лампы у дверей лавки. Порывы холодного ветра напоминали о близости матушки Темзы; поравнявшись с грудой старья и рухляди, являвшей собой видимую часть товарных запасов владельца, мы заметили необычайный образчик человеческого мусора: он прислонился к дверному косяку, в уголке рта тлел окурочек, ежесекундно грозивший поджечь пятнистые моржовые усы – отличительный признак Уильяма, продавца из лавки Мориса Клау.

– Добрый день! – сказал я. – Не изволите ли сообщить о моем приходе мистеру Морису Клау?

– Безусловно, сэр, – с пьяным воодушевлением отозвался Уильям. – Он будет очень рад, сэр, я уверен, сэр.

Уильям направился к двери, затем останови ž
поглядел на нас.

– Не возражаете подождать снаружи? – добавил он. – Тут эта, где-то прячется рыжий мальчишка, присмотрел себе эту

вот клюшку для гольфа, – и он указал на обломок клюшки. – Ежели мы все уйдем, он ее живо стащит.

Мы остались на месте. И –

– Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол! – проскрежетал попугай, бдительный страж лавки.

Вскоре откуда-то из темных глубин заведения донесся низкий, громыхающий голос, который мы сразу узнали – голос Мориса Клау:

– Ах! Добрый день, мистер Сирльз! Если не ошибаюсь, с вами инспектор уголовной полиции Гримсби? Добрый день, мистер Гримсби!

Клау возник из завесы пропахших самыми непредставимыми ароматами теней и –

– Смотрите! – воскликнул он. – На голове моей шляпа, ожидает нас кэб. Повезете вы меня в Челси? Не так ли?

Он достал из-под подкладки котелка цилиндрический пузырек и увлажнил его содержимым свой высокий, бледный лоб.

– Вербена, – громыхнул он. – Ненавидят ее мои морские свинки, я же нахожу ее такой освежающей!

Клау вернул пузырек на место и водрузил котелок на голову.

– Купил недавно по случаю превосходную парочку броненосцев, – объяснил он. – Обладают они особым запахом, что кажется мне неприятным.

Клау обратился к Уильяму, который подозрительно оглядывал узкий проулок.

– Уильям, прекрати беспокоиться о рыжем мальчишке. Наваждением становится сие! – наставительно сказал он. – Пеганке выдашь ты свежие водоросли, и если вновь откажутся ежи есть яблоки, угости каждого кусочком сырого бифштекса.

Он приблизился к ожидавшему нас кэбу и застыл на подножке.

– Мистер Сирльз, не стану я более приобретать ежей. Мало того, что трудно их содержать в неволе – один еж прошлой ночью забрался ко мне в постель.

Мы сели в кэб, и –

– Теперь же, мистер Гримсби, поведайте мне о том бедняге, что был убит, – продолжал Морис Клау. – Жду рассказа. Вижу, непросто все. И я говорю: «Понадобился вам старый дуралей из Уопшинга».

III

С лабонервны вы, мистер Сирльз, – заявил Морис Клау, помахивая перед моим носом длинным пальцем. – Тошнит вас. Не отошли вы от вида синюшного лица убитого. Что ж! ужасно то, не спору.

Тело успели унести, и мы побывали в морге, чтобы осмотреть его. Теперь мы стояли в мастерской, где произошло убийство; хотя после нашего визита в мертвецкую прошло уже некоторое время, я все еще, признаюсь, не мог оправиться. Начинало темнеть. Мы зажгли в студии свет. Туман стучался, и воздух сочился водяной взвесью.

Я видел вокруг незаконченные картины: групповые портреты, наброски для журнальных обложек, портреты женщин и детей – и передо мной словно вставало жуткое лицо, искаженное лицо человека, который никогда больше не притронется к своим кистям и краскам.

– Я не впервые имею дело с удушением, но в первый раз вижу такие отпечатки на шее, – сказал Гримсби.

– Ах! В самом деле! – пророкотал Морис Клау, обращаясь к нему. – Никогда раньше такие, а? Заинтересовали вы меня, друг мой; начинаете вы замечать. Интеллект ваш расцветает, подобно подсолнуху на солнце. И состоит в чем необычность тех отпечатков?

Гримсби застыл, не в силах понять, следует ли считать замечание Клау комплиментом или шуткой, и наконец выдавил:

– Чрезвычайно мощное сдавливание. Убийца, по всей видимости, обладал поразительной силой.

– О, да! – Морис Клау снял котелок и принялся внимательно разглядывать его верхушку. – Поразительная сила? Что же хирург, что думает он?

– Он с этим согласен.

– Ах! но не более того, а? Всего-навсего поразительная сила?

Гримсби буквально насторожил уши.

– Не понимаю, к чему вы клоните, мистер Клау, – сказал он.

– Вы заметили что-то еще?

Морис Клау положил котелок на столик.

– Заметил я кое-что иное, мистер Гримсби, и на секунду показалось мне, что совпали ваши мысли с моими, – ответил он.

– То было лестное заблуждение. Прошу меня простить. Пепельница эта, – он поднял пепельницу, стоявшую на столике рядом с его котелком, – немалый представляет интерес. Согласны ли вы, что интерес тот велик, мистер Сирльз? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я лишь беспомощно разглядывал пепельницу. Обычная латунная пепельница со сгоревшими спичками и окурками. Я не видел в ней ничего необычного, так что мог только отрицательно покачать головой.

– Ах! ...

Двумя длинными желтыми пальцами Морис Клау осторожно извлек из пепельницы окурочек. Он поставил пепельницу на место и продемонстрировал нам свою добычу.

– Смотрите же, что я нашел! – сказал он.

Инспектор Гримсби был теперь откровенно удивлен и вдобавок явно раздражен. Да и сам я, хоть и был неплохо знаком со своеобразными методами Мориса Клау, никак не мог уяснить, что он имеет в виду.

– Друзья мои, – продолжал он, по очереди посматривая на нас и держа окурочек на весу, точно лектор, показывающий студентам образец, – пред вами сигарета, порок, убивший множество людей. Знал я женщину, повешенную из-за булавки, но также многих мужчин и женщин, погибших благодаря сигаретам.

Клау достал из кармана портмоне и бережно поместил внутрь окурочек.

– Минуточку, мистер Клау! – воскликнул Гримсби. – Если это вещественное доказательство – хотя, клянусь всем на свете, я не в состоянии понять, что может доказать этот окурочек...

– Поймите же! – вскричал Морис Клау. – Я, дурацкий старик из Уопшинга, вижу здесь веревку палача!

Он закрыл портмоне.

– Но... – снова начал Гримсби.

– Но попрошу без но! – отрезал Морис Клау. – В руках моих является это уликой, для вас остается окурком сигареты. Слушайте же!

Прозвенел звонок.

– Это Изида. Договорился я с нею встретиться здесь. Не будете ли так добры, мистер Гримсби, открыть дверь?

Гримсби с готовностью подчинился. В студию вошла прекрасная Изида, одетая в изысканное платье. Она одарила меня приветственной улыбкой, эта восхитительная дочь странного отца и, пока инспектор уважительно придерживал дверь, изловчилась внести в мастерскую, не задев дверной проем, большой коричневый бумажный мешок.

– Ах! – воскликнул Морис Клау. – То моя одически стерильная подушка. Помести ее здесь, дитя мое.

Он указал на пол.

– Прочие дела не позволяют мне спать здесь долее двух часов, но за это время надеюсь я следы уловить эфирной бури в сознании убийцы – либо же последний всплеск эмоций в мозгу жертвы. Нечто уловлю я, несомненно, ибо преступление это не есть обычное.

Изида Клау развернула бумажную упаковку, достала красную шелковую подушку и положила ее на то место, где было найдено тело убитого.

Я отвернулся, содрогаясь. Я не мог поверить, что какой-либо человек способен по доброй воле лежать и тем более спать на этом проклятом месте. Но именно так намеревался поступить Морис Клау, и у меня не было сомнений, что он претворит свое намерение в жизнь.

– Изида, дитя мое, – сказал он. – Пробуди меня через два часа.

Морис Клау снял свой плащ с пелериной, под которым обнаружился потрепанный твидовый костюм, расстелил плащ на ковре, вытянулся на нем во всю длину своего худого тела и опустил голову на подушку.

– Джентльмены, – произнес он своим необычайным громающим голосом, – предоставьте меня моей дреме. Быть может, когда проснусь я, буду знать больше о человеке, что курил, – и он похлопал по своему боковому карману, – эту сигарету.

Мы вышли из студии через дверь, ведущую в сад. Изида выходила последней, и до меня донесся голос ее отца:

– Изида, дитя мое, окажи доброту потушить свет.

Оставив эксцентричного исследователя на этом таинственном и ужасном сторожевом посту, мы направились в дом. На Гримсби было жалко смотреть, так боялся и одновременно мечтал он поговорить с Изидой; пожалев его, я отправился на розыски Паркера, слуги убитого художника, решив добыть у него хоть какие-то полезные сведения. Но все мои усилия ровно ни к чему не привели.

– У него не было ни единого врага на свете, сэ, – взволнованно заявил слуга. – Лучший хозяин, который у меня был или когда-нибудь будет. Не стану отрицать, что у него случались небольшие увлечения, сэ, но ни одно из них не оставило по себе горького чувства. Поверьте мне, женщина здесь не замешана, что бы ни говорили люди из Скотланд-Ярда.

И впрямь, чем больше я размышлял над обстоятельствами дела, тем более необъяснимыми они казались.

К примеру, не видно было никаких признаков борьбы. Если же она и имела место, убийца, прежде чем скрыться, тщательно уничтожил все следы схватки. Едва ли стоило надеяться, что детективам из Скотланд-Ярда удастся найти отпечатки пальцев. Но острое восприятие Мориса Клау не раз позволяло ему обнаружить ключ к загадке там, где все остальные в бессилии разводили руками; и пусть его поведение могло показаться странным, я хорошо знал – в условиях, что по мнению Клау складывались на сцене насильственного преступления, его подсознательный разум, который он именовал «астральным негативом», чаще всего способен был уловить некие остаточные знаки событий.

В назначенное время мы возвратились в студию и нашли ее ярко освещенной. Войдя, мы увидели Мориса Клау: он увлажнял вербеной свой высокий, бледный лоб. Он наклонился и поднял свой плащ с пелериной.

– Ах, друзья мои, – сказал он, – многие законы, что правят деятельностью разума, предстоит нам классифицировать. Я так думаю; воистину. Почему иные эмоции, – он взмахнул длинными руками, – оставляют печать неизгладимую, другие лишь преходящую, третьи же исчезают бесследно? Задаю себе тот вопрос, и некому ответить. И потому невежественны мы и глупы. Нынче ночью, – он заговорил тише, – свершаю я убийство голыми руками! Да! Я убийца! Мой мотив –

– Да, да! – в нетерпении воскликнул Гримсби.

– Нет, нет! – неодобрительно глянул на него Морис Клау. – Мотив мой бьется у меня в мозгу, стучится во втором разуме, подсознательном разуме. Себя не вижу я, не разгляжу и жертвы. Но я слышу, я слышу. Слышится мне звук!

– Звук, – прошептала Изида. – Тот ужасный звук, его предсмертный крик?

– Нет, нет! – заверил ее отец. – Слышится мне прекрасный звук!

IV

Шло время, но по делу об убийстве в студии никто так и не был арестован. Новые скандалы привлекли внимание публики; разговоры об убийстве в Челси постепенно сходили на нет, преступлению уделялось все меньше места в прессе и наконец статьи о нем совершенно исчезли с газетных страниц.

Между инспектором Гримсби и Морисом Клау определенно пробежала кошка.

– Либо он врет, либо что-то скрывает, – заявил мне инспектор. – Для чего он сохранил сигаретный окурочек? И что за чертов звук он услышал, или посчитал либо притворился, что услышал? Знаю только, что я выставил себя идиотом. Нет ни малейшей зацепки.

Признаюсь, я сочувствовал Гримсби. Он привык к тому, что все его трудности разрешает гений из лавки близ Старой лестницы в Уоппинге; в деле об убийстве в Челси инспектор

понадеялся, что Морис Клау вновь послужит ему светочем во тьме, тот же, несомненно, пообещал больше, чем в силах был выполнить; великий человек не оправдал надежд.

Страшный удар для инспектора уголовной полиции Гримсби и, должен сказать, причина немалого моего удивления! Непосредственными доказательствами я не располагал, но все же имел определенные основания полагать, что Морис Клау не сидел сложа руки. Дважды я наталкивался на него и прелестную Изиду неподалеку от Квинс-холла*; вторая встреча была краткой – Клау, садясь в ожидавший автомобиль, проронил:

– Мистер Сирльз, скажите ему, этому инспектору сыскной полиции, что работе время, но и потехе час. Посоветуйте музыку ему. Скажите, что должно ему порой урвать часок и на концерте отдохнуть от праведных трудов.

Я тотчас сообщил об этой беседе инспектору Гримсби; никогда еще не видел его в такой ярости.

– Он водит меня за нос! – вскричал Гримсби. – Не скоро я вновь обращусь к нему за помощью! Концерты! Да неужели мне нечего делать, кроме как посещать концерты?

Так обстояли дела к тому моменту, когда Лен Хассет, знакомый мне график, чьи работы начинали завоевывать признание, снял дом и печально известную мастерскую, где встретил свою смерть бедный Пайк Уэбли.

Хассет считался ультра-модернистом и был наделен болезненным, меланхолическим воображением; хотя он уверял, что его влекла атмосфера преступления, я подозревал и был даже убежден, что низкая арендная плата, соответствовавшая дурной славе дома и мастерской, куда больше повлияла на его решение. Как бы то ни было, вскоре я получил приглашение на новоселье; в тот же день мне телефонировал Морис Клау.

* Квинс-холл – концертный зал в центральном Лондоне, открывшийся в 1893 г. и славившийся превосходной акустикой; в конце XIX и первых десятилетиях XX вв. считался лучшим концертным залом Англии; был разрушен во время одной из немецких бомбежек Лондона в 1941 г.

– Доброе утро, мистер Сирльз, – прозвучало в трубке его грохочущее приветствие. – Опять очень мокро на дворе. Сей отвратительный английский климат приносит несчастья. За одну неделю потерял я двух мармозеток и перувианскую белку. Они видят дождь и туман, они чихают, они кашляют, они умирают. Должен я попросить вас об одолжении, мистер Сирльз: раздобудьте для меня и Изида приглашение на вечеринку мистера Лена Хассета в новой его мастерской.

– Не составит труда, мистер Клау, – ответил я, пытаюсь ничем не выдать свое изумление. – Мы с мистером Хассетом старые друзья. Достаточно мне упомянуть ваше имя, и вы будете с радостью приняты.

Я не сомневался, что Изида будет встречена восторженно, однако, представляя себе эксцентричного Мориса Клау в окружении подобного общества, не мог не понимать, каким чудачком он покажется гостям. Тем не менее, я не сомневался и в том, что Клау руководствовался чем-то более серьезным, нежели жаждой развлечений, и потому поспешил выполнить его просьбу.

Морис Клау заехал за мною на «даймлере»; в автомобиле, с царственным видом, в накидке, подбитой мехом горностая, сидела Изида. Жизнь этой странной пары, двух таких разных людей, окутывала завеса таинственности – никогда еще я не сознавал это так остро, как во время той поездки в Челси.

Кем, спрашивал я себя, был Морис Клау, непостижимый гений, так охотно предлагавший свои услуги хранителям закона и порядка? – торговец зверями и птицами, ветхой мебелью и заплесневелыми книгами? – человек, живший в одном из самых неприглядных районов Лондона? – кем был этот человек, чья дочь обладала непревзойденной красотой, одеяниями и драгоценностями, которые никак не могли быть приобретены на жалкие заработки антиквара из Уоппинга? Мои размышления вновь и вновь возвращались к этим вопросам, но никакого ответа на них дать я не мог.

Прибыв в Челси, мы поздоровались с хозяином в вестибюле дома; после того, как все были представлены друг другу, а красота Изиды заставила скрежетать зубами прочих хорошеньких женщин, я в компании дочери Мориса Клау вышел в сад, направляясь в студию, где уже собрались некоторые гости. Мы на мгновение задержались и заглянули в окно мастерской.

С десяток человек собрались у пианино в дальнем конце мастерской; ближе к нам сидел в высоком кресле у горящего камина странного вида гость с худощавым лицом, глядя черного кота, который устроился у него на коленях. Пляшущие отсветы пламени бросали странные тени на резкие черты его лица: то оно казалось улыбающимся и добродушным, то – секунду спустя – дьявольской маской.

Игра воображения, несомненно; но, когда я обернулся к Изиде и мы двинулись к двери, она в волнении прикусила губу.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего, – ответила она. – Какой неприятный человек сидел там у камина!

В скором времени мы познакомились с ним, а также с черным котом (последний, как выяснилось, принадлежал Лену Хассету). Гость оказался Сержем Скобелевым, русским пианистом, чья слава ширилась день ото дня. Его любопытные маленькие глазки с вождением уставились на Изиду; девушку так и передернуло от отвращения.

Веселье все разгоралось, пели песни, начались и танцы; выбрав правильный момент, когда следовало уступить просьбам Хассета, Скобелев согласился сыграть.

– Кстати, – заметила дама-журналистка, сидевшая на полу рядом со мной, – Скобелев сочинил немало вещей, но ни одна из них не была опубликована.

– Ах! – раздался хриплый шепот. Я оглянулся через плечо и увидел, что за нами, в тени, прячется Морис Клау. – Сколь странно! Он отказывается публиковать свои сочинения?

– Решительно! – потрясенно сообщила дама. – Он считает, что никто другой не сможет их исполнить.

– В самом деле? – прохрипел Морис Клау. – Быть может, он прав. Сейчас мы сами услышим и рассудим.

Он смолк. Музыкант, сев за пианино, заговорил:

– Леди и джентльмены, – произнес он на ломаном английском. – Вам известно, что друг всех нас, добрый старый Хассет, снимает эту мастерскую, потому что в ней обитает призрак. В ней сделано преступление, о да, и я сыграю вам прелюдию, которую недавно сочинил. В своем сочинении, что подходит к случаю, я пытаюсь выразить музыкой жажду кровопролития.

Последовало смущенное молчание; он помедлил и заговорил снова:

– Некоторые из вас знают, что все мои композиции являются эмоциями, попытками изобразить впечатления с помощью аккордов. Некоторые впечатления недоступны, изобразить их невозможно – ибо атмосфера, атмосфера, это главное! Теперь я изображу вам историю этой студии.

Произнеся свою речь, он начал играть; раньше мне не доводилось его слышать, и с первых же нот я понял, что своим инструментом музыкант владел мастерски. И в самом деле гений, подумалось мне. И тема, и ее обработка были необычайны, гротескны. В его манере игры было нечто, что не поддавалось объяснению; он обладал поразительной, сверхъестественной силой.

Но вот прелюдия закончилась, и наступила тишина, которая была красноречивей любых аплодисментов.

Она длилась лишь мгновение, конечно. Раздались восторженные восклицания. Но для меня это мгновение тишины оказалось достаточно долгим, чтобы услышать за спиной шорох – Морис Клау извлек свой пузырек. Когда аплодисменты и возгласы стихли, прямо над ухом у меня раздался его голос:

– Эта прелюдия дурной имеет запах. Скоро, дитя мое, Изида, отправимся в путь. Поздно становится. Быть может, мистер Хассет позволит мне телефонировать шоферу, так как отпустил я его? Можно ли? прекрасно. Сколь чудесна сия прелюдия.

Скобелев оказывал Изиде Клау все более смелые знаки внимания. Затем отец что-то шепнул ей, и я с удивлением заме-

тил, что она перестала избегать русского пианиста и даже снизошла до улыбки. Когда прибыл автомобиль, Клау предложил отвезти Скобелева в отель, и тот, как я и ожидал, принял это предложение.

Откровенно признаюсь, что музыкант мне не нравился. Он не понравился мне с первого же взгляда, и более близкое знакомство ничуть не изменило мое первое впечатление. Изиде, сомнений быть не могло, он также был противен. Поэтому я рассудил, что она играет предназначенную ей роль, хотя цель этой постановки оставалась для меня непонятна.

Всю дорогу от Челси до отеля Морис Клау разглагольствовал о музыке: я и не знал, что он разбирается в музыкальных материях. Видимо, Клау решил потешить невероятное самолюбие Скобелева, ибо этот человек и впрямь казался памятником собственному тщеславию. Путь он и был гением, но характер у него был отвратительный.

Я подозревал, что Скобелев постарается задержать нас в отеле – точнее, задержать Изиду Клау (едва ли стоило сомневаться, что он с радостью избавился бы и от Мориса Клау, и от меня). Однако я не был готов к тому, что Клау согласится зайти на огонек к Скобелеву.

Мы вышли из автомобиля; я колебался, не зная, принять ли нехотя сделанное приглашение музыканта либо отправиться пешком домой – как вдруг заметил хорошо знакомое мне выражение в глазах Клау, блестевших за стеклами пенсне.

Я внезапно осознал, что мне уготована роль второстепенного актера в таинственной комедии, поставленной гением из антикварной лавки близ Старой лестницы в Уопинге.

Русский занимал роскошный номер, и в конце концов Морис Клау с притворным вздохом поддался на его настойчивые уговоры выпить стаканчик вина перед возвращением домой.

Скобелев, как мог, старался проявлять радушие: предложил нам сигары и сигареты, откупорил бутылку «Боллинджера»*.

* Известная марка шампанского, существует с 1829 г.

Мы с Клау курить не стали, но Изида приняла сигарету; сидя на кушетке, она молча выпускала кольца дыма и следила за тщеславным русским музыкантом сквозь полуопущенные ресницы.

В номере стоял рояль. Морис Клау, так и не прикоснувшийся к вину, попросил Скобелева еще раз сыграть нам прелюдию, которую мы слышали в мастерской Хассета.

Пианист пожал плечами, бросил взгляд на Изиду и сел за рояль. Он бросил дымящуюся сигарету в маленькую пепельницу, любовно прикоснулся к клавишам, и моя душа вновь застонала, истерзанная звуками его музыки.

Когда замер отзвук последнего аккорда, заговорил Морис Клау:

– Прекрасно, великолепно. Просто великолепно. А теперь, – он поднялся на ноги, – старый я, надоедливый человек, рассеянный старый дуралей. Могу ли я телефонировать шоферу? Я только что вспоминаю, что Изида оставляет в машине свою горностаевую накидку. Не так ли, дитя мое?

– О Боже, да! – воскликнула Изида.

Клау неуклюже обошел вокруг рояля, пересек комнату, снял трубку телефона и отчетливо произнес:

– Будьте любезны попросить шофера мистера Мориса Клау принести из машины плащ. Да, хорошо, прекрасно.

Он повесил трубку и обернулся к нам, пожимая плечами:

– Столь соблазнительна та накидка, – пояснил он, – для рыщущего в ночи татя.

Я заметил, что Изида внезапно побледнела. Она вскочила с кушетки и пожирала глазами Скобелева. Музыкант, похоже, не без удовольствия встречал взгляд прекрасных черных глаз – как вдруг раздался властный стук в дверь.

– Войдите! – отрывисто приказал русский.

Дверь отворилась. На пороге стоял инспектор уголовной полиции Гримсби!

Морис Клау мотнул головой в направлении Скобелева. Застыв от удивления, я услышал, как Гримсби сказал:

– Серж Скобелев, вы арестованы по обвинению в убийстве Пайка Уэмбли, совершенном в его мастерской вечером четырнадцатого ноября. Должен предупредить вас –

Но продолжения не последовало.

Издав звук, который я могу сравнить лишь с рычанием дикого зверя, Скобелев бросился на инспектора, сжал руками его шею и швырнул его на пол!

Гримсби обязан своей жизнью Морису Клау. Русский, упираясь коленями в грудь Гримсби, буквально выдавливал из него жизнь, когда Клау с удивительным проворством метнулся вперед. Он склонился над убийцей и сделал какое-то несложное движение руками, благодаря которому Скобелев оказался лежащим на спине.

Безумец мгновенно вскочил на ноги; даже сейчас мне порой видится во сне его дьявольское лицо, искаженное злобой, какую едва ли встретишь в человеке. Он сжимал и разжимал пальцы, содрогаясь в ужасных, яростных конвульсиях и переводя глаза с Грисби (который медленно, с большим трудом начал подниматься на ноги) на Изиду, на Мориса Клау, на меня. Затем, разразившись хохотом, он подбежал к высокому окну, рас-

пахнул створки, выпрыгнул на карниз и с последним безумным воплем ринулся вниз, во двор, с высоты шестидесяти футов!

VI

Всякий скажет, – объявил Морис Клау, – что провалился он, сей старый дуралей из Уоппинга: как сможет мертвый в содеянном признаться, и зачем газетам сообщать публике, отчего этот бедный русский прыгает из окна?

Он пожал плечами и обвел взглядом мой кабинет.

– Вы говорите мне: «Что за звук слышали вы, когда спали в мастерской?» и я не отвечаю вам, ибо вы не поймете, – продолжал он, обращаясь к Гримсби. – Теперь поведаю вам. Слышал я, друг мой, аккорд в соль минор! О, качаете вы головой! Знал я, что трести головой вы станете. Но осторожней, не потрясите мозг. Вот что слышал я, и вот что пребывало в разуме преступника, когда свершал он убийство – аккорд в соль минор, мистер Гримсби! Я, старый дуралей, имею чувство музыки, и тот аккорд интригует меня. Почему? Потому, что сыграть его невозможно – и все же я слышу звук фортепиано!

– Невозможно сыграть! – воскликнул Гримсби.

– Не взять тот аккорд никому, друг мой, лишь человеку с громадными руками! И еще, старина Гримсби, задушить Уэбли также способен был лишь человек с громадными руками! Вот что вижу я сразу, глядя на тело, и в одну секунду посещает меня абсурдная мысль, что видите то же и вы. Руки у меня не маленькие, но я не в силах дотянуться до отметин, что оставило на горле Уэбли задушившее его чудовище. Услышав тот аккорд, я спрашиваю себя, я размышляю и понимаю, что сыграть его нельзя, и говорю себе: «О да! музыкант с громадными руками!». И я разыскиваю его и слушаю его музыку. Кроме того, есть у меня еще одна улика – сигарета с гашишем!

– Какая сигарета? – пробормотал Гримсби.

– С гашишем, друг мой – сигарета с наркотиком, с индийской коноплей; редки подобные в Англии. В пепельнице, среди дюжины других, различил я ее сразу. Не странно ли, – как влечет убийцу на место преступления? Вот почему, узнав о новоселье, собираюсь я поехать. Быть может, то была случайность – или нечто иное. Был он безумный гений, этот Скобелев. Познать пытался он высшее чувство и сочинять высшую музыку. Возможно, удалось ему. Кто в силах сказать? Но композиции его жить не в состоянии – ибо не дано никому исполнить их, во всяком случае, на рояле. Где повстречал он беднягу Уэбли? Кто в силах сказать? Были знакомы или встретились на улице. Человек богемы Уэбли. Он приглашает Скобелева в уединенную студию. Превосходно! Улик не будет. То шанс Скобелева – познать эмоцию убийства и благополучно избежать расплаты! Нынче слышу я снова аккорд, что слышал во сне; вижу я его громадные руки. Но в мастерской не курит он, куда к себе не возвращается. Того я и ждал, той финальной улики! Смотрите!

Клау извлек из портмоне два одинаковых окурка.

– Нынешним вечером, в студии, я слышу наконец аккорд из сна – аккорд в соль минор! Телефоную вам, старина Гримсби, но думаете вы, что старый я глупец. Говорю я: «Спешите в Челси. Я жду». Подчиняетесь вы, но неохотно. Говорю я: «Когда мы окажемся на месте, пошлю я сигнал – накидка в автомобиле, входите». Вы входите и позволяете душителю бежать из рук закона.

Он пожал плечами, поднял с пола коричневый котелок, вытащил свой пузырек и увлажнил лоб вербеной.

– Ум мой горит, – пояснил Клау, – то деятельность интеллекта. Однако ваш мозг, друг мой, – добавил он, оборачиваясь к инспектору Гримсби, – весь холоден, как лед.

Эпизод восьмой

ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ МУМИИ

I

Мой эксцентричный друг, Морис Клау, наиболее успешно, без сомнения, разгадывал тайны, связанные с причудами человеческого разума или историей каких-либо древних артефактов.

Я видел, как его теория «циклов преступления» торжествовала снова и снова; не раз удавалось ему показать, как история драгоценного камня или любопытного предмета старины автоматически повторяет себя, словно подчиняясь неизведанным законам вероятности, которым он уделял особое внимание в своих исследованиях. Странная способность Клау – тщательно культивируемая в ходе уединенной, скрытой от постороннего глаза работы – извлекать из воздуха, или эфира, если вам будет угодно, мыслительные формы – идеи, порожденные лихорадочно действующим мозгом преступника, которого разыскивал Клау – позволяла ему добиваться успеха там, где любой другой исследователь или сыщик неминуемо потерпел бы поражение.

– Уничтожают они, – произносил он своим странным, громыхающим голосом, – неуклюжие орудия преступления; прячут они нож, топор; вытирают они кровь, бросают отмычку, мертвеца, задушенного бедного младенца, в канаву, в озеро – и нетронутым оставляют одический негатив, фотографию своего греха, мыслительную форму в воздухе!

В этом месте Клау обыкновенно останавливался и со значением барабанил пальцами по собственному лбу.

– Здесь, на чувствительной этой пластине, я воспроизвожу улики, что приведет их на виселицу! Безголовое ди-

тя захоронено в саду, но мысль обезглавливателя кружит вокруг. Я улавливаю ее. Бах! вот болтается он на веревке – этот детоубийца! Я триумфатор. Он мертвец. Великое искусство – искусство одической фотографии!

Однако ниже я хотел бы рассказать о деле, в котором Морис Клау сумел продемонстрировать свои поразительные познания в области археологии и истории древностей. Необычайное заведение Клау в Уопшинге, где громоздились товарные запасы этого предполагаемого антиквара и обитали белые крысы, певчая канарейка и вечно изрыгавший ругань попугай, служило также библиотекой, причем библиотекой, по всей видимости, уникальной. В ней имелись редкие труды по криминологии и каталоги всех известных европейским коллекционерам предметов старины с подробнейшей историей каждого из них. Что еще имелось в этой библиотеке, сказать не берусь, так как в роли библиотекаря прелестная Изида Клау ревностно охраняла секреты книжного собрания.

Читатели этих записок уже познакомились с Корамом, куратором музея Мензье; именно от Корама я впервые услышал о необъяснимой расправе с мумиями, которая началась с мумии жрицы Гор-анкху, находившейся во владении Петтигрю, и достигла размеров истинной эпидемии. Невозможно вообразить преступление более бесцельное, чем обезглавливание трупа человека, жившего в Древнем Египте; я был изумлен, узнав о первом случае, и совершенно поражен, когда и другие мумии начали таинственным образом терять свои головы. Но обращаюсь к самому первому случаю, о котором сообщил мне Корам.

Он позвонил мне рано утром.

– Послушайте, Сирльз, – сказал он, – произошло кое-что чрезвычайно странное. Помните, я говорил вам о Петтигрю, коллекционере? Живет он в Уондсфорде* и является одним из наших попечителей. Какой-то умалишенный грабитель прошлой ночью забрался к нему в дом, ничего не взял, но отрезал голову у ценной мумии!

* Район в юго-западной части Лондона.

– Боже правый! – воскликнул я. – Каков оригинал!

– Да, в самом деле, – согласился Корам. – Полиция пребывает в недоумении. Я знаю, что вас интересуют подобные случаи, и подумал, что вам любопытно было бы съездить туда и поговорить с Петтигрю. Сказать ему, что вы его навестите?

– Непременно, – ответил я и немедленно приступил к исполнению плана.

Около одиннадцати утра я явился в мрачный георгианский дом, который стоял в отдалении от главной дороги и был окружен запущенного вида кустарником. Меня встретил Марк Петтигрю – личность, хорошо знакомая всегдашним аукционерам «Сотбис»: маленький, сморщенный бритый человек, чье лицо напоминало высушенный абрикос. Большую часть этого лица занимали громадные очки, но глазки коллекционера весело поблескивали за ними, а юмор его был суховат и выдержан, как и весь Петтигрю.

– Рад видеть вас, мистер Сирльз, – сказал он. – Вы уже сталкивались со странностями, мне помнится. Два констебля, внушительного вида инспектор и джентльмен в штатском платье, смахивавший на коня, побывали у меня утром. Все их старания увенчались лишь некоторым беспорядком в доме. Быть может, вам удастся высказать хотя бы какие-то разумные соображения.

Он провел меня в большую темноватую комнату, где с музейной аккуратностью были расставлены снабженные этикетками древности, в основном египетские. Петтигрю остановился у деревянного саркофага, в котором покоилась запеленутая мумия, и указал на нее рукой. Могло показаться, что он сам только что выбрался из такого же саркофага.

– Гор-анкху, – сказал он, – жрица Секхет*; превосходный образчик, мистер Сирльз. Я имел честь присутствовать

* Секхет (в общепринятом и более частом варианте Сехмет) – древнеегипетская богиня войны, защитница фараонов, олицетворявшая разрушительную солнечную силу и изображавшаяся с головой львицы.

при находке этой мумии. Смотрите – вон ее голова!

Он наклонился и поднял голову мумии. Голова была освобождена от покровов и отделена от тела опытной рукой привычного к научной работе человека. От нее исходил резкий запах смолы, а сморщенные черты лица мумии напомнили мне, конечно же, мистера Марка Петтигрю.

– Доводилось ли вам сталкиваться с чем-либо более бессмысленным? – спросил он. – Пойдемте, я покажу вам окно, через которое грабитель забрался внутрь.

Мы пересекли темное жилище, и коллекционер обратил мое внимание на дыру, просверленную в одном из балконных окон; балкон выходил на миниатюрную пустыню, некогда служившую газоном.

– Я распорядился поставить ставни, – продолжал он. – В стекле нетрудно проделать отверстие и открыть задвижку окна.

– Пожалуй, – согласился я. – Кто-нибудь слышал шум?

– Самое невероятное, что никто ничего не слышал! – в волнении отвечал Петтигрю. – В распоряжении грабителя была вся ночь, перед ним были витрины, полные сравнительно небольших и действительно бесценных предметов, и тем не менее он всего-навсего обезглавил жрицу. Зачем только ему понадобилась ее голова? И если уж понадобилась, какого дьявола он не унес ее с собой?

Мы обменялись недоумевающими взглядами.

– Боюсь, я был несправедлив по отношению к лошадиному гостю, этому кентавру от уголовной полиции, – заметил Петтигрю. – У вас такой же глупый вид, как и у всей полицейской братии!

– Я чувствую себя довольно глупо, – признался я.

– Вы и впрямь глупы! – с радостной бесцеремонностью заверил меня Петтигрю. – Глуп и я, глупы и полицейские; но глупее всех тот дурак, что забрался сюда прошлой ночью и отрезал голову у моей мумии.

Вот и все, что я могу сообщить о первом из череды таинственных случаев. К вящему раздражению Петтигрю, мне не удалось выдвинуть не единой теории, которая объяснила бы все факты; вновь удостоверившись в моей

глупости, он настоял на том, чтобы мы вместе распили бутылку шампанского. Затем я возвратился к себе, убедился в бесполезности дальнейших размышлений и выбросил из головы эту странную историю. Вечером, однако, раздался телефонный звонок – это был инспектор Гримсби из Скотланд-Ярда.

– Здравствуйте, мистер Сирльз, – сказал он. – Я слышал, что утром вы побывали у мистера Петтигрю?

Я ответил утвердительно.

– Что-нибудь показалось вам достойным внимания?

– Нет. Вы расследуете дело?

– Не расследовал – но теперь расследую.

– Что случилось?

– Видите ли, в аукционном доме «Сотбис» кто-то отрезал голову еще у одной мумии!

II

Я хорошо понимал, чего ждет от меня Гримсби.

– Где вы сейчас? – спросил я.

– В аукционном доме.

– Встретимся там через час. Я попытаюсь привезти Мориса Клау, если сумею его найти.

– Очень хорошо, – довольно отвечал Гримсби. – Дело будто создано для него.

Не теряя времени, я помчался в такси к тому опасному для здоровья месту, что именуется Старой лестницей в Уоппинге. У тупика, где обитает Клау, я велел шоферу ждать. Дрожащий свет газового фонаря близ неприглядного фасада лавки едва рассеивал туман. Поблизости шумела река. Где-то раздавалась пьяная песня. Старуха, похожая на театральную марионетку, скептически разглядывала стул красного дерева со сломанной спинкой – один из экспонатов, громоздившихся у заведения Мориса Клау.

Над единственной покупательницей навис неопрятно одетый человек, носу которого постоянно приходилось

краснеть, стыдясь невоздержанности владельца. Это был Уильям, чью должность в заведении Клау я так и не смог уяснить; видимо, в периоды трезвости он играл роль продавца.

– Добрый вечер, – сказал я. – Дома ли мистер Морис Клау?

– Дома, сэр, – прохрипел пьяница. – Но он очень занят, сэр, так мне кажется, сэр.

– Скажите ему, что пришел мистер Сирльз.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Уильям. Обернувшись к даме, он произнес:

– Вы уже со всех сторон облапали этот стул, мэм, так не хотите ли его наконец купить?

С этими словами Уильям растворился в темных недрах лавки; я последовал за ним и остановился у тускло освещенного прилавка.

– Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол!

Так объявил о моем появлении невидимый попутай. Неопишуемые запахи зоопарка, смешиваясь с затхлыми ароматами заплесневелых книг и благовонием полусгнившей мебели, предприняли дружную атаку на мое обоняние; к ним присоединились безошибочные ароматические следы жизненной деятельности рептилий. Везде слышалось шуршание и царапанье, то и дело прерываемое чьим-то визгом. Затем раздался громоподобный голос Мориса Клау.

– Ах, мистер Сирльз – добрый вечер, мистер Сирльз! Мумия Петтигрю, я полагаю?

Он выдвинулся из тени – массивная фигура, готовая к путешествию: плащ с пелериной, бесцветная, по обыкновению растрепанная борода, высокий и желтый, как у китайца, лоб.

– Произошел второй случай, – сказал я. – В «Сотбис».

– Неужели? – с интересом переспросил Морис Клау. – Еще одна мумия казнена!

– Инспектор Гримсби попросил нас приехать.

Морис Клау нагнулся и извлек из-под прилавка свой коричневый котелок. Достав из котелка цилиндрический

пузырек, он добавил к симфонии менее приятных запахов аромат вербены.

– Охлаждающий римский обычай, мистер Сирльз, – загромыхал он. – Так освежает, когда живешь с крысами. Итак, мистер Гримсби снова недоумеует? И мистер Гримсби желает, чтобы бедный старый дурак подержал лампу, пока он будет доставать из темноты свои почести! И почему бы и нет, мистер Сирльз, почему бы и нет? Его дело, мое удовольствие.

Он повысил голос:

– Изида! Изида!

В дрожащем свете газовой лампы, откуда-то из глубин кошмарного жилища, возникла Изида Клау – видение, казавшееся здесь гораздо более неуместным, чем модная французская картинка в каталоге торговца скобяным товаром. На ней было платье салатного цвета, совершенно гладкое и лишенное каких-либо украшений, что лишь подчеркивало его изысканный покрой. Платье было низко вырезано у шеи, и в той точке, где сходились линии декольте, висел на тонкой золотой цепочке большой изумруд. Ее смуглое прекрасное лицо способно было вдохновить художника, искавшего модель для образа царицы Савской, но шляпка из какой-то тонкой, просвечивающей черной ткани, так и говорившая о своем парижском проис-

хождении, придавала ее облику сверхсовременный вид. Она одарила меня чудесной улыбкой.

– Вы куда-то собирались? – спросил я.

– Услышав, кто пришел, – загремел Морис Клау, – я понимаю, что время собираться; и вот мы готовы!

Он водрузил на голову древний котелок и вышел из лавки.

– Уильям, – наставительно обратился Клау к красноречивому продавцу, – слышен мне запах эля в четыре пенса. Погубит он тебя, Уильям. Ты закроешь в половине десятого, и ты проследишь, чтобы кот не оказался в ящике с белыми мышами. И пусть тот козел не жует голландские лампочки. Они убьют его, этого козла – эти лампочки; питает он к ним страсть.

Мы сели в ожидавшее такси и через полчаса прибыли к зданию знаменитого аукционного дома. Двери оказались заперты, но констебль, стоявший на посту снаружи, очевидно, получил указание нас впустить.

То, ради чего мы приехали, лежало на столе; прямо над столом горела электрическая лампа. Зрелище показалось мне неописуемо странным. Повсюду, куда ни кинь взгляд, скрывались в тени и словно насмехались над нами самые удивительные «лоты». Утром должна была состояться распродажа одной весьма известной частной коллекции. Вдоль одной из стен стояла шеренга мумий, у противоположной стены выстроились фараоны, боги и богини, презрительно глядя на нас из мрака. Мы были единственными живыми в этом царстве давно умерших людей и статуй. На столе, желтея в белом свете и разбросав полосы частично размотанной, бесцветной льняной ткани, подобные отвратительным щупальцам, лежала обезглавленная мумия!

Я услышал за спиной шуршание и почувствовал слабый запах вербены.

– Фуф! – раздался гроыхающий голос. – Сей воздух полон мертвости!

– Добрый вечер, мистер Клау, – сказал инспектор Гримсби, появившись откуда-то из темноты. – Я так рад, что вы смогли приехать.

Он поклонился Изиде.

– Как поживаете, мисс Клау?

Фигурка в ярко-зеленом платье вступила в круг света. Пожалуй, трудно вообразить более невероятную картину, чем вид Изиды Клау, склонившейся над безголовой мумией. Эта сцена пришлась бы по вкусу Рембрандту!

– Счастлив познакомиться с вами, мистер Клау, – сказал джентльмен средних лет, который тем временем подошел к антиквару. – Инспектор рассказывал мне о вас.

Морис Клау поклонился, его дочь обернулась и кивнула.

– Тот же период, что и мумия Петтигрю, – сказала она. – Возможно, жрец из того же храма. Во всяком случае, они относятся к одной династии –

– Это так познавательно, – захохотал Морис Клау, – и так запугано.

– Поразительно, мистер Клау, – сказал Гримсби. – Если я правильно понял мисс Клау, перед нами мумия человека, который жил в ту же эпоху, что и жрица, чья мумия является собственностью Петтигрю?

– Смотреть не стану я, – пророкотал Морис Клау. – Если говорит то Изида, воистину так.

– Будь я суеверен, обязательно решил бы, что речь идет о некоем проклятии или чем-то не менее фантастическом, – заметил Гримсби.

– Вы именуете проклятие фантастическим, а, друг мой? – спросил Морис Клау. – Но здесь, в собственной вашей стране, видели вы целую семью, которую обрекло проклятие на таинственную гибель. Следите вы за моей мыслью?

Гримсби растерялся.

– В самом преступлении нет ничего необычайного, – пробормотал он. – Какой-то безумец, вооруженный ножом, вечером забрался в помещение. Здесь всегда довольно темно, даже в дневные часы. Загадку составляет лишь его мотив.

– Цель его загадочна, о да, – согласился Клау. – Заснул бы я здесь, дабы получить ментальный негатив надежд его или страхов, этого безумного охотника за головами, однако уже известно мне, что он одержим.

– Одержим! – воскликнул я. Даже Изиды, казалось, была удивлена словами Клау.

– Я сказал, что он одержим, – внушительно продолжал тот. – Он сумасшедший, захваченный одной идеей. Его безумный разум зарядил эфир, – Клау махнул рукой по сторонам, – безумными мыслями. В комнате мистера Петтигрю также обнаружим мы эти уродливые мыслительные формы. Он вне сомнения безумен, наш потрошитель мумий. В данном случае не стану я полагаться на одиоческую фотографию, или же науку Циклов преступления, но только на свою библиотеку.

Никто из нас, я уверен, не понимал, о чем говорит Морис Клау. Мы молчали; до нас доносился приглушенный шум уличного движения на Веллингтон-стрит, а мы стояли вокруг стола, этого современного гроба, где покоилось 4000-летнее тело. Затем Гримсби осторожно спросил:

– Вы ничего не станете осматривать, мистер Клау?

И тогда Морис Клау изумил нас всех.

– Мне явилась мысль! – громко вскричал он. – Проклятие! Явилась мне мысль!

Он схватил свой коричневый котелок, лежавший на столе рядом с обезглавленной мумией.

– Быстрее, Изиды! – воскликнул он и взял девушку за руку. – Явилась мне еще одна мысль, тревожная в крайности! Мистер Сирльз, не могли бы вы пойти с нами?

Гадая, куда и зачем мы направляемся, я последовал за ними, попрощавшись с окаменевшим от удивления Гримсби. Думаю, он был разочарован расследованием Мориса Клау – если этот краткий визит можно назвать расследованием. Кроме того, инспектор Гримсби сожалел, что так недолго пробыл в обществе очаровательной Изиды.

Джентльмен средних лет поспешил за нами и отпер дверь.

– Спокойной ночи, инспектор Гримсби! – сказал Морис Клау. – Спокойной ночи, мистер Некто, кто не был представлен!

– Мое имя Уэлби, – улыбнулся джентльмен.

– Спокойной ночи, мистер Уэлби! – сказал Морис Клау.

III

По пути в Уоппинг Морис Клау развлекал меня историями о путешествиях по полуострову Юкатан. Я еще не встречал человека, который осмелился бы бросить вызов этим неисследованным смертоносным болотам; но Морис Клау болтал о храмах Исамалья* так же непринужденно, как другой рассказывал бы о парижских бульварах. Изида не принимала участия в разговоре, и я заключил, что девушке, повсюду сопровождавшей отца, все же не довелось побывать вместе с ним в джунглях Юкатана.

– В сердце тех лесов, мистер Сирльз, – прошептал Клау, – есть вещи более загадочные, чем безголовые мумии. Известно ли вам, что тайна великих храмов, похороненных в болотах и джунглях и охраняемых лишь змеями и склизкими, ползучими тварями, есть дверь, которую науке только предстоит открыть? Что за люди построили их, каким богам поклонялись там? Предположим, – он наклонился к моему уху, – что имею я ключ к той загадке; заполучу ли я бессмертие? Да? нет?

В беседах, какими бы эксцентричными они ни были, Клау всегда производил впечатление человека, наделенного могучим, необычайным умом и богатейшим, уникальным жизненным опытом. Мне было жаль, что наш разговор прервался – мы прибыли в Уоппинг.

* Исамаль – древний город майя в мексиканском штате Юкатан, позднее испанский колониальный и современный мексиканский город.

Еще издали я заметил, что лавка Мориса Клау погружена во тьму; велев кэбмену ждать, мы прошли мимо склада, за которым перекачивались мутные воды Темзы. Мой эксцентричный спутник извлек из туго набитого кармана плаща ключ и вставил его в замок на двери, похожей скорее на невесть как оказавшийся здесь обломок дощатого, полуобвалившегося забора.

Дверь распахнулась.

– Ах! – прошипел Клау. – Она не заперта!

Он зажег спичку и стал вглядываться в пропахшую неведомыми ароматами тьму.

– Уильям! – загрохотал он. – Уильям!

Но ответа не было. Изида внезапно прикоснулась к моей руке, и мне почудилось, что чудесное самообладание в этот миг изменило ей.

– Что-то случилось! – шепнула она.

Ее отец зажег газовую горелку. Желтоватый свет, разгораясь, вырывал из темноты мебель, картины, клетки для животных, стеклянные витрины, статуэтки, груды дешевых украшений и вставных челюстей, книги и сотни других предметов из необычайного ассортимента Мориса Клау.

Под заваленным всевозможными мелочами прилавком мы обнаружили Уильяма, который лежал на спине, широко раскинув руки.

– Ах! cochon!* – пробормотал Морис Клау. – Налитая пивом свинья!

Он нагнулся, пытаясь приподнять голову продавца. Затем, к моему удивлению, склонился еще ниже и стал подозрительно нюхать воздух. Изида Клау вновь схватила меня за руку; ее черные глаза широко раскрылись, она подавалась вперед, глядя на отца. Клау выпрямился, держа в руке стакан, где еще оставалось несколько капель жидкости – пива, следовало полагать. Он приблизился к горелке и внимательно исследовал жидкость; мы с Изидой про-

* Cochon (франц.) – свинья.

должали наблюдать за ним. В завершение этой процедуры Морис Клау погрузил в грязный стакан длинный палец и поднес кончик пальца к языку.

– Опиум! – произнес он. – Много капель чистейшего опиума поместили в пиво!

Он повернулся ко мне; на лице цвета древнего пергамента появилось странное выражение.

– Мистер Сирльз, вторая моя мысль была хорошей идеей, – сказал он. – Я удивлю вас теперь.

Он провел нас в аккуратный, делового вида кабинет, примыкавший к неопикуемо грязной и захлавленной лавке. Хотя в лавке и во дворе перед нею имелось лишь газовое освещение, в кабинете Клау зажег электрическую лампу. Но мы недолго пробыли в святой святых Мориса Клау, где вдоль стен выстроились сотни книг – малоизвестные труды по криминологии, хроники самых поразительных событий и явлений; миновав еще одну дверь, мы стали подниматься по лестнице, устланной толстым ковром.

Я никогда еще не проникал так далеко в обитаемую часть заведения Мориса Клау; до сих пор пределом моих изысканий оставался кабинет с книгами. Зажглись новые электрические лампы, и я увидел, что мы стоим в просторном холле со стенами, выложенными массивными панелями из мореного дуба. У стен, как часовые, замерли фигуры в рыцарских доспехах; я заметил и несколько великолепных образчиков китайского фарфора. Мне показалось, что я попал в главную залу старинного английского замка.

После мы очутились в большой прямоугольной комнате; признаюсь сразу, что при всем желании мне едва ли удастся ее описать. Как видно, она одновременно служила кабинетом, библиотекой, лабораторией и хранилищем всевозможных диковин от мраморных статуй Будды до бесчисленного множества сапог.

Здесь находилась также плита с духовым шкафом; на персидском кофейном столике красовалась сковородка с жареными сосисками, застывшими в собственном жире.

Более того, свернутый гамак ясно свидетельствовал о том, что эта комната служила и спальней.

В общей сложности, я насчитал в комнате четыре мумии. Одна из них лежала в мусоре на полу, частично развернутая и – обезглавленная!

– Mon Dieu!* – воскликнула Изида, всплескивая руками. – Как жутко это!

Очевидно, она была вне себя от волнения, поскольку в ее речи внезапно послышался отчетливый французский акцент. Морис Клау поднял из кучи мусора у себя под ногами отрезанную голову мумии и вперился в нее взглядом. В наступившей тишине я явственно различал шум речных волн, плеск и потрескивание глубоко под землей: должно быть, во время прилива подвалы дома заливало водой.

Морис Клау разжал руки. Голова с глухим стуком упала на пол.

Он извлек из-под подкладки котелка неизбежный пузырек и увлажнил свой лоб вербеной.

– Нужен мне холодный рассудок, мистер Сирльз, – сказал он. – Мне, хитроумному старому, коварной лисе, грозит поражение! Расправа, что учинена над мумиями, превосходит мои познания. Я в замешательстве; я глупый старый дурак. Дайте мне поразмыслить!

Изида потрясенно оглядывалась вокруг.

– Безусловно, все это кажется сверхъестественным, мисс Клау, – сказал я. – Но отравление продавца говорит о том, что здесь не обошлось без обычных человеческих рук. Если мы сможем привести его в чувство –

– Он не приведется еще двенадцать часов, по меньшей мере, – прервал меня Морис Клау. – В его пиве было достаточно опиума, чтобы свалить с ног носорога!

– Ничего не пропало? – спросил я.

– Нет, – прорычал Клау. – Тать приходил за мумией. Изида, приготовь нам те прохладительные напитки, что

* Mon Dieu – Боже мой (франц.).

охлаждают горячечный разум, а снизу принеси мне седьмой том «Книги храмов».

Изида Клау тут же направилась к двери.

– Изида, дитя мое, – добавил ее отец. – Переставь большую клетку повыше. Опасаюсь, что храп Уильяма пробудить способен белку с Борнео.

Когда девушка вышла, Клау открыл внутреннюю дверь и провел меня в изящную светлую комнату, отличавшуюся поразительной красотой истинно парижского будуара. Воздух был пропитан ароматом роз, ибо вазы с розовыми и белыми розами стояли повсюду. Клау зажег серебряную настольную лампу с прекрасным серебряным абажуром, затянутым, насколько я мог судить, бледно-розовым шелком. Эта комната несомненно принадлежала Изиде и полностью соответствовала образу девушки, казавшейся изысканной парижанкой, в то время как странный амбар, где мы только что побывали, во всем напоминал ее отца.

Изида вернулась, и я впервые увидел ее в подобающем окружении – грациозную фарфоровую фигурку в белой коробочке комнаты. Морис Клау раскрыл пухлый, переплетенный в кожу том, который она протянула ему (кажется, то была французская рукопись) и, пока я потягивал вино, стал быстро перелистывать страницы в поисках необходимой ему ссылки.

– Ах! – вдруг торжествующе воскликнул он, – помнил я смутно, но вот он, ключ. Я переведу вам, мистер Сирльз, написанное здесь: «Книга светильников», открытая лишь жрецу, Панхауру, а им открытая только царице» – Хатшепсут, царице Древнего Египта, мистер Сирльз – «содержалась под замком в тайном хранилище под алтарем, и у каждого верховного жреца храма, причем все они происходили из семьи Панхаура, имелся ключ, и лишь такой жрец мог читать священную книгу». Во времена 14-й династии верховным жрецом был Сетерб, последний из рода Панхаура. После смерти его новый верховный жрец, получив ключ от хранилища, известил фараона, что «Книга светильников» исчезла.

Он положил рукопись на столик, стоявший рядом.

– Изида, – захохотал он, глядя на дочь, – теперь ясно тебе тайна? Не старый ли я глупец?

Клау положил длинную белую ладонь на книгу.

– Мистер Сирльз, имеется только одна копия сего труда, что известна европейским коллекционерам. Знаю я, где находится та копия? Да? нет? Думаю, то мне известно!

В его голосе звучали победные нотки. Говоря по правде, я никак не мог понять, что связывает «Книгу светильников» с тайной обезглавленных мумий, но Клау, по всей видимости, считал приведенные в рукописи сведения решающим доказательством.

Клау вскочил на ноги.

– Изида, – сказал он, – принеси мой каталог мумий эпохи бубаститов*.

Царственная красавица безропотно подчинилась.

– Мистер Сирльз, – сказал Морис Клау, – одержит инспектор Гримсби новую победу; но без этих рукописей бедного старого дуралея, кто сумел бы поймать обезглавливателя мумий? Не стал я получать одический негатив, ибо считал, что имею дело с безумцем; но я был глупее старой совы. Обезглавливание мумий общего ничего не имеет с безумием, есть у него назначение, друг мой – чудесное назначение.

IV

Было очень рано, и музей Мензье (где я впервые встретился с Морисом Клау) еще не открылся для посетителей. Корам (куратор музея), Морис Клау, Гримсби и я стояли в Египетском зале перед витриной с мумиями. В соседней комнате – то есть в Греческом зале – произошел в свое время ряд ужасных трагедий, став-

* Бубаститы – имеются в виду ливийские правители Египта из 22-й династии (943-716 гг. до н.э.), одной из резиденций которых был город Бубастис.

ших причиной моего знакомства с удивительными методами эксцентричного исследователя.

– Тот, кто проник минувшей ночью в помещение «Сот-бис», мистер Клау, хорошо знал расположение залов; да что там – он знал аукционный дом наизусть, – сказал Гримсби. – Мне думается, что он был знаком со служащими. Отрезав голову мумии, он спокойно вышел, надо полагать. В случае Петтигрю, преступнику наверняка был известен распорядок дома, иначе он не сумел бы подобрать-ся к мумии.

Нескрываемое удовольствие блеснуло в глазах Гримсби.

– Конечно, мне жаль слышать, что этот преступник оказался для вас слишком умен! Подумать только, в дом Мориса Клау забрался грабитель!

– Подумайте о том еще, друг мой, – загромыхал Клау, – и если смешно вам, думайте дальше, мыслите хорошенько!

Гримсби открыто подмигнул мне. Загадка была для него чересчур трудна, и он находил утешение в том, что даже всемогущий Морис Клау, казалось, был бессилен ее разрешить.

– Не злопамятен я, – продолжал Клау, – и поймаю для вас похитителя мумий.

– Что? – воскликнул Гримсби. – Вы вышли на след?

– Поведаю вам нечто, мой смеющийся друг. Вы станете незаметно наблюдать за этим Египетским залом, как сторожит кот у мышьиной норы, и вскоре – ожидаю я то в ночи – явится он сюда, наш охотник за мумиями!

Гримсби всем своим видом выразил недоверие.

– Я не подвергаю сомнению ваши слова, мистер Клау, – сказал он. – И все же я не понимаю, откуда вы смогли это узнать. Зачем ему приходить за мумиями именно сюда, когда есть много других музеев и частных собраний?

– Зачем заказываете вы в салуне бутылку пива «Басс», но не бутылку воды или бутылку уксуса? – отрывисто возразил Клау. – Потому, друг мой, что хотите бутылку «Басса». Не треклятый ли я дурак? Имеются другие. Не одинок я в глуposti своей!

На этом наш разговор закончился. Весьма озадаченный Гримсби отправился восвояси, намереваясь распорядиться о круглосуточной страже у Египетского зала. Корама, Клау и я направились к Греческому залу.

– Не стоит напоминать вам, мистер Клау, – заметил Корама, – что в музей Мензье нелегко проникнуть грабителю. Ночной сторож, как вы помните, каждый час обходит все залы. Грабителю нужно пробраться в Египетский зал, взломать одну из витрин и вытащить мумию; чрезвычайно трудно проделать все это, оставаясь незамеченным.

– Тот охотник за мумиями обходит препятствия с легкостью, – ответил Клау. – Но все мы будем ждать его, и незамеченным он не останется.

– Едва ли следует ожидать, что попытка ограбления будет предпринята днем? – спросил я.

– Никоим образом, – согласился Клау. – Но нравится мне, как суетится тот Гримсби! Человек с ножом для обезглавливания мумий сегодня ночью явится. Без страха придет он, ибо как узнает он, что старый дуралей из Уоппинга ждать станет его появления?

Мы вместе вышли из музея. Дело напомнило мне о жутких убийствах в Греческом зале; и вот мне снова приходится играть роль ночного охранника в музее Мензье.

На протяжении дня мои мысли несколько раз возвращались к этому удивительному делу. Я гадал, как связана с ним «Книга светильников», о которой упоминал Морис Клау. Я также не мог понять, как именно Клау сумел определить, что сценой следующего преступления станет музей Мензье.

Мы договорились пообедать у Корама, чья квартира примыкала к музею. Должно быть, странное мы представляли собрание, состоявшее из Корама, его дочери, Мориса Клау, Изиды Клау, инспектора Гримсби и меня самого.

Непосредственно вслед за тем, как из музея вышел последний посетитель и двери были заперты, в Египетском зале заступил на вахту охранник. С наступлением темноты мы собирались незаметно наблюдать за этим помещением, благо устройство его способствовало нашему плану: в середине потолка имелся большой застекленный световой фонарь; чуть

отодвинув шторы, мы могли видеть все происходящее в Египетском зале с площадки на верхнем этаже, который относился к дому куратора.

Обед завершился, и Изида распрощалась с нами.

– Не останешься ты, Изида, – сказал ее отец. – Так ненужно это. Спокойной ночи, дитя мое.

Почтительный и восхищенный Гримсби спустился вместе с Корамом вниз, чтобы посадить Изиду в такси. Я с трудом мог представить себе, каково ей было возвращаться в эти неприглядные, залитые речной водой развалины в Уопшинге.

– А теперь, мистер Гримсби, – сказал Морис Клау, когда мы вчетвером вновь собрались за столом, – спрячетесь вы в витрине для мумий!

– Но я буду беспомощен! Откуда нам знать, какую витрину решит взломать преступник? Помимо того, я даже не знаю, чего ожидать!

– Благословен тот, кто ждет малого, друг мой. Возможно весьма, что сегодняшней ночью он не появится. В случае том завтра запрут вас в витрине снова!

Скрепя сердце, Гримсби удалился, вооруженный ключами к витрине и двери в квартиру куратора, которая выходила в Греческий зал. Морис Клау особо предупредил инспектора о необходимости соблюдать полнейшую тишину. Признаться, распоряжения Мориса Клау заставляли всех нас сгорать от любопытства и нетерпения. Бесшумно распахнув окно на площадке, мы с Корамом и Клау заглянули сквозь световой фонарь в Египетский зал. В этот миг внизу показался инспектор Гримсби с карманным электрическим фонарем в руке.

Он открыл витрину у дальнего конца комнаты, быстро взглянул вверх и забрался внутрь, закрыв за собой стеклянную дверцу. Как ранее указал Морис Клау, пространство между последним саркофагом и углом витрины представляло собой идеальное место для засады.

– Надеюсь, он запер витрину на замок, – сказал наш эксцентричный спутник, – и не произвел шума.

– Почему вы так опасаетесь шума? – с любопытством спросил Корам.

– Снаружи, на площадке, высокий стоит барельеф, – загадочно отвечал Морис Клау. – Прислонен он к стене. Помните тот барельеф?

– Конечно.

– Вечером не заглядывали вы за него, в треугольный проем, что таким образом создается?

– Не было причины. Там никто не смог бы спрятаться.

– Не смог бы, говорите вы? Нет? Объясняет мне то, мистер Корам, что не понимаете вы возможностей! Но если вы ошибаетесь, что тогда?

– Тогда человеку, который там прячется, придется до утра оставаться на месте. Ему не попасть ни в один из залов; все они заперты. Вниз он также не сможет спуститься, потому что в вестибюле дежурит охранник.

– Нет? Да? Вы дважды ошибаетесь! Первое – там кое-кто скрывается!

– Мистер Клау! – возбужденно начал Корам.

– Шшш! – поднял руку Морис Клау. – Без волнения. Волнение производит шум и действует на нервы. Далее, второе – заблуждаетесь вы, ибо вскоре прячущийся войдет в Египетский зал!

– Но как? Как, ради всего святого, он сможет войти?

– То увидим мы.

Донельзя заинтригованные, мы с Корамом одновременно обернулись к Морису Клау (мы стояли у окна по обе стороны от него); но Клау лишь помахал в воздухе длинным пальцем, призывая к молчанию – и мы волею неволей умолкли.

Площадка у окна оказалась тесновата; стоя на своем посту той чудесной летней ночью, я чувствовал, что начинаю уставать от бесконечного ожидания. Меня утешала лишь мысль о том, что тайна обезглавленных мумий очень скоро будет раскрыта. Я жалел беднягу Гримсби, вынужденного прятаться, скорчившись в три погребели, в витрине Египетского зала: смысл загадочных маневров Клау был еще более непонятен ему, чем мне. Напрасно я напрягал ум, стараясь уловить связь между «Книгой светильников» и делом, что привело нас в музей.

Корам пошевелился, и я интуитивно понял, что он собирается заговорить.

– Тише, – прошептал Морис Клау.

В Египетском зале под нами блеснул луч света!

Я решил было, что какой-то шум привлек внимание Гримсби. Весь напрягшись, я наклонился вперед; Корам в волнении стал вглядываться в темноту.

Луч двинулся, осветив каждую витрину в дальнем углу зала, где прятался Гримсби, и наконец остановился на лице одной из мумий.

Теперь была смутно различима маленькая фигурка – фигурка человека, державшего фонарь. Он опасно крался по залу. Видимо, у него имелся ключ от витрины, и секунду спустя он распахнул стеклянную дверь и вытащил мумию наружу.

В это мгновение на ночного гостя прыгнул Гримсби. Свет погас – и Морис Клау, отпрянув от окна, схватил Корама за руку, крича:

– Ключ от двери! Ключ от двери!

Менее чем через полминуты мы вбежали в Египетский зал. Корам зажег верхний свет. Прижавшись спиной к открытой двери витрины, в наручниках, с безумным взглядом, перед нами предстал – мистер Марк Петтигрю!

Нужно было видеть в этот момент лицо Корама – ведь знаменитый археолог, стоявший теперь перед нами в оковах, был попечителем музея Мензье!

– Мистер Петтигрю! – хрипло воскликнул Корам. – Мистер Петтигрю! Произошла какая-то ошибка –

– Ошибки нет, достопочтенный сэръ, – загромыхал Морис Клау. – Смотрите, при нем острый нож, чтобы с помощью его отрезать голову жреца!

Клау был прав. На полу рядом с упавшей мумией лежал раскрытый нож!

Гримсби тяжело дышал и удивленно поглядывал на своего пленника. Петтигрю, похоже, еще не осознал, что случилось. Корам нервно прочистил горло.

То была одна из самых странных сцен, какую мне доводилось видеть.

– Мистер Петтигрю, – начал Корам, – не соблаговолите ли объяснить –

– Я дам объяснение вам, – прервал его Морис Клау. – Вы спрашиваете, – и он воздел длинный палец, – зачем было мистеру Петтигрю отрезать голову у собственной мумии? Ответ мой – затем же, зачем отрезал мистер Петтигрю голову у мумии из «Сотбис». Отвечаю – затем же, зачем отрезал он голову мумии в моем доме и явился сюда, дабы отрубить голову четвертой мумии. Что ищет он здесь? Ищет он «Книгу светильников»!

Клау умолк, обводя нас взглядом. Вероятно, за исключением пленника, я один понимал смысл его слов.

– Изложил я мистеру Сирльзу, – продолжал Клау, – историю той книги. Содержался в ней ритуал древней египетской церемониальной магии. Она бесценна; даровала она владельцам своим власть, что превыше власти царей!

Но когда настал конец роду Панхаура, исчезла книга. Где очутилась она? Как гласит весьма редкая летопись – сохранились лишь две копии ее, причем находится одна у меня, другая же у мистера Петтигрю! – была спрятана книга в черепе мумии жреца либо жрицы храма!

Петтигрю глядел на него в немом изумлении.

– Мистер Петтигрю только недавно приобрел ценный манускрипт, где говорится о том; и будучи большим энтузиастом, джентльмены, – он широко развел руки, – ибо все мы, коллекционеры, энтузиастами являемся, принялся мистер Петтигрю за работу, обезглавив первую попавшуюся мумию жрицы того храма. То была его мумия. Но бесценного папируса в ее черепе не было! Все те мумии известны в истории; в Европе их всего лишь пять.

– Пять? – выпалил Петтигрю.

– Да, пять, – ответил Клау. – Вы считали, что только четыре, а? Притворяясь неведущим, позвали вы полицию и показали изуродованную мумию. То было хорошо. То было умно. После того никто не подозревал вас в преступлениях – никто, кроме старого глупца, каковой знал, что приобрели вы вторую копию той ценной, наставительной летописи! И вы не колеблясь воспользовались ключами,

полученными в качестве попечителя, дабы добраться до мумии Мензье.

Клау обернулся к Гримсби и Кораму.

– Джентльмены, судебного преследования не будет. Лихорадка познания – болезнь, но никогда не преступление.

– Согласен, – отвечал Корам. – Ареста и суда не будет; скандал нам ни к чему. Мистер Петтигрю, мне очень, очень жаль.

Гримсби с кислой миной освободил нашего пленника от наручников. На морщинистом лице Петтигрю появилось странное выражение.

– Больше всего я лично сожалею о том, – сказал он сухо, но с горевшим в глазах пылким огнем истинного исследователя, – и простите мне эти слова, Корам, ибо я глубоко вам обязан – что не смогу теперь отрезать голову четвертой мумии!

Мистер Марк Петтигрю, вне всякого сомнения, был весьма настойчивым, несдержанным на язык и язвительным человеком.

– Это бесполезно, – загрохотал Морис Клау. – Два года назад, в Египте, я нашел пятую мумию! И тогда, – он картинно воздел руки, – я обезглавил ее!

– Что! – вскричал Петтигрю и с безумным взором бросился на Клау.

– Ах! – проговорил Клау, не сдвинувшись с места. – В том-то и вопрос есть – что? И я вам не скажу!

Он извлек из кармана пузырек и увлажнил вербеной лицо мистера Петтигрю.

**THE
DREAM
DETECTIVE**

by
Sax
Rohmer

Эпизод девятый

ПРИВИДЕНИЕ В ГРЕЙНДЖЕ

I

В центре стола горела большая лампа; близ каждого из обедавших мерцала свеча в прозрачном красном подсвечнике; мягкий свет контрастировал со снежно-белыми салфетками и блеском безупречно начищенного серебра, но не мог рассеять тьму вокруг нас. Стол казался освещенным оазисом в пустыне громадного зала. На далеких деревянных панелях стен смутно угадывались очертания рыцарских доспехов и охотничьих трофеев, и я как раз разглядывал их, когда рядом со мной возникла молчаливая фигура дворецкого.

Трое из мужчин, сидевших за столом, были ухожены и одеты в приличествующие случаю обеденные костюмы (осмелюсь и себя включить в их число); громоздкое тело четвертого было облачено во фрак с широкими сатиновыми лацканами, подобный тем, что мне приходилось видеть, если не ошибаюсь, на портретах викторианских знаменитостей. Фрак давно залоснился, и потому не приходилось сомневаться, что он вышел из рук портного викторианской эпохи. Под фраком имелся жилет с высоким вырезом и отворотами; брюки же, скрытые в настоящее время скатертью, относились к иному костюму – вероятно, утреннему – и другому периоду портновского искусства.

Платье на женщине, молодой, смуглой и неописуемо прекрасной, мерцало оттенками янтаря и было скроено со всей дерзостью парижской моды. Ее прелестные глаза по большей части оставались опущены: сэра Джеймса Лейланда, наш хозяин, не скрывал своего восхищения гостьей; он то и дело поворачивал к ней лицо, покрытое загаром, какой приобретается после долгих лет жизни в буше. Климент Лейланд,

кузен баронета, был поразительно похож на сэра Джеймса, но никак не мог похвастаться живыми манерами последнего. Я посчитал его человеком, которые много размышляет и мало говорит.

Впрочем, разговор едва ли мог сесть на мель, учитывая присутствие истинного представителя колоний, каким был сэр Джеймс, и такого кладезя любопытных историй, как Морис Клау. Большую часть времени мы с мистером Климентом Лейландом выступали в нелегкой роли почтительно внимающей аудитории, поскольку Изида Клау, как оказалось, могла быть в беседе почти столь же занимательна, что и ее отец.

– Я так рад, – произнес Морис Клау, чей громоподобный голос эхом раскатился по залу, – этой возможности посетить Грейндж.

– Место и впрямь исторически значимое, – согласился сэр Джеймс. – Вот уж никогда не думал, что унаследую величественный старый особняк, не говоря уж о титуле. Ранняя смерть дядюшки, закоренелого холостяка, полностью изменила мою жизнь; я стал землевладельцем, а ведь вполне мог превратиться в китобоя с Маррамбиджи!*

Он весело рассмеялся, переводя взгляд с Изиды Клау на кузена.

– Клем сохранил все для меня в идеальном порядке, включая семейного домового! – добавил он.

– Ах! тот семейный домовый! – загромыхал Морис Клау. – Он-то и нужен мне, сей гоблин!

История Грейнджа, собственно говоря, и была главной причиной визита Мориса Клау. Внимание исследователей оккультных материй не так давно привлекла странная книжица под названием «Психические измерения»; среди широкой публики она также приобрела популярность. Тема призраков трактовалась в книге с совершенно новой точки зрения, причем анонимный автор, по-видимому, был хорошо знаком с историей каждого «дома с привидениями» в Евро-

* Маррамбиджи – река в австралийском штате Новый Южный Уэльс.

пе. Немногим было известно, что этим автором был антиквар из Уоппинга; так как в книге, среди прочих британских домов с привидениями, говорилось о Грейндже, издатель счел нужным передать автору письмо сэра Джеймса Лейланда, приглашавшее его к расследованию последних явлений фамильного призрака Лейландов.

Я имел честь находиться рядом с Морисом Клау во время другого расследования, связанного с предполагаемым привидением, о котором рассказывал в одном из предыдущих отчетов – речь идет о призраке в усадьбе, известной под именем «Роши». Клау любезно пригласил меня помочь (его собственное выражение) в расследовании тайны Грейнджа. Я с радостью согласился, мечтая включить в свои хроники еще один случай предполагаемого оккультного свойства.

– Безотлагательно встретимся мы лицом к лицу с ним, сим нарушителем спокойствия, – продолжал эксцентричный исследователь. – Сэр Джеймс, явление того, что называете вы привидениями, подобно феноменам драгоценных предметов старины, бриллиантов, мумий – ах, эти мумии! – и прекрасных женщин!

– Сравнение прелестной женщины с предметом старины я не назвал бы комплиментом! – заметил сэр Джеймс, поглядывая на Изиду.

– Такова истина! – внушительно заверил его Морис Клау. – Натура, сей таинственный процесс воспроизводства, зря не расходует образцы свои. Сэр Джеймс, всякая красота повторяется. Поглядите на дочь мою, Изиду.

Сэр Джеймс с готовностью подчинился.

– Видите ее, да? И что же вы видите?

Изида опустила глаза – но, говоря откровенно, я не заметил на лице этой девушки, поразительно умевшей владеть собой, ни малейшего признака смущения.

– Быть может, – продолжал ее отец, – поведал бы я вам, что видите вы; однако скажу лишь о том, что можете вы узреть. Пред вами красавица времен регентства или фаворитка вашего Карла; дочь викинга, принцесса древней Британии; рабыня Цезаря, танцовщица фараона!

– Вы верите в реинкарнацию? – негромко спросил Климент Лейланд.

– О да, безусловно, почему бы нет, конечно! – пророкотал Морис Клау. – Но не о перевоплощении говорю я теперь, о нет; повествуя я о воспроизводстве Натуры и твержу вам, что Натура не расходует даром всякую красоту. Соотношение како-во души с телом? Продолжается воспроизводство снова и снова, откуда форма, штамп, гравировальная доска не гибнет! То же и с призраками. Пишете вы, что домовой ваш новые исполняет трюки. Отвечаю я, что гоблин неспособен изучить новые фокусы; далее отвечаю я, что иначе станет он иным гоблином! Консервативна Натура в отношении домовых своих, равно как и прекрасных женщин; не любит она вносить изменения в древние формы. Как? Искрошить их? Ни за что! Создает она новые –

Климент Лейланд тонко улыбнулся, но сэр Джеймс был явно увлечен рассуждениями Клау.

– Как вы знаете, я внимательно прочитал «Психические измерения», мистер Клау, и ваши непривычные теории не слишком меня удивляют. Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что любой зачарованный дом из поколения в поколение зачарован одинаково? И любое новое событие указывает на присутствие новой силы или духа?

– Сие именно так, – довольно кивнул Морис Клау. – Разум ваш восприимчив, сэр Джеймс; стоило бы вам заняться привидениями – вы им понравитесь. Пред восприимчивым охотником на привидений научное раскроется будущее, ибо – по секрету шепну вам – бедные привидения порою рады, что на них охотятся! Столь одинока жизнь привидения!

– Призрак Грейнджа – существо общительное, – заверил его сэр Джеймс. – Горестные вздохи в часовне или что-либо подобное ему не по душе; он часто наведывается в бильярдную, его нередко можно встретить здесь, в обеденной зале, а в последнее время он привык со мною спать!

– Слышал я о том, – громыхнул Морис Клау. – О да, слышал. Странно, странно. Продолжайте же, друг мой.

Глаза Изиды Клау были прикованы к сэру Джеймсу. Он продолжал:

– Традиционно считается, что в Грейндже обитает привидение в виде серого монаха, который в определенные ночи – я позабыл, какие именно – выходит из часовни за садом, опираясь на длинный посох, приближается к контрфорсам западной стены и исчезает в ней в том месте, где раньше находился потайной вход. В свое время там находился тайный проход со ступенями, ведущий к комнате, сооруженной одним из древних Лейландов эпохи Генриха VIII, печально знаменитым распутником и повесой. В последний раз комнатой пользовался сэр Френсис, конфидент Карла II. Следующий наследник приказал перестроить весь корпус, и проем старинной двери заложил кирпичами.

– Да, да, – произнес Морис Клау. – То мне известно, но рассказываете вы хорошо. Чрезвычайно любопытный дом, этот Грейндж. Я писал о нем, о том сером монахе; не удивительно ли, что новое привидение явилось пасть на его угожьях! Поведайте нам о последних событиях, сэр Джеймс.

Сэр Джеймс прочистил горло и оглядел стол.

– Курите, не стесняйтесь! Я и сама не прочь закурить! – сказала Изида.

– О да! – согласился Морис Клау. – Остаюсь здесь, дитя мое; все мы останемся; не сдвинемся ни на дюйм. Обеденная зала хранит множество психических отпечатков. Закурим же и обратим умы наши к загадке.

Подали кофе и ликеры; зажглись красноватые огоньки сигарет. Полагаю, присутствие Изиды Клау помешало хозяину угостить нас сигарами; девушка, однако, закурила предложенную сэром Джеймсом египетскую сигарету с беззаботностью давней поклонницы миледи Никотин. Дворецкий покинул нас, и мы, точно путешественники в нашем освещенном оазисе, остались посреди темной пустыни громадного, населенного призраками дома.

– С тех пор, как я вернулся из Австралии, случилось много невероятных происшествий, – начал сэр Джеймс. – Конечно, я не стану говорить, что раньше такого никогда не бывало: дело в том, что последние семь или восемь лет жизни мой дядя безвыездно провел в Лондоне, тогда как Грейндж находился на попечении экономки. Забавно, не правда ли, что экономки

и прочие достойные леди никогда не замечают ничего необычного в семейных поместьях, с которыми связывает их судьба? Но как бы то ни было, меня выкорчевали из буша и, пока завершались все формальности, старина Климент начал приводить дом в порядок; прибыв, я обнаружил, что Грейндж сияет чистотой от пола до потолка. Были наняты и новые слуги, хотя экономка и дворецкий, прослужившие здесь десятки лет, естественно, остались в Грейндже, как и кое-кто из числа старой прислуги. Итак, все было в полном порядке.

– Включая привидение! – со смехом вставил его кузен.

– В том-то и беда! – воскликнул сэра Джеймс и ударил кулаком по столу. – В первый же вечер, когда я обедал здесь, в зале, потустороннее показало характер! Мы с Климентом сидели за столом; мы пообедали – вполне скромно, не сомневайтесь – закурили и принялись болтать, как вдруг –

Он внезапно прервал свой рассказ: могло показаться, что кто-то с силой захлопнул тяжелую дверь и рассказчик остался за нею. В тот же миг напряженная тишина взорвалась. Кровь будто застыла у меня в жилах; безумный, сверхъестественный ужас приковал меня к стулу. Отзываясь со всех сторон гулким эхом, по громадному древнему дому прокатился раскат демонического хохота! Я не мог понять, откуда он доносился. Он был везде – вокруг, над нами, под нами. То был безумный, дьявольский, адский звук, который невозможно описать словами. Хохот звучал то громче, то тише, то снова громче – и оборвался так же резко, как начался.

– О Боже! – прошептал я. – Что это?

Призрачное явление заставило всех замолчать; мы сидели за столом и прислушивались. Сэр Джеймс заговорил первым.

– Наглядный пример, мистер Клау! – сказал он. – И такое происходит каждую ночь!

– Ах, – загромыхал Морис Клау. – Каждую ночь, говорите вы? Сей хохот? Вы исследовали причину – да – нет?

– Пытался. Правда, говоря по чести, я даже не знаю, с чего начинать, – ответил баронет.

Мы постепенно начинали приходить в себя.

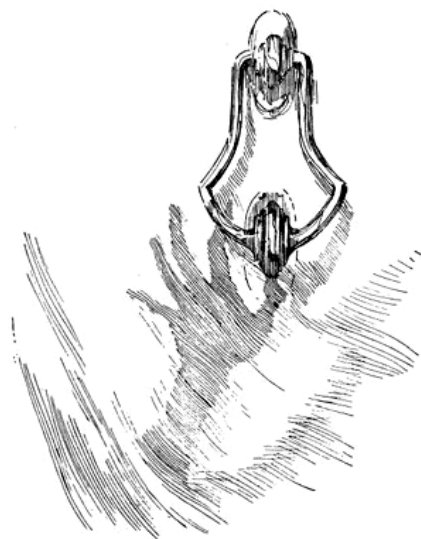
– Слышен сей хохот лишь в данной комнате? – осведомился Морис Клау.

– Он всегда раздается во время обеда; в другое время я не слышал его, – был ответ. – Хохот разносится по всему дому. Слышали его и слуги. Все они, за исключением экономки и дворецкого, собираются в ближайшее время уволиться.

– А! каналы! – проворчал Морис Клау. – Трусливые свиньи! Всегда так с ними, с теми слугами. Не нашли вы того, кто хочет, полагаю?

– Нет, – ответил сэр Джеймс. – Но хохотом он не ограничивается, не правда ли, Клем?

Климент Лейланд покачал головой. Его лицо, как мне показалось, было бледнее обычного: очевидно, происшедшее сильно встревожило его.

– Что еще? – вскричал Морис Клау. – Серый монах забыл о правилах приличия; становится он груб, тот серый монах, а?

– В доме стало невозможно жить, – с горечью сказал баронет. – Полная коллекция общеизвестных явлений. Двери у нас сами собой закрываются, то и дело доносятся звуки призрачных шагов и, если верить слугам, по ночам половина адских сил устраивает здесь банкет!

– Что испытали лично вы? – вмешался Клау.

– Мои впечатления вкратце сводятся к следующему. По вечерам, за обедом, я почти каждый день и порой несколько раз подряд слышу этот ужасающий хохот. В бильярдной, которая выходит вон в ту галерею, я постоянно ощущаю на лице или шее дуновение ледящего ветра, будь то в безветренную погоду или при закрытых окнах. Третье место, где происходят эти беспорядки – комната, которая примыкает к бильярдной слева и отделена от нее дверью. Там хранятся охотничьи ружья; ночью, когда дверь заперта, в комнате раздаются выстрелы – такое случалось на протяжении пяти ночей!

Морис Клау извлек из кармана цилиндрический пузырек и увлажнил вербеной свой высокий желтоватый лоб.

– Волнительно сие, – заявил он. – Следует остудить мозг.

– Последнее, что достойно упоминания – призрачный голос, который часто будит меня по ночам, – добавил сэр Джеймс.

– Голос! – громыхнул Морис Клау. – Голос какого рода? Что говорит тот голос?

– Я ни за что не соглашусь повторить! – сказал баронет, покосившись на Изиду. – Он произносит непристойности, мне кажется; это тихое, отвратительное бормотание, словно голос неживого и бесконечно порочного существа.

Морис Клау поднялся на ноги.

– Мы можем заключить, что дух сей имеет мысли, а мысли суть вещи, сэр Джеймс, – произнес он. – Нынче стану я спать в одном из прибежищ его, здесь ли, в бильярдной комнате или в оружейной. Изида, дитя мое, принеси мою одически стерильную подушку. Очаровательное дело! достойно оно тонких методов.

Он положил руки на плечи сэра Джеймса, который также встал из-за стола.

– Мысли, что проникнуты злом, живые, сэр Джеймс, – сказал он. – Не сумею объяснить вам, сколь сложно убить их. Немногие добрые мысли выживают; но в подобном древнем обиталище, – он сделал характерный жест руками, – живут мыслительные формы, что сохранились с темных веков. Раскрыл я внутреннее око, друг мой. К счастью, скажу я, закрыто внутреннее око у большинства из нас; у других слепо оно. Но раскрыл я то

око и научил его видеть. Во сне, – Клау вдруг понизил голос, – приходят ко мне мыслительные формы. Нелегко жить с сим даром, о да; ибо здесь, в Грейндже, окажусь нынче ночью я в зловещей компании. Забытые давно злодеяния вновь свершатся пред моим внутренним взором! Утону я в крови! Подбираться станут ко мне наемные убийцы, крик жертв раздастся в ушах, блеснет потаенный нож, честный топор сделает свое дело; ибо в момент свершения сих деяний создаются две нерушимые мыслительные формы – то мысль убийцы, что выживает, напоенная кровью и мстью, и мыслительная форма жертвы, мысль та, что также длительно живет, будучи мыслью безнадежного отчаяния, последним сбиранием духовных сил, какого не бывает обычно при жизни, во имя последнего мучительного сетования!

Клау смолк и огляделся вокруг.

– В сообществе призраков, – сказал он, – должен избрать я того, что помышляет о хохоте, ружьях и отвратном шепоте. Непростая задача! Сколь чудесна наука ментальных негативов!

Так закончилась наша вечерняя беседа. Изида Клау, достав из большого чемодана, составлявшего часть багажа ее отца, две огромные красные подушки, пожелала нам спокойной ночи и удалилась в свою комнату. Морис Клау, с подушкой в каждой руке, принялся неуклюже бродить из комнаты в комнату, точно медведь в поисках берлоги.

II

Правильно ли я понял, – шепнул мне Климент Лейланд, – что ваш друг собирается спать здесь?

– Да, – ответил я, улыбаясь при виде откровенно удивленного лица своего собеседника. – Таков его метод исследования – метод эксцентричный, но эффективный.

– В самом деле? И все, о чем говорится в «Психических измерениях», не выдумка?

– Никоим образом. Морис Клау – человек выдающийся. Не припомню загадки, которую он не смог бы разрешить.

Громыхающий голос Мориса Клау, так часто напоминавший мне грохот бочек, перекатывающихся в глубоком погребе, прервал наш разговор:

– Вот идеальное место; здесь, на кушетке у двери в комнату, что хранит ружья, пребуду я в эпицентре психических бурь, сотрясающих еженощно Грейндж.

– Поскольку вы твердо намерены оставаться здесь, мистер Клау, я не буду пытаться вас переубедить. Но все же я предпочел бы, чтобы вы провели ночь на более удобной постели, – сказал сэр Джеймс.

– Нет, нет, – послышался ответ. – Здесь преклоню я старую свою голову, здесь буду лежать я и ждать того, кто хохочет.

Время было позднее, и мы оставили нашего новоявленного охотника за привидениями на кушетке в бильярдной. Зная, что любой шум способен потревожить Мориса Клау, я предложил перейти в дальнюю комнату и выкурить по последней сигарете, прежде чем отойти ко сну.

Мы мирно беседовали около часа, как мне кажется. Затем Климент Лейланд извинился и отправился к себе, сказав, что день у него выдался тяжелый.

– Клименту пришлось изрядно потрудиться, – сообщил мне баронет. – Я уже говорил вам, если не ошибаюсь, что в сложившихся обстоятельствах решил покинуть Грейндж. Сейчас мы восстанавливаем древний Фрайарс-хауз, или «Дом монахов», который находится приблизительно в миле отсюда; земли в той стороне также принадлежат нам. Дом оставался необитаемым на протяжении трех поколений, и он гораздо старше Грейнджа; часть постройки относится к временам короля Иоанна*. Надеюсь, я смогу убедить слуг перебраться туда; но Грейндж без прислуги содержать невозможно. Климент весь день наблюдал за работами в Фрайарс-хаузе – он отлично с этим справляется.

Через несколько минут мы разошлись по своим комнатам. Я оставил сэра Джеймса у дверей его спальни, которая некогда выходила на балкон над пиршественным залом. Дверь давно заделали, и вход располагался теперь в нижнем коридоре. Моя

* Т.е. к концу XII – началу XIII в.

комната находилась севернее, на противоположной стороне того же коридора.

Заснуть мне никак не удавалось. Современная меблировка комнаты отнюдь не лишала стены, отделанные мелкими квадратами панельной обшивки, духа седой старины. Единственное окно, посаженное глубоко в стене и выходившее на большой фруктовый сад, словно притягивало надменный рыцарский взгляд; оно послужило бы прекрасным обрамлением для романтической девичьей головки эпохи Стюартов. Но в доме ощущался и мрачный дух времен более давних, более темных, чем дни «Веселого монарха»** – дух призрачного зла, черного облака, испускавшего дьявольский смех и непристойный шепот.

В тених деревьев на дорожке внизу мне виделась серая фигура в рясе с поднятым капюшоном; она быстро пересекала полосы света и замирала, следя за мною зловещим взглядом, в озерах мрака. Милосердный сон не приходил. Морис Клау, не знавший подобных страхов, мог спать – нет, уже спал в самой воронке этой психической бури; но я был сделан из другого теста. Я бывал с ним во многих переделках и видывал немало мрачных преступлений, но потусторонний ужас Грейнджа подтачивал мое мужество.

Грейндж располагался на холме; на северо-востоке, над древесными кронами поросшего лесом склона, возвышалась серая башня, похожая в свете луны на гигантского монаха. Я рассеянно поглядывал на нее. Туда, в Фрайарс-хауз, баронет собирался отступить из захваченного призраками Грейнджа. Закурив трубку, я высунулся из окна, лениво глядя на древнюю башню и размышляя о том, сколько свершилось в ней за долгие века кровавых злодеяний и не превзошли ли они мерзостью те, что оставили призрачный отпечаток на Грейндже.

Ночь была спокойна и тиха. Ни в доме, ни снаружи не слышно было ни звука. Не знаю, сколько времени провел я у окна в полудреме, терзаемый смутными страхами. Меня вернул к

** «Веселый монарх» – прозвище короля Карла II (1630-1685), правившего Англией и Шотландией с 1660 г.

действительности громкий вопль. Он расколол тишину ночи и как ножом прошелся по моим нервам. Я выронил трубку, отпрянул от окна и застыл, не в силах пошевелиться от невыносимого ужаса.

– Отец! – раздался пронзительный крик.

И снова:

– Отец! О Боже! спасите его! спасите!

III

То был голос Изида Клау!

Сопровождая ее отца во время различных расследований, я привык брать с собой оружие и сейчас, держа в руке взведенный пистолет с полной обоймой внутри, выскочил в коридор и бросился к лестнице. Прямо передо мной хлопнула дверь, появился сэр Джеймс, надевая на бегу халат. Мы успели лишь обменяться быстрым взглядом; лицо его было бледно; вместе мы бросились в зал, испещренный пятнами призрачного лунного света.

– Вы слышали? – тяжело дыша, прохрипел сэр Джеймс. – Кричала мисс Клау! Что случилось, во имя Господа? Где она?

Не успел он задать свой вопрос, как мы очутились в бильярдной – и получили ответ. Изида Клау, в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, стояла на коленях у кушетки, на которой распростерся ее отец.

– Что случилось? Что случилось? – простонал сэр Джеймс. Мы подбежали к кушетке.

– Мистер Клау! Мистер Клау! – зывал баронет.

– Все в порядке, друг мой! – послышался громыхающий голос. К моему бесконечному облегчению, Морис Клау встал и теперь оглядывал нас, поправляя на массивном носу пенсне. – Живу я! Спасен я Наукой разума!

Изида Клау склонила голову на красную подушку, и я заметил, что все тело ее сотрясает дрожь. Впервые на моей памяти ей изменило царственное самообладание; я не знал,

что и думать, и только гадал, какая ужасная опасность могла грозить Морису Клау.

– Хвала небесам! – радостно отозвался баронет.

Послышались шаги; в двери бильярдной показались несколько испуганных слуг во главе с дворецким. В комнату протиснулся мистер Климент Лейланд. Его мертвенно-бледное лицо казалось совершенно белым по контрасту с надевшим на нем темно-красным халатом.

– Джеймс! – хрипло произнес он. – Этот ужасный крик! Что случилось? Что произошло?

Спальня мистера Климента, как мне было известно, находилась в западном крыле; на таком расстоянии он не мог различить слова, произнесенные Изидой Клау, отчего ее пронзительный крик должен был показаться ему еще более пугающим.

Морис Клау протестуя поднял руку.

– Спокойней, дорогие друзья, – пророкотал он, – суетиться и тревожиться не стоит. Пагубно сие для нервов. Станем же спокойными, станем тихими.

Он положил руку на голову девушки, стоявшей возле него на коленях.

– Изиди, дитя мое, сколь тонким инструментом психическое является восприятие! Ты узнала ее, ту опасность, что грозила бедному старому отцу твоему, старому бедному глупцу, что лежит здесь в ожидании гибели! Ты словно знала раньше, чем понял я!

– Бога ради, мистер Клау, – запинаясь, сказал Климент Лейланд, – что случилось? Кто или что угрожало вам? Что привело в ужас мисс Клау?

– Друг мой, – отвечал Клау, – задаете вы мне головоломки. Нечто страшное обитает в сем Грейндже, нечто смертельно опасное. Нет живущего, что не познал бы страх, и я, старый глупец, воистину жил нынче ночью. Я сдаюсь, друг мой. Правит сим Грейнджем некий зловещий дух, коего не могу я запечатлеть негативом своим, – Клау по обыкновению притронулся ко лбу, – и предпринять то смерти подобно. Мощь его слишком велика для меня. Грейндж нечист, сэр Джеймс. Покинете вы Грейндж незамедлительно; ибо то

я, старый и опытный, что знает, предупреждаю вас. Бегите, спасайтесь из Грейнджа. Завтра же переселяйтесь в Фрайарс-хауз!

Клау не счел нужным вдаваться в дальнейшие объяснения.

– Разбит я, потерпел поражение, друзья мои! – заявил он, безропотно пожимая плечами.

Изида, чье лицо заливала смертельная бледность, а глаза лихорадочно блестели, удалилась к себе. Направляясь к двери, девушка закрыла лицо руками. Морис Клау согласился расположиться в комнате, находившейся рядом с моей, и через некоторое время все мы в смятенных чувствах разошлись по своим спальням.

Мне было понятно, что в ночных событиях кроется какая-то глубокая тайна. Морис Клау и Изида Клау что-то скрывали. У них был общий, темный секрет, который они ревностно хранили; но смысл их действий являл полнейшую загадку, чье решение ускользало от меня.

Наступило утро и наша изрядно потрепанная компания собралась за завтраком. Едва ли кто-то спал той ночью под крышей Грейнджа, хотя потустороннее, насколько я мог судить, более ничем не проявило себя.

Морис Клау завел бесконечный рассказ о фауне Сахары; он полностью завладел разговором, единственной темой которого стали его занятные истории о змеях и скорпионах.

После завтрака мы отправились в автомобиле сэра Джеймса в Фрайарс-хауз; несмотря на современную мебель и драпировки, дом показался мне чрезвычайно унылым. Лишенный призрачной атмосферы, Грейндж был бы вполне очаровательным местечком; но это сооружение, похожее на темницу, с покрытой лишайником башней, возвышавшейся над долиной еще в те времена, когда Иоанн подписал Великую хартию вольностей, с массивными стенами и узкими бойницами, комнатами неправильной формы и запахом склепа, было чересчур архаичным и неудобным для жизни.

Морис Клау, стоя посередине комнаты, превращенной в библиотеку, снял свой коричневый котелок и извлек из-под подкладки пузырек.

– Это место, – произнес он, – омерзительно пахнет мертвыми аббатами!

Он брызнул вербеной на себя и Изиду, вернул пузырек в котелок и собирался было надеть свой головной убор, как вдруг застыл, задумчиво глядя в потолок.

– Мои заметки! – отрывисто сказал он. – Забыл я заметки те в саквояже. Потребны мне они. Проклятие мне, ибо старый я глупец! Сэр Джеймс, не покажете ли Изиде сию обворожительную древнюю башню в мое отсутствие? Я не создаю трудность? Но я одолжу автомобиль и поеду в Грейндж, где заметки мои!

– Не беспокойтесь! – с готовностью отозвался баронет. – Климент может поехать с вами!

– Нет, нет! Конечно же нет! И помыслить о том не мог я! Старый друг мой, мистер Сирльз, может присоединиться ко мне, если пожелает; если же нет, отправлюсь один я.

Разумеется, я согласился поехать с ним; оставив всех остальных у древних крепостных врат, мы направились в Грейндж. Автомобиль спустился в долину, затем мы принялись карабкаться вверх по склону; всю дорогу Морис Клау бормотал что-то себе в бороду, не обращая ко мне и явно избегая беседы.

– Пойдемте, друг мой, – сказал он, когда автомобиль остановился у дома, – покажу я вам, что успел запечатлеть мой ментальный негатив до того, как наступила великая опасность.

Он повел меня в бильярдную и приказал дворецкому удалиться. Когда мы остались одни –

– Заметить вы можете нечто, – загрохотал Клау, указывая в сторону пиршественной залы. – Замечите вы нижеследующее: смех – где слышен он? Здесь, в оружейной комнате справа, и в зале передо мною прямо. Грандиозна Наука разума! Проверю теперь я свой негатив.

Я недоуменно глядел на Клау, который проворно забрался в громадный старомодный камин, служивший одним из самых странных украшений комнаты. Клау пришлось нагнуться, чтобы не удариться лбом о каминную доску; свой исторический коричневый котелок он предварительно снял и положил на подставку для дров.

– Быть может, не найду я, – донесся из камина его громыхающий голос. – Негатив мой затуманен был убийствами, гибельными осадами, дуэлями при свечах и прочими мыслительными формами беспокойного прошлого; но ждет меня победа, может статься – быть может, ждет меня триумф!

Он стоял на подставке, засунув голову в каминную трубу, и вдруг из этого темного, покрытого сажей закутка до меня донесся негромкий скрежет.

– Есть! – торжествующе загромыхал Клау. – В кармане моем электрическая лампа. Я поднимаюсь; следуйте за мной, друг мой.

Клау подался вверх и, к моему неопишуемому удивлению, внезапно исчез в камине. Удивляясь все больше, я последовал за ним и увидел, что он стоит в нише высоко над моей головой – каким-то непонятным образом, сообразил я, Клау сумел открыть прикрывавшую эту нишу дверцу. Он протянул вниз длинную руку и сжал мою ладонь.

– Вверх! – воскликнул он и с неожиданной силой и легкостью втянул меня в нишу, как если бы я был ребенком.

Он нажал кнопку фонаря, который держал в руке. Мы находились у подножия чрезвычайно крутой и узкой деревянной лестницы.

– В толще стены скрыта она, меж панелями, – с гордостью прошептал он. – Потайное укрытие якобитов. Сэру Джеймсу не известно ничего о нем; ибо не провел ли он всю свою жизнь в буше?

Клау двинулся вверх по лестнице.

– Справа оружейная комната, бильярдная комната! – услышал я его голос. – Слева обеденная комната. Отсюда исходит смех – отсюда исходит опасность.

Он все поднимался, и я следом за ним. Лестница вывела нас в пыльную квадратную комнатку размером шесть на шесть футов. Морис Клау, гротескно изогнув шею, водил фонарем назад и вперед. Затем он поднял с пола квадратный деревянный ящик и жестом велел мне спускаться.

– Нет выхода, – сказал он, – и нет прохода. Спальня сэра Джеймса в дальней стороне, но нет прохода, что и ожидал я.

Мы спустились вниз тем же путем – очевидно, другого прохода, как и сказал Клау, здесь не имелось. Клау бережно прятал под плащом деревянный ящик, найденный им в потайной комнате. Меня переполняло любопытство; но Морис Клау тут же отправился к себе, попросив меня подождать его у дома. Вернулся он без ящика, однако же с толстой записной книжкой и выразил готовность сесть в ожидавший нас автомобиль.

Его странные глаза за стеклами пенсне торжествующе блестя.

– Мы побеждаем, – сказал он. – Привидение Грейнджа уступает Науке разума!

IV

Мы перекусили в Фрайарс-хаузе, причем компанию нашу никак нельзя было назвать веселой. Сэр Джеймс казался озабоченным и был занят своими мыслями, Климент Лейланд вел себя сдержанней обычного. Морис Клау говорил без умолку, но все время рассказывал о Борджиа – он обладал неисчислимым запасом самых неприглядных историй об этом печально известном семействе. Отвратительные исторические анекдоты, которые он излагал хриплым шепотом (невозможно описать или воспроизвести этот шепот), были так реалистичны, что каждый проглоченный кусок вставал у меня поперек горла.

После мы без дела бродили по окрестностям; прекрасные старинные сады несли на себе безошибочную печать монашеского труда. Сэр Джеймс, шедший впереди с Морисом Клау и Изидой, резко обернулся и стал ждать меня. В этот момент я с интересом разглядывал солнечные часы; однако же я ускорил шаг и присоединился к нашему хозяину.

– Могу я попросить вас остаться здесь на выходные, мистер Сирльз? – спросил он.

– Вы очень любезны, – ответил я. – Думаю, с этим никаких затруднений у меня не возникнет. Буду весьма рад погостить у вас.

Я заключил, что Морис Клау также намерен остаться, и был довольно-таки удивлен, когда он вскоре увлек меня в уютную розами беседку, стоявшую поодаль, и сообщил, что отправляется домой на четырехчасовом поезде.

– Но вернусь я утром, мистер Сирльз, – заявил он, таинственно помахивая пальцем перед моим носом. – О да, вернусь я утром!

– А мисс Клау?

– Она уедет со мной на четырехчасовом поезде, но возвращаться не станет – пока что не станет.

– Насколько я понимаю, сэр Джеймс нынче же переселяется в Фрайарс-хауз?

– Так это, друг мой; покидает он Грейндж. Слуги сегодня переехали. Не дан ли ему добрый совет? Изначально рекомендовал ему мистер Климент сделать Фрайарс-хауз своей резиденцией. Был он против идеи заселить Грейндж с самого начала. Мудр он, тот мистер Климент. Жил он в сих краях так долго. Знает он, что Грейндж проклят, недоступен для обитания.

Чуть позднее Морис Клау и Изида распрощались и уехали; перед тем, как автомобиль тронулся с места, мой эксцентричный друг достал из коричневого котелка пузырек и увлажнил свой высокий лоб вербеной. Он наклонился ко мне и хрипло прошептал:

– День и ночь, из вида не упускайте его, сэра Джеймса! Главное, не позволяйте ему исследовать –

Автомобиль двинулся, и я остался стоять на месте, теряясь в догадках. Позади меня, на ступеньках, стояли Климент Лейланд и его кузен. Последний провожал взглядом автомобиль, спускавшийся по живописной извилистой дороге. Кажется, он даже вздохнул.

Следующие сутки прошли без каких-либо знаменательных событий. Жизнь в Фрайарс-хаузе была достаточно приятна, но несколько монотонна. Сэр Джеймс не скрывал беспокойства, которое передалось и его кузену. Климент, завершив работу по подготовке новой резиденции к переезду баронета, похоже, никак не знал, чем себя занять. При всей внешней сдержанности он обладал, как мне показалось, пылким характером, и безделье тяготило его. Судя по всему, профессии у Климента

никакой не было; надо полагать, имелся у него собственный дом где-либо по соседству, но вел он себя так, словно готов был вечно жить в Фрайарс-хаузе. Сэр Джеймс, думаю, не возражал против его общества, поскольку еще не до конца освоился в новой для себя роли поместного аристократа.

На следующее утро приехал Морис Клау, и я с растущим удивлением узнал, что он намеревался провести всю неделю под гостеприимным кровом Фрайарс-хауза.

До самого моего отъезда не произошло ничего интересного. В последующие шесть дней мои мысли частенько возвращались к призраку Грейнджа и загадке пребывания Мориса Клау в Фрайарс-хаузе, что порядком мешало моей работе. В субботу утром я получил телеграмму:

Можете ли присоединиться к нам на выходные – автомобиль будет ждать в 2:30. Телеграфируйте ответ. С наилучшими пожеланиями –

Лейланд.

Я решил принять приглашение; чем бы ни занимался Морис Клау в Фрайарс-хаузе, он наверняка преследовал какую-то иную цель, нежели отдых в сельской местности – и любопытство мое не знало границ. Итак, я упаковал вещи; день был чудесный, и в пять часов вечера я уже пил чай в напоминавшей монастырскую залу комнате бывшего аббатства.

– Грейндж покинут, – произнес в ответ на мой вопрос сэр Джеймс.

– Заколочен, о да! – захохотал Морис Клау. – Какая жалость! Какая жалость!

В течение дня случилось несколько происшествий, задним числом показавшихся мне важными. Тем не менее, я не стану упоминать о них и перейду прямо к тому, что можно смело называть катастрофическим финалом этого необычного дела.

Мы вчетвером пообедали в комнате, в древности явно служившей монахам трапезной. Климент Лейланд появился поздно и едва успел переодеться к обеду; он показался мне изможденным и обеспокоенным. Я решил, что ему не дают покоя какие-то заботы личного свойства; его мягкие и сердечные манеры,

похоже, скрывали неотвязные мрачные мысли. Бледное бритое лицо, так похожее и одновременно так отличавшееся от загорелого лица сэра Джеймса, казалось маской, которая ничего не сказала бы самому дотошному наблюдателю; и все же я сознавал, что истинный Климент Лейланд скрыт от меня – не исключено, что и от всех нас.

Мне не терпелось узнать, рассказал ли Морис Клау сэру Джеймсу о потайной комнате в Грейндже; разумеется, меня бесконечно интересовал и ящик, видеть который мне довелось лишь мельком – ящик, найденный Морисом Клау в тайном убежище. Но мое любопытство так и осталось неудовлетворенным.

Приходилось ли вам испытывать ощущение близящейся беды, что порой становится предвестником трагических событий? Оно охватило меня тем вечером, еще за обедом; после, когда мы перешли в библиотеку и закурили сигары, оно зловещим образом усилилось. Мне казалось, что я стою на краю пропасти. В буквальном смысле, я не слишком ошибался. Морис Клау, к большому неудовольствию сэра Джеймса, завел разговор о привидениях. Я видел, что он то и дело поглядывает на часы, а на его пергаментном лице появилось странное выражение.

– Не примечательно ли, – сказал он, – что бедные духи заключены, канарейкам подобно, в свои клетки? Никогда не парят они свободно, те призраки. Смеющийся демон Грейнджа – поглядите на него. Остается он в том пустынном, заброшенном доме; он –

Явление ужаса прервало его слова.

Монастырскую тишину разорвал раскат злобного хохота, завершившийся гортанной скороговоркой.

Хохот прокатился по комнате, проник в каждую клеточку моего тела. Звук отдалился – и смолк.

Сэр Джеймс, вцепившись в кожаные подлокотники кресла, словно окаменел. Я был охвачен страхом. Морис Клау стоял в эту минуту позади меня, у книжного шкафа, и видеть его я не мог. Но я никогда не забуду лицо Климента Лейланда! Пред ним точно предстала сама Смерть. Его глаза вылезли из орбит, зубы беспрестанно стучали.

– Святые небеса! – еле прошептал он. – Что это? О Боже! Что это? Заберите его – заберите!

Послышался размеренный голос Мориса Клау:

– Заберите его вы, мистер Лейланд!

Климент Лейланд вскочил на ноги; он раскачивался, как пьяный, а его сверкающие безумием глаза вперились в Клау.

– Вы – вы, – ахнул он.

– Я! – громыхнул Морис Клау. – Я нашел потайное убежище якобитов в Грейндже, и в нем обнаружил я коробку! А! оставились вы! Продолжайте тарачиться, друг мой! Вернул я коробку на место, изучив прежде содержимое ее! Что? демонический сей хохот страшит вас? Спускайтесь же, мистер Лейланд, спускайтесь и приведите демона – того, кто хохочет!

Сэр Джеймс застыл в кресле; я также не в силах был пошевелиться. Но при виде того, что произошло далее, мы оба вскочили со своих мест. Морис Клау шагнул к глубокой нише, ступил на гулкий дубовый пол и с усилием нажал плечом на стену, казавшуюся несокрушимой.

Часть стены повернулась, как дверь на петлях, открыв темный провал.

Морис Клау замер в нише, подобно причудливой статуе, указывающей рукой в черную бездну.

– Спускайтесь, друг мой! – вскричал он. – Тот, кто смеется, на седьмой ступени!

– Седьмой ступени, –

Шепот Климента Лейланда был едва слышен. Из провала в библиотеку накатывал волнами сырой воздух подполья.

– Спускайтесь, друг мой!

Морис Клау снова и снова беспощадно повторял эти слова. В центре комнаты застыла жалкая фигура Климента Лейланда – он озирался, колеблясь. Внезапно заговорил его кузен.

– Не ходи, Климент! – прошептал он.

Тот изумленно обернулся к сэру Джеймсу.

– Не ходи – в эту яму. О Господи! теперь я наконец начинаю понимать... Ступай! Даю тебе полчаса!

Сэр Джеймс сгорбился в кресле и закрыл лицо руками; Морис Клау так и остался стоять у темного провала. Климент Лейланд, склонив голову, вышел из комнаты.

Молчание прервал голос Мориса Клау:

– Ждите меня, джентльмены! Спускаюсь я за хохотом!

Он шагнул в провал.

– Первая – вторая – третья – четвертая – пятая, – считал он вслух.

Его голос доносился к нам из глубины.

– Шестая!

Он стал подниматься. Войдя в библиотеку, Клау поставил на столик перед сэром Джеймсом довольно большой и весьма современный граммофон!

– Смех! – кратко пояснил он. – Той ночью, друзья мои, когда впервые спал я в Грейндже, запечатлел я среди других ужасных негативов образ того, кто прятался в потайном убежище. Видел я, как выбирается он из камина, держа в руках громадную булаву, что видел я висящей в зале! Наука разума едва не изменила мне; ибо счел я его мыслительной формой! Но разум Изиды взаимосвязь имеет с разумом бедного ее старого отца. Во сне увидала она опасность, и крик ее спас меня! – спас от убийцы с булавой в руках!

Сэр Джеймс молча слушал. Морис Клау продолжал:

– Рассудил я тогда, что тот, кто прятался в якобитском убежище, издавал дьявольский смех и производил иные феномены, имел одну только цель. А именно, заставить вас покинуть Грейндж и поселиться в Фрайарс-хаузе! Более ничего наука моя подсказать мне не могла. И оттого помог я прятавшемуся осуществить его план; и сам я приехал сюда, друг мой, дабы наблюдать, охранять и следить!

Граммофон его нашел я, исследовал и вернул на место. Имел он часовой механизм, изобретательный весьма, что запускал и останавливал его; скрежет иглы почти был не слышен. Нынче ночью, из этой комнаты, неизвестно для него, извлек я граммофон из ящика, что находился на дне его сундука. Да! похитил я ключ! Старый я лис! Зачем принес он граммофон сюда? Ответить я не могу. Быть может, желал им воспользоваться; планы его темны для меня, но назначение их светло.

Сэр Джеймс застонал.

– Старина Клем! – прошептал он. – Я так ему доверял!

– Не верил он в науку мою, – вновь заговорил Морис Клау, – но не ведал он, что спал я, спрятавшись, почти рядом с ним, покуда сидел он и строил планы в сей комнате! Из злобного его разума получил я второй негатив; показал он мне смертельную ловушку, что устроил древний блудный сын материнской Церкви! В Грейндже имелось лишь потайное убежище якобитов, здесь же дьявольщина феодальных времен! Вернулся я в Лондон. Отчего? Дабы узнать, обоснованы ли подозрения мои. О да! Могли вы знать то или нет, но если умрете вы бездетным, порочный Климент унаследует Грейндж!

– Я знал об этом, – прошептал сэр Джеймс.

– Ах! вы знали? Итак. Вернулся я сюда, ибо заподозрил, что случайная ваша смерть целью была переезда! Затем получил я второй свой негатив. Тянул я время, а покуда исследовал то пахнущее смертью подземелье. Сочленения зловещего механизма недавно смазаны были маслом! Ах! хорошо знал он секреты древнего дома, что надеялся унаследовать!

Однажды вечером, когда сидели бы вы здесь, в неведении полном, вместе с остальными гостями, нашел бы он ту дверь! И вы, хозяином будучи, возглавили бы экспедицию! Но понимал я, что боится он действовать, покуда я здесь, и создал для него привидение из собственного его призрака!

Сэр Джеймс поднял голову. Волнение явственно отражалось на его бронзовом от загара лице.

– Мистер Клау, – хрипло проговорил он, – почему вы так подчеркивали слова «на седьмой ступени»?

Морис Клау пожал плечами и коротко ответил:

– Потому что никакой седьмой ступени нет – лишь зев глубокого колодца!

Эпизод десятый

ПОКРЫВАЛО ИЗИДЫ

I

В этих хрониках я не стремился располагать дела, которые расследовал мой выдающийся друг, Морис Клау, по разделам. И все-таки, как мне не так давно указали, они естественным образом подразделяются на две категории. К первой относятся те, где Морис Клау брал на себя роль уголовного следователя и обычно действовал совместно с инспектором Гримсби. Другой вид расследований связан с делами, в которых криминальный элемент как таковой отсутствовал: эти загадки никогда не попадали в поле зрения Нового Скотланд-Ярда.

Поскольку Морис Клау использовал если не сверхъестественные, то уж во всяком случае паранормальные методы, меня нередко спрашивают, приходилось ли ему расследовать дела, не поддающиеся рациональному объяснению – то есть относившиеся всецело к сфере оккультного. На это я отвечаю, что мне известно о нескольких подобных случаях; но я воздержался от включения их в свои записки, поскольку читатели едва ли сумеют понять характер тех исследований Клау, что выходили за рамки естественных, привычных законов. Тем, кто интересуется подобными вопросами, рекомендую обратиться к замечательному труду Мориса Клау, озаглавленному «Психические измерения».

Мне хотелось бы, однако, рассказать об одном деле, в котором и сам я принимал участие: оно находится на разделительной черте между естественным и сверхъестественным и с равными основаниями может быть отнесено и к той, и к другой области. В целом, я склонен ставить его в один ряд с делом о безголовых мумиях.

Итак, позволю себе представить вам компанию, что собралась одним августовским вечером в доме Оттера Брирли.

– Воистину поразительно, – так говорил Морис Клау. – И я обязан моему доброму другу Сирльзу (кивок в мою сторону) возможностью присоединиться к вам. Сеанс ли это? И да, и нет. Но речь идет о мумии – а мумии те столь наставительны!

Он вытащил из кармана пузырек и увлажнил свой желтый лоб вербеной.

– Как жалко быть, что дочь моя в Париже, – продолжал он.

Грохочущий голос Клау странным эхом раскатывался по комнате.

– Она любит их, как мать любит детей – эти мумии! Ах, мистер Брирли, укрепит сие вашу прекрасную репутацию!

Оттер Брирли покачал головой.

– Я пока что не готов ознакомить публику со своим открытием, – задумчиво произнес он. – Никто, помимо присутствующих здесь, о нем не знает. И мне бы не хотелось, чтобы известия о нем распространились дальше – по крайней мере, в настоящее время.

Он оглядел сидевших за столом, переводя выразительные голубые глаза с меня на Мориса Клау и правильное смуглое лицо доктора Фэйрбенка. Последний, не слыша слов нашего хозяина, любовался нежными отблесками неяркого света в мягких волнах чудесных волос Айлсы Брирли.

– Вы собираетесь написать об этом статью? – внезапно спросил он.

– Дорогой доктор Фэйрбенк! – внушительно загрохотал Морис Клау. – Если бы вы обратили внимание на слова нашего доброго друга, вы услышали бы, что в настоящее время он не заинтересован в публикации своего чудесного открытия.

– Простите! – обратился Фэйрбенк к Брирли. – Но если публикации не последует, я не совсем понимаю, ради чего мы собрались. Что вы намерены предпринять, Брирли?

– Я задумал эксперимент, – ответил тот.

– Какого рода? – спросил я.

– Любого!

Доктор Фэйрбенк откинулся на стуле и задумался.

– План довольно-таки всеобъемлющий, вам не кажется?

Брирли положил руку на лежавшую перед ним стопку листов с рукописными заметками.

– Я успел изучить и отбросить семь вариантов, – сказал он. – Остается рассмотреть восьмой – и последний, как я считаю.

– Послушайте теперь меня, мистер Брирли, – сказал Морис Клау, покачивая длинным пальцем. – Я здесь, старый любопытный, и нахожусь в очаровательном обществе. Но до сего вечера я ничего не знал о вашей работе, хотя прочитал все ваши книги. Для меня будьте вы добры подробно все описать – да!

Отгер Брирли вполголоса попросил разрешения у собравшихся и обратился к своей рукописи. Всякий любит рассказывать о своей работе, но мало кому удается заинтересовать такими рассказами слушателей. Брирли был в этом смысле исключением. Он обожал говорить о Египте, фараонах, храмах, жрецах и их тайнах; но все остальные обожали его слушать. В этом и заключалась разница.

– Открытие, на которое я натолкнулся – ибо привела меня к нему чистейшая случайность, – начал он, – имеет большое значение, поскольку определенные фазы развития древнеегипетского культа окутаны мраком. Если помните, Фэйрбенк, в свое время я только и мечтал проникнуть в тайны культа Изиды в его первозданных формах. За исключением самозванцев и законопослушных беллетристов, никому не удавалось еще приподнять покрывало Изиды. Считалось, что детали мистической церемонии, в ходе которой жрец посвящался богине, иначе говоря становился высшим адептом, были навсегда утрачены. Некоторые утверждали, что то был миф, придуманный жрецами, стремившимися вселять благоговейный ужас в сердца невежественных масс. Говоря по правде, мы очень мало знаем о всей совокупности египетских религиозных представлений, помимо их внешних форм. Об оккультных традициях, которые так часто связываются с приверженцами египетской религии, мы не знаем совершенно ничего! Говоря «мы», я имею в виду ученых в целом. Лично я совершил шаг, если не прыжок, в святая святых!

– Осторожней, не заблудитесь там! – шутливо сказал Фэйрбенк.

Но на его лице мелькнула тень озабоченности – как врач, он был обеспокоен изможденным видом Брирли и лихорадочным блеском в глазах ученого. Очевидно, нашему хозяину нездоровилось, и это было замечено всеми. В глазах Айлсы Брирли, неуловимо похожих и все же так отличавшихся от глаз ее брата, доктор мог прочесть, мне кажется, такое же беспокойство, понимание – и жалобную мольбу о помощи.

Брирли беспечно взмахнул длинной белой рукой.

– Не стоит об этом тревожиться, доктор! – ответил он. – Готов признаться, что лабиринт, в котором я очутился, чрезвычайно сложен; но мои шаги тщательно взвешены и просчитаны. Вернемся к нашей истории, мистер Клау. Я нашел мумию одного из высших адептов! Это доказывает папирусом, предположительно написанным им самим, который лежал у него на груди! Я развернул мумию еще в Египте, где она теперь и хранится; папирус, однако, я привез с собой и недавно расшифровал. С первого же взгляда я понял, что передо мной вовсе не заурядные отрывки из «Книги мертвых». После шести месяцев работы выяснилось, что папирус представлял собой детальный рассказ о посвящении жреца в мистерии внутреннего круга!

– И этот папирус уникален? – спросил я.

– Уникален? – вскричал Морис Клау. – Проклятье! Он бесценен!

– Но почему, – продолжал я, – именно этот жрец, единственный среди посвященных, оставил нам рассказ о церемонии?

– Запрещено было разглашать любую деталь, любое слово, Сирльз! – сказал Брирли. – Нарушение закона каралось страшными казнями в нашем мире и еще более чудовищными наказаниями в мире потустороннем. Хамису (так звали жреца) это было хорошо известно. Тем не менее, некоторая причина, о которой, боюсь, мы никогда не узнаем, заставила его доверить тайну папирусу. Вполне возможно, если не вероятно, что его не прочитала ни единая душа, кроме меня и Хамиса.

Мы замолчали, раздумывая о сказанном.

– О да! – пророкотал через несколько мгновений Морис Клау. – Несомненно, открытие это исключительной важности. Вы согласны, друг мой?

Я кивнул.

– Вполне очевидно. Только я никак не пойму, в чем заключалась церемония, Брирли. В этом отношении ваша история несколько туманна.

– Чтение всего папируса займет слишком долгое время, к тому же вы мало что сумеете понять, – ответил Брирли. – Главная странность этого документа состоит в следующем: Хамис недвусмысленно утверждает, что ему явилась богиня. Человеком он был, похоже, в высшей степени здравомыслящим и сдержанным, и его рассказ о церемонии, вплоть до этого места, весьма познавателен. Я исследовал сам папирус – хотя возможность подделки, в сущности говоря, исключена; кроме того, я нашел подтверждение многих содержащихся в нем свидетельств. Остается, мне кажется, выяснить только одно.

– И что же? – спросил я.

– Действительно ли Хамис, пройдя указанную церемонию, увидел Изиду, и не было ли явление богини плодом его воображения!

Все вновь замолчали. Затем –

– Друг мой, – сказал Морис Клау, – у меня есть дочь, которую назвал я Изидой. Почему я назвал ее так? Знайте же, мистер Брирли, что имя это имеет мистическое и возвышенное значение. Но скажу вам – я счастлив, что дочери моей Изиды здесь нет! Мистер Брирли – берегитесь! Берегитесь, говорю я: вы играете с горящим огнем; друг мой – берегитесь!

Его слова произвели на нас глубокое впечатление; словно омут, они скрывали нечто зловещее, что нельзя было разглядеть на поверхности.

Фэйрбенк пристально поглядел на Брирли.

– Верно ли я понимаю, – тихим голосом заговорил он, – что вы готовы признать истинность видения Хамиса?

– Безусловно! – с уверенностью отвечал Брирли.

– И вы готовы также признать наличие сущности, именуемой Изидой?

– Я готов признать существование чего угодно, пока не будет доказано, что оно не существует!

– Если вы признаете вероятность существования Изиды, чем она или оно, по вашим предположениям, является?

– Вопрос не в предположениях, а в научном исследовании!
Доктор искоса глянул на Айлсу Брирли, чье прелестное личико отражало тревогу за брата.

– И это расследование – каким образом вы намереваетесь его провести?

– В обстановке, наиболее приближенной к той, что описана в папирусе, – воодушевляясь все больше, ответил Брирли. – Я проведу церемонию слово в слово, так, как описал ее Хамис!

В его глазах сиял еле сдерживаемый восторг. Мы, четверо слушателей, молча смотрели на него; и вновь доктор нарушил молчание.

– Вы говорите, что во время церемонии звучат слова?

– Первая ее часть включает длинную молитвенную песнь.

– Но ведь древнеегипетский, в качестве разговорного языка, давно мертв?

– Точное произношение утрачено, спору нет; однако многие умеют говорить на этом языке, в том числе и я.

– И я, – мрачно загромыхал Морис Клау. – Но необходимая обстановка? А, друг мой?

– Вот уже год я разыскиваю предметы, упомянутые в папирусе. Теперь моя коллекция полна. Кое-что я сам изготовил из описанных Хамисом материалов. В ряде случаев материалы эти было крайне трудно раздобыть. Но мне удалось целиком воссоздать храм Изида! Точнее, орудие инициации Хамиса – маленькую камеру, которую он описывает сжато и детально. Моя реконструкция завершена; поэтому я и просил вас встретиться со мною этим вечером.

– Сколько времени вы потратили на свои исследования? – спросил Фэйрбенк.

Он задал вопрос тоном врача, расспрашивающего пациента о симптомах болезни; Брирли тотчас распознал этот тон и буквально взорвался от негодования.

– Фэйрбенк, – хрипло проговорил ученый, – мне кажется, вы считаете меня сумасшедшим!

Его бледное, исхудалое лицо, длинные, растрепанные светлые волосы и гневный взгляд, устремленный на собеседника, и в самом деле навевали мысли о желтом доме.

– Право, старина, что за странная идея! – успокоил его доктор. – Признаюсь, мой вопрос был вызван профессиональными соображениями: я подумал, что ваши труды отняли у вас слишком много сил. Вы последний человек на свете, которого я мог бы заподозрить в сумасшествии, Брирли, но за нервы ваши я не поручусь, если вы не бросите на время свои занятия.

Брирли улыбнулся и снова беспечно помахал рукой.

– Прошу прощения, Фэйрбенк, – сказал он. – Обычному человеку мои идеи и впрямь могут показаться фантастическими. Полагаю, это и делает меня таким раздражительным.

– Вы чересчур надеетесь на результаты того, что в лучшем случае является гипотетическим предположением, Брирли. Перевод манускрипта сам по себе – немалое достижение. На вашем месте я предоставил бы оккультные материи разного рода обществам духовидцев. «Сапожник, не суди...», знаете ли*.

– Я слишком далеко зашел, – возразил Брирли. – Нужно довести дело до конца.

– Вы слишком многое поставили на карту, – строго произнес доктор. – Обещайте мне, что если ваш последний эксперимент ничего не даст, вы откажетесь от дальнейших исследований.

Брирли задумался.

– Вы вправду считаете, что я чересчур увлекся?

– Конечно, – был ответ. – Отдохните месяц-другой.

– Это невозможно.

– Почему же?

– Церемония должна состояться в первую ночь месяца Паини, десятого месяца священного года Сотис**. Он соответствует апрелю юлианского календаря.

– Да, – громыхнул Морис Клау, – нынешняя ночь!

– Ну как же! – воскликнул я. – Разумеется! Вы хотите ска-

* «Сапожник, суди не выше сапога» – фраза, приписываемая Апеллесу, знаменитому греческому художнику IV в. до н.э., который осадил этими словами сапожника, вздумавшего критиковать его живопись.

** Официальный древнеегипетский календарь на момент ввода был, как считается, синхронизирован с гелиакическим восходом звезды Сириус (Сотис).

зять, Брирли, что собираетесь провести свой эксперимент прямо сейчас?

– Именно так, – последовал спокойный ответ. – Я пригласил вас всех, и в особенности мистера Мориса Клау, с тем, чтобы провести его в присутствии компетентных свидетелей.

Морис Клау покачал массивной головой и принялся многозначительно пощипывать свою реденькую, бесцветную бородку. Слова Брирли застали нас всех врасплох; у меня мелькнула мысль, что первое апреля – самая подходящая дата для подобного предприятия*. Говоря по правде, я начинал серьезно сомневаться в здравом рассудке Брирли.

– Слугам я дал выходной, – сказал ученый. – Они отправились в театр; никто не сможет прервать эксперимент.

Его лихорадочный энтузиазм оказался заразителен и странным образом начал оказывать свое воздействие и на меня.

– Поднимемся наверх, – продолжал он. – Там я объясню, что следует делать.

Морис Клау увлажнил свой лоб вербеной.

II

Доктор Фэйрбенк! Фэйрбенк вздрогнул и остановился, ощутив на руке прикосновение женской ладони. Айлса Брирли отстала от брата и теперь стояла перед нами. В густой тени коридора едва различалась ее фигурка, и лишь один заблудший луч высвечивал чистый овал ее лица и золотил белокурые локоны.

Ей нужна была помощь, поддержка. Я и раньше читал это в ее глазах. Уголки ее прелестного рта горестно опустились, и я ощутил в сердце жалость.

– Доктор Фэйрбенк! Я весь вечер хотела вас спросить – вы думаете, что он –

* Т. е. в «день дураков». Выше автор пишет, однако, что дело было «августовским вечером».

Она не смогла выговорить страшные слова и отвернулась, кусая губы.

– Мисс Брирли, я положительно опасуюсь, что у вашего брата в любую минуту может случиться нервное расстройство, – ответил доктор. – Он отдал все силы своего ума этому исследованию и намеренно создал вокруг себя болезненную атмосферу.

Айлса Брирли с тревогой посмотрела на него.

– И мы позволим ему продолжать?

– Боюсь, что любая попытка остановить его будет иметь самые разрушительные последствия, учитывая его состояние.

– Но...

Она явно хотела сказать что-то еще.

– Но, помимо всего прочего, – она внезапно и чуть ли не инстинктивно повернулась к Морису Клау, – мистер Клау – правильно ли – проводить такую церемонию?

Он взглянул на нее сквозь стекла пенсне.

– В каком смысле «правильно», дорогая мисс Брирли?

– В том – я хотела сказать – что это идолопоклонство, не так ли?

Ее слова поразили меня. Подобное соображение раньше не приходило мне в голову.

– Вероятно, вы гораздо лучше нас осведомлены о природе данной церемонии, мисс Брирли, – сказал Фэйрбенк. – Вы хотите сказать, что речь идет о поклонении Изиде?

– Он всегда избегал прямого ответа, когда я его об этом спрашивала, – ответила она. – Надо полагать, так оно и есть. Перевод манускрипта я никогда не читала. Уже почти год, как он придумал для себя самую невероятную диету! С тех пор, как мастера закончили работу, никто не входил в камеру, которую он соорудил рядом со своим кабинетом; он проводит там долгие часы каждый день – и каждую ночь!

С каждым словом ее тревога становилась все явственней.

– Вы ведь заметили, что за обедом он ничего не ел, и решили, скорее всего, что он попросту кабинетный ученый с чужаковатыми привычками? Уверяю вас, здесь кроется большее! За чем он отослал из дома слуг? Ах, доктор Фэйрбенк! У меня ужасное предчувствие! Я так боюсь!

Свет в ее глазах, воздетых на него в полумраке коридора, нотки ее голоса, ее трогательный призыв – ошибки быть не могло. Последние три года Фэйрбенк провел за границей, и я понял, что между ним и Айлсой Брирли давным-давно вспыхнула любовь, в которой они боялись друг другу признаться. Я едва не почувствовал себя лишним. Морис Клау на мгновение отвернулся. И тогда –

– Дорогая моя юная леди, не бойтесь, – отечески пророкотал Клау. – Я, старый всезнайка, так счастливо здесь! Быть может, опасность существует – да, я признаю это; опасность возможна. Но опасность та обитает здесь, – он притронулся к своему желтому лбу. – Это опасность разума. Ибо мысли вещественны, мисс Брирли: вот в чем коренится опасность, в мыслительных формах –

– Айлса! Фэйрбенк! Мистер Клау! – послышался голос Брирли. – У нас мало времени!

– Вперед, друзья мои, – громыхнул Морис Клау. – Я с вами.

Его присутствие странным образом успокаивало не только меня, но и Айлсу с доктором; под неприятельской внешностью и потрепанной одеждой Мориса Клау, антиквара из Уоппинга, скрывался человек могучего разума и силы, духовный ковчег спасения.

В кабинете египтолога все было как раньше – застекленные шкафы, уставленные вазами, скарабеями, табличками с иероглифическими надписями и сотнями других осколков великой умершей эпохи, которыми окружил себя ученый; саркофаги, обрамленные папирусы на стене – все казалось знакомым.

Брирли сидел за громадным письменным столом; как и прежде, на столе царил живописный беспорядок.

– Мы должны приступить к делу немедленно! – сказал он, когда мы вошли.

На его бледных щеках горели пятна нездорового румянца. Глаза ярко сверкали. Длительное волнение, связанное с задуманным Брирли странным экспериментом, пожирало этого человека изнутри. Было очевидно, что все его нервы испытывали чрезмерное напряжение.

Брирли поглядел на часы.

– Буду краток, – поспешно объяснил он. – Жизненно важно начать церемонию вовремя. Как вы можете видеть, часть комнаты вон за тем книжным шкафом отгорожена стеной.

Мы посмотрели в указанном направлении. С первого взгляда я не заметил новую стену, но теперь видел, что кабинет ученого и впрямь стал меньше. Всю стену, как и ее предшественницу, закрывали книги, однако там, где раньше были только полки, теперь виднелась небольшая узкая дверь черного дерева, прерывавшая внушительные шеренги кожаных корешков.

– Там находится Тайное святилище, описанное Хамисом! – продолжал Брирли.

Он положил длинную, худую руку на желтоватый, полуразвернутый свиток, лежавший на столе.

– Никто, помимо меня, не должен входить туда – по крайней мере, до утра! – Брирли покосился на Мориса Клау. – Все детали, вплоть до самых мелких, в точности соответствуют описанию Хамиса, – он погладил ладонью папирус. – Многие месяцы я готовился к церемонии, как делал он, путем поста и медитации! В древности, о чем вам несомненно известно, считалось, что только избранные могут лицезреть богиню, остальным же встреча с нею грозит смертью. Признавая вероятность существования Изиды, я должен также признать вероятность того, что древние верования истинны. К тому же, их подтверждает Хамис! Поэтому никто не должен входить в святилище вместе со мной.

– Погодите, мистер Брирли, – вмешался Морис Клау. – Рассказывает ли Хамис, в каком обличии явилась богиня?

Брирли нахмурился.

– На этот вопрос он не дает ответа, – сказал египтолог. – Я совершенно не знаю, чего ожидать!

– Продолжайте! – поспешно сказал я. Несмотря на то, что я испытывал самые глубокие сомнения в отношении душевного состояния моего бедного друга, его план странным образом притягивал и завораживал меня.

Брирли продолжал:

– Ритуал открывается песнопением; название торжественной песни можно приблизительно перевести как «Гимн посвящения». Точное назначение гимна мне не до конца ясно. Это

единственная часть церемонии, где мне понадобится помощь. Петь гимн должна «девственница, что стоит за дверным порогом». Иными словами, когда я войду в святилище, он должен был пропет здесь, в комнате. Айлса сочинила определенную мелодию, которая, мне думается, подходит случаю. Не так ли, Айлса?

Его сестра склонила свою изящную головку, бросив из-под длинных ресниц смущенный взгляд на Фэйрбенка.

– Она выучила слова, так как гимн, разумеется, следует петь на древнеегипетском языке.

– Но я и понятия не имею, что они означают, – тихо добавила Айлса.

– Это ни к чему, – нетерпеливо продолжал Брирли. – В конце концов, вам всем просто нужно оставаться здесь, в кабинете. Боюсь, правда, что вам придется сидеть в темноте! Прошу вас запоминать каждый звук. Не стану говорить вам заранее, с чем именно мы можем столкнуться, чтобы воображение не обмануло вас. Я вернусь через минуту.

Вновь поспешно поглядев на часы, он в крайнем возбуждении вышел из кабинета.

– Прошу вас, не думайте, что я одобряю его опыт, раз помогаю ему! – заговорила Айлса Брирли. – Его эксперимент ужасен! Но что мне делать? Он и слышать ничего не желает! Я не осмеливаюсь его остановить!

– Все мы это понимаем, – сказал Фэйрбенк. – Подчинитесь ему. Когда он проведет свой опыт и потерпит неудачу – что, вне всякого сомнения, и случится – глупость этого предприятия станет ему очевидна. Не беспокойтесь и не вините себя, мисс Брирли. Ваш брат – далеко не первый человек, ослепленный чарами Неизданного.

Она грустно покачала головой.

– Малоприятный фарс, – заметила она. – Но все же здесь кроется большее!

Ее голубые глаза выражали глубокую тревогу.

– О чем вы говорите, мисс Брирли? – спросил Морис Клау.

– Я и сама не знаю! – был ответ. – Последние два месяца я неперестанно ощущаю неясный, растущий в душе ужас!

С глубоким вздохом она подошла к высокому шкафу и достала из него изящный музыкальный инструмент, напоминавший формой арфу. Дека и гриф несомненно были древнеегипетской работы, основанием служила подставка в виде когтистой лапы.

– Вы играете на этом? Да? нет? – с интересом осведомился Морис Клау.

– Да, – устало ответила она. – Инструмент был найден в могиле жрицы Изиды, которая играла на нем в храме богини. Гамма иная, однако любой, кто знаком с современной арфой и даже фортепиано, сможет без труда извлечь мелодию. Звук красивый, но – жутковатый!

Она чуть улыбнулась собственному выражению, и я был рад это видеть.

Возвратился Брирли.

На нем было длинное свободное одеяние из белого льна, на ногах тонкие сандалии. Не считая длинных светлых волос, он во всем походил на настоящего языческого жреца. Глаза исследователя горели воодушевлением, лицо казалось суровым и аскетичным.

На мгновение, когда Брирли заметил выражение полнейшего изумления на наших лицах, губы его тронула тень прежней живой улыбки. Но эта улыбка, едва появившись, тотчас исчезла.

– Вы поражены, несомненно, – сказал он. – Ритуал и мне самому кажется ничуть не менее удивительным. Не считайте меня фанатиком. Я почти не надеюсь на результат. С другой стороны, вспомним, что папирус подлинный и что многие до сих пор верят в эзотерическую мудрость египтян. Отчего бы не исследовать эту загадку, как вы, Фэйрбенк, исследовали бы незнакомое физическое явление?

В его доводах чувствовалась убежденность и логика. Фэйрбенк переводил взгляд с Брирли на девушку, которая отрешенно перебирала белыми руками струны арфы. Тишина громадного пустого дома сгустилась тяжелой тучей. Могло ли быть, что египтяне действительно владели приписываемым им тайным знанием? И где-то на Темных континентах, в Прошлом и Бу-

душем, где-то в пространствах неизведанного обитает сила, существо, дух, известный египтянам под именем Изиды?

Так размышлял я, пока внезапно не заговорил Морис Клау:

– Мистер Брирли, не поздно одуматься! Эта чувствительная пластина, – он постучал пальцами по своему высокому лбу, – предупреждает меня, что кружит над нами зловещая мыслительная форма! Вы собираетесь воплотить то мыслительное создание. Будьте мудры, мистер Брирли – откажитесь от вашего эксперимента!

Тон его голоса заставил всех вздрогнуть. Оттер Брирли посмотрел на него со странным выражением и перевел взгляд на часы, стоявшие на письменном столе.

– Мистер Клау, – негромко сказал он, – я надеялся на иное отношение с вашей стороны; но если вам не по душе то, что я собираюсь предпринять, могу лишь предложить вам удалиться – спорить слишком поздно.

– Я остаюсь, друг мой! Не о себе говорил я – всю жизнь сражался я с порождениями зла – но о других.

Эти слова показались нам несколько загадочными. Брирли нетерпеливо продолжал:

– Прошу вас, послушайте. Я полагаюсь на вас. С этой минуты необходимо соблюдать абсолютную тишину. Что бы ни случилось, не издавайте ни звука!

– Я не буду шуметь, друг мой! – загрохотал Морис Клау. – Старый молчаливый я; наблюдаю и жду – пока не понадобятся мои услуги.

Он пожал плечами и со значением кивнул.

– Прекрасно! – дрожащим от волнения голосом воскликнул Брирли. – Эксперимент, мой заключительный эксперимент начат!

III

Неожиданно он выключил свет.

Подойдя к окну, он взглянул на лунный диск и мгновение спустя опустил штору. Затем Брирли пере-

сек кабинет; его белое жреческое одеяние смутным пятном выделялось в темноте. Мы услышали, как он отпер дверь внутренней комнаты, и ощутили легкий церковный запах свечей и ладана. Дверь захлопнулась.

Тотчас зазвучала арфа.

Звук у нее был особенный, надрывающий душу. Мелодия, которую играла Айлса, представляла собой простое чередование трех нот. Она запела.

Постепенно наши глаза привыкли к темноте, и теперь мы могли различить туманные, мягкие очертания ее фигуры и белые пальцы, порхающие по струнам, точно пальцы призрака. Звуки этого древнего, мертвого столько веков языка, воскрешенные нежным, чудесным голосом Айлсы Брирли, показались мне невыносимо жуткими. Всеми фибрами души и тела я будто ощущал присутствие какого-то сверхъестественного начала.

Не слышно было никакого шума. Во всех беспорядочно разбросанных комнатах старого дома царила тишина. Кедровые у дома чуть шелестели от ветра. Шорох листьев доносился снова и снова, подобный захлебывающимся вздохам.

Я не могу сказать, сколько времени длилось пение гимна. Мне оно показалось бесконечным. У меня появилось странное чувство физической потери, я весь напрягся, как будто звуки гимна требовали от меня, их слушателя, немалых усилий. Я говорил себе, что со мной играет шутки собственное воображение, но каждая нота все более истощала мои нервные силы!

Голос Айлсы раздавался теперь громче и яснее, и странные слова, чье назначение оставалось неведомым, звенели страстью и повелением.

Она умолкла.

В наступившей тишине я отчетливо слышал тяжелое дыхание Мориса Клау. Ощущение таинства сгущалось. Мы могли сопротивляться, но зов его был неодолим.

Фэйрбенк, сидевший ближе к певице, первым заметил, что Айлса Брирли поднялась на ноги и, пошатываясь, направилась к двери.

Мы все были встревожены. Доктор беззвучно встал с места и последовал за нею. Он нагнал ее, когда она уже выходила из

комнаты; в коридоре, где свет был ярче, доктор – как он рассказывал нам позднее – заметил, что по лицу Айлсы разлилась смертельная бледность.

– Мисс Брирли! – сказал он.

Она обернулась.

– Тише! – в тревоге прошептала она. – Ничего страшного, доктор Фэйрбенк. От волнения я почувствовала себя дурно, вот и все. Я пойду к себе и прилягу. Поверьте, со мной все в порядке!

– Но в доме нет слуг, – прошептал он, – и если ваше состояние ухудшится –

– Если мне что-либо понадобится, я позвоню, – ответила она. – В доме так тихо, что вы непременно услышите колокольчик. Возвращайтесь, прошу вас! Он так надеялся на этот опыт!

Фэйрбенк колебался. Но просьба была высказана искренне, а положение дел оставляло желать лучшего, и выбора у него не оставалось. Айлса Брирли удалилась. Фэйрбенк проскользнул в кабинет, где мы с Клау с нетерпением ждали его возвращения.

Из внутренней комнаты приглушенно донесся голос Брирли.

Потянулось долгое ожидание.

Атмосфера таинства действовала и на меня. Некоторое время я прислушивался, ожидая услышать шаги Айлсы Брирли. Но вскоре все вытеснили мысли о нашем странном предприятии; ни о чем другом думать я больше не мог. Теперь я слышал один только приглушенный голос Брирли. Еле различимые слова не имели для меня смысла, но звучание их постепенно обрело значимость в моем сознании. Они казались могущественными заклинаниями и словно притягивали к себе, не отпускающая, странную силу.

Затем послышался новый звук.

Фэйрбенк также что-то услышал – я заметил, что он зашевелился. Морис Клау забормотал себе под нос.

Сперва мне показалось, что звук донесся снаружи, со стороны деревьев, или из святилища Брирли. Но нет – он исходил откуда-то из недр дома.

То было тихое дребезжание, похожее на монотонное звяканье колокольчика.

Голос Брирли смолк.

Звук усилился – и раздавался теперь ближе к нам.

Я обернулся к Фэйрбенку. И он, и предметы в комнате вырисовывались яснее.

И снова послышался резкий звук, напоминавший звяканье колокольчика.

– Проклятье! – раздался хриплый шепот Мориса Клау. – В комнате стало светлее! Это обман чувств, друзья мои – гоните его – гоните!

Фэйрбенк глубоко, со свистом вдохнул воздух. Морис Клау издал сдавленное восклицание – треск и звяканье раздавались совсем рядом!

Ощущение потустороннего присутствия сделалось невыносимым. Борьба была неравной, и ни наука Фэйрбенка, ни мои – достаточно скептические – воззрения не могли нам помочь.

Дверь беззвучно отворилась, впустив в кабинет млечное лунное сияние. Вошла Айлса Брирли!

Ее грациозная фигура купалась в свете; распущенные волосы окутывали ее плечи сияющей светлой волной. Она была чудесно, сказочно прекрасна. Прозрачная вуаль спускалась на ее лицо. Я отвернулся от этого светящегося видения в порыве внезапного, непреодолимого ужаса.

Фэйрбенк, сжимая подлокотники кресла, также пытался отвести взгляд.

Ее широко раскрытые глаза, видимые сквозь вуаль, сверкали грозной, сверхъестественной красотой. Была ли то Айлса Брирли? Я конвульсивно сжал кулаки; мои мысли сбивались. Когда светящаяся фигура, столь ужасная в своей совершенной красоте, медленно двинулась к внутренней двери, вперив в нее неподвижный взор, доктор Фэйрбенк вскочил с кресла и бросился к ней.

– Айлса!

Его хриплый выкрик утонул в громоподобном рычании Мориса Клау.

– Глядите прочь! Глядите прочь! – закричал он. – Боже милосердный! Не смотрите на нее! Глядите прочь!

Предупреждение опоздало. Фэйрбенк был уже почти рядом, когда она обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

Не издав ни слова, ни звука, доктор упал, как подкошенный, точно был сражен могучим ударом!

Она подошла к двери, ведущей во внутреннюю комнату. Дверь беззвучно отворилась перед нею. Изнутри вырвалось облако изысканных благовоний; и дверь закрылась.

– Фэйрбенк! – хрипло прошептал я. – Боже мой! он мертв!

Морис Клау бросился к скорченному телу Фэйрбенка, ясно видимому в лунном свете.

– Поднимите его! – прошипел он. – Нужно унести его – прежде чем вернется она – вы понимаете? – прежде чем вернется!

Наклонившись, мы подняли бесчувственное тело доктора и вынесли – точнее, вытащили – его из комнаты. В коридоре мы, тяжело дыша, опустили Фэйрбенка на пол. Слышен был чистый и нежный голос. Он показался мне незнакомым, и слова я не в силах был понять, но каждый четко произнесенный слог наполнял меня леденящим ужасом.

Я встретил взгляд Мориса Клау, направленный на меня сквозь пенсне.

– Не слушайте, друг мой! – сказал он.

Подняв тело Фэйрбенка, мы вынесли его в гостиную. Клау запер дверь.

– Здесь мы остаемся, пока не вернется нечто туда, откуда явилось! – пророкотал он.

У наших ног недвижно лежал Фэйрбенк.

Вновь раздалось позвякивание.

– Это систр*, священный музыкальный инструмент храмов Изиды, – прошептал Морис Клау.

Источник звука двинулся – и звук стих вдали.

* Систр – древнеегипетский храмовый музыкальный инструмент, своеобразная погремушка, состоявшая из продолговатой скобы с ручкой и прикрепленными к ней металлическими загнутыми прутьями, на которые надевались колокольчики или тарелочки.

– Сирльз! Фэйрбенк! – послышался задыхающийся, напряженный голос Брирли. – Не прикасайтесь к ней! Не смотрите на нее!

Дверь кабинета с грохотом распахнулась. Я услышал шарканье его сандалий в коридоре.

– Фэйрбенк! Клау! Бога ради, ответьте! Скажите, что вы в безопасности!

Морис Клау отпер дверь.

На пороге стоял Брирли с мертвенно-бледным, покрытым каплями пота лицом и безумными глазами. Завидев Клау, он кинулся в комнату.

– Скорее! Кто-нибудь –

– Фэйрбенк, – хрипло проговорил я.

Брирли поспешно зажег свет. Доктор Фэйрбенк, бледный как смерть, полулежал, опираясь на кресло. Морис Клау опустился перед ним на одно колено и приложил руку к груди несчастного.

– Ах, хвала Господу! Он жив! – прошептал Клау. – Принесите воды – не бренди, друг мой – воды. После ищите сестру вашу!

Дрожащими руками, забыв обо всем, Брирли принялся рвать на себе волосы.

– Откуда я мог знать! – простонал он. – Откуда я мог знать! В бутылке есть вода, мистер Клау. Мистер Сирльз пойдет со мной. Я должен разыскать Айлсу!

Он метнулся прочь – странная фигура в развевающемся льняном одеянии. Клау жестом велел мне следовать за ним.

Дверь в комнату Айлсы Брирли были закрыта.

Брирли постучал, но ответа не было. Он повернул ручку и вошел, я же остался ждать в коридоре.

– Айлса! – снова и снова доносился до меня его голос. – Айлса!

Последовала пауза.

– Ты в порядке, дорогая? – прошептал он.

– О, слава Богу, все закончилось! – пробормотал нежный голосок Айлсы. – Ведь все уже позади, правда?

– Все кончено, – подтвердил он.

– Погляди только на мою прическу! – радостно продолжала она. – Голова так болела – думаю, поэтому я распустила волосы. А после я, должно быть, заснула.

– Все хорошо, дорогая, – сказал Брирли. – Спускайся вниз как можно скорее.

Он присоединился ко мне.

– Она спала, и ее волосы рассыпались по подушке! – шепнул он. – И она что-то сожгла – в камине пепел –

Из комнаты вышла Айлса. Только теперь, как мне показалось, она рассмотрела изможденное лицо брата.

– Что-то случилось? – поспешно спросила она. – О! неужели случилось что-то ужасное?

– Нет, дорогая, – успокаивающим тоном ответил Брирли. – Только доктор Фэйрбенк почувствовал себя –

Она побледнела.

– Он здоров?

– Да. Но он потерял сознание. Можешь сама посмотреть.

Мы быстро спустились вниз. Морис Клау, стоя на коленях возле доктора, пытался что-то влить сквозь его стиснутые зубы. Айлса, вскрикнув, бросилась вперед и опустилась на колени по другую сторону бесчувственного тела.

– Ральф! – прошептала она. – Ральф! – и откинула волосы у него со лба.

Он глубоко вздохнул и с усилием проглотил снадобье, которое протягивал к его губам Клау. Через мгновение он широко раскрыл безумные глаза, увидев над собой лицо Айлсы.

– Ральф! – обессиленно проговорила она.

Затем, осознав, с какой нежностью она звала его, называя по имени, Айлса опустила изящную головку, залившись краской смущения.

Но он услышал ее. Свет безумия погас в глазах доктора. Он завладел ее руками и, крепко сжимая их, с трудом поднялся на ноги.

На его лицо упал свет, и все мы увидели небольшой кровоподтек на лбу доктора, прямо между бровями.

В эту секунду Брирли, который тем временем успел вернуться в кабинет, вбежал в гостиную, крича:

– Папирус! И мой перевод! Все исчезло!

Я вспомнил о пепле в спальне Алисы Брирли.

IV

Друзья мои, – внушительно громыхнул Морис Клау, – повезло нам невероятно. Прошли мы сквозь огонь горящий и остались невредимы!

Он извлек свой неизменный пузырек и принялся старательно увлажнять лоб вербеной.

– Господи, прости меня! – сказал Брирли. – Что же я наделал?

– Скажу вам, друг мой, – ответил Морис Клау. – Воплотили вы мысль в прекрасную форму сестры вашей! Ах! вы недоумеваете! Ритуал, друзья мои, есть душа того, что именуют невежды магией. Благодаря кипхи, священным благовониям (о да, узнал я запах!), сумели вы пробудить таинственные силы. Те силы, мистер Брирли, не что иное, как мысли. Все подобные силы суть мысли.

Мысли вещественны – вы же собрали здесь в доме, посредством древнего заклинания, мыслительную форму, сотворенную поколениями верующих, что поклонялись луне.

Свет, что мы видели, был лунным лишь светом, звуки же, что слышали мы, мыслительными были звуками. Но та мысли-

тельная форма была полна силы, тысячелетней силы, что выпустили вы на нас.

Сила та изгнала мысли мисс Айлсы из ее разума и погрузила ее в состояние, что приняла она за сон; и там, в ее разуме, угнездилась она!

На время преобразила ее могучая сила, пребывавшая в ней. Была она могущественна и ужасна в облике богини! Никому не дано видеть ее и оставаться в здравом рассудке!

Гипнотизм подобен древней науке мысли – о да! Суггестия есть тайна всех так называемых оккультных явлений!

В глазах Клау заблестел странный огонек. Он шагнул вперед и положил руки на плечи доктора Фэйрбенка.

– Доктор, у вас на лбу кровоподтек! – громыхнул он.

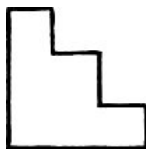
– Что вы говорите? Я и не заметил, – удивленно произнес Фэйрбенк.

– Ибо не физический то кровоподтек, но кровоподтек ментальный в физическом его выражении! Едва не погибли вы, друг мой – о, столь едва! Но иная сила – великая, словно сила древней мысли – ослабила удар. К счастью, доктор Фэйрбенк, мисс Айлса любит вас!

Его откровенные слова поразили всех нас.

– Взгляните хорошенько на форму того кровоподтека, – продолжал Морис Клау. – Мистер Брирли, знакома вам будет та форма. Глядите! Она такова.

Длинным пальцем он изобразил в воздухе воображаемые очертания.

– То знак Изиды!

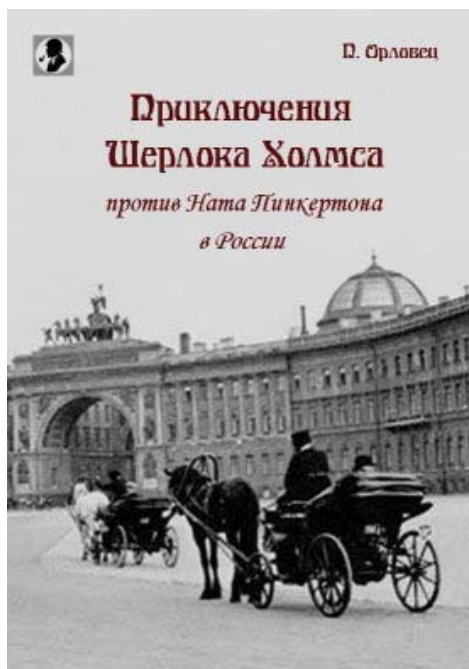
К иллюстрациям

На фронтиспise – Морис Клау в изображении худ. Р. Ханта (ок. 1970). На с. 16 – обложка первого отдельного издания «Спящего детектива» (Лондон, 1920) работы худ. Дьюара. На с. 66 фотография Старой лестницы в Уоппинге. На с. 106 – обложка худ. Д. Ломбардеро к американскому изданию второй половины XX в. (Нью-Йорк, 1966). На с. 134 иллюстрация из первого американского издания «Спящего детектива» (Нью-Йорк, 1925). На с. 197 – суперобложка указанного выше издания. Рисунки в тексте – иллюстрации Д. К. Колла к произведениям Ромера из журнала «Кольерс» (1913-1921). В оформлении обложки использована иллюстрация худ. Кресси к публикации «Спящего детектива» в приложении к «Кливленд плен дилер» (1926).

Оглавление

<i>А. Шерман. Когда спящий проснется</i>	7
Спящий детектив	
Трагедии в Греческом зале	17
Черепок Анубиса	40
Топор крестоносца	63
Статуя из слоновой кости	85
Голубой раджа	107
Шепчущие тополя	135
Аккорд в соль-минор	157
Обезглавленные мумии	177
Привидение в Грейндже	202
Покрывало Изиды	225
К иллюстрациям	247

В серии «Новая шерлокиана» вышла книга:

Мало кому известно, что Шерлок Холмс и его верный спутник доктор Уотсон боролись с преступниками не только в Англии и Западной Европе, но и в далекой России. Здесь, на заснеженных просторах империи, Шерлоку Холмсу предстоит померяться силами с прославленным американским детективом Натом Пинкертоном! Российские расследования Шерлока Холмса – в книге писателя и журналиста П. Орловца (П. П. Дудорова) «Шерлок Холмс против Ната Пинкертона в России», впервые изданной в 1909 г.

Этой книгой наше издательство открывает серию «Новая шерлокиана». В нее войдут книги о знаменитых детективах, которые соперничали в свое время в популярности с Шерлоком Холмсом, шерлокианские статьи и материалы и, конечно, истории о новых приключениях великого сыщика.